

**СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИСТИКА:
ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ**

Под общей редакцией Е.Г. Хомяковой

Санкт-Петербург
2023

УДК 811.111
ББК 81.2
С 56

Авторы: Е.Г. Хомякова (Введение); О.В. Емельянов и И.В. Бережнюк (гл. I); Е.Г. Хомякова и К. Ле (гл. II); Т.П. Третьякова и И.В. Ильина (гл. III); Л.В. Неудачина и Ю.В. Соловей (гл. IV); Н.Ф. Щербак и С.В. Абасова (гл. V); А.А. Горелова и А.Г. Минченков (гл. VI); А.А. Захарова и И.В. Толочин (гл. VII); Е.А. Кованова и Н.П. Самарина (гл. VIII); Т.Р. Гемуева и Э.И. Мячинская (гл. IX); М.А. Васильева и В.Г. Силантьева (гл. X).

Рецензенты: Т.И. Воронцова, д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; Е.В. Родионова, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Научные редакторы: канд. филол. наук, доц. О.В. Емельянова, д-р филол. наук, доц. И.В. Толочин, д-р филол. наук, проф. Е.Г. Хомякова (отв. ред.).

Современная англистика: Языковые механизмы формирования культуры / под общей ред. Е.Г. Хомяковой. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2023. – 200 с.

ISBN 978-5-00045-???

Коллективная монография представляет собой серьезное полиаспектное исследование репрезентации англоязычного дискурса на современном этапе развития прагмалингвистической парадигмы, проведенное филологами-англистами СПбГУ. В ней представлены результаты научно-исследовательской деятельности, осуществляемой совместно с бакалаврами, магистрантами и аспирантами СПбГУ. Основное внимание уделяется выявлению и описанию в англоязычных текстах различной жанровой принадлежности таких лингвокогнитивных категорий, как ценности и оценка, концепты и концептуальная картина мира, изучению аксиологических характеристик средневекового рыцарского общества, проблемам описания значения, анализу искусствоведческого, общественно-политического, художественного и интернет-дискурса с помощью методов когнитивно-семантического, прагма-коммуникативного и лингвокультурологического анализа способов языковой объективации этно- и социополитического взаимодействия культур.

Предназначена лицам, профессионально занимающимся проблемами лингвистики, философии языка, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, а также студентам старших курсов, магистрантам, аспирантам, преподавателям, специалистам-германистам.

ISBN 978-5-00045-???

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Е.Г. Хомякова).....	4
РАЗДЕЛ 1. Полиаспектность англоязычного дискурса	12
ГЛАВА I. Зарубежный искусствоведческий дискурс о советском политическом плакате: ключевые слова и ключевые образы (О.В. Емельянова, И.В. Бережнюк)	12
ГЛАВА II. Язык ценностей в англоязычном искусствоведческом дискурсе о русской живописи XX века (Е.Г. Хомякова, К. Ле).....	32
ГЛАВА III. Фактор агональности в современном американском политическом дискурсе как элемент интенциональной каузации (Т.П. Третьякова, И.В. Ильина).....	48
ГЛАВА IV. Паремия как прагма-семантический инструмент воздействия в политическом дискурсе (Л.В. Неудачина, Ю.В. Соловей).....	64
ГЛАВА V. Языковая репрезентация героя и трансдискурсивность в постколониальной англоязычной прозе (Н.Ф. Щербак, С.В. Абасова).....	78
РАЗДЕЛ 2. Ценностно-культурный контекст прагма-семантических репрезентаций	99
ГЛАВА VI. Disrespect как ценностный концепт в концептосфере английского языка (А.А. Горелова, А.Г. Минченков)	99
ГЛАВА VII. Kick the bucket: идиома в словарях и корпусах – проблема описания значения (А.А. Захарова, И.В. Толочин)	116
ГЛАВА VIII. A nation of sensible tea drinkers: сравнительно-сопоставительный анализ авто-, мета- и гетеростереотипов об англичанах (Е.А. Кованова, Н.П. Самарина).....	134
ГЛАВА IX. Лингвистические средства репрезентации аксиологических характеристик средневекового рыцарского общества в поэтическом тексте 14 века «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (Т.Р. Гемуева, Э.И. Мячинская).....	157
ГЛАВА X. Прагматические типы высказываний в интернет-текстах о ментальном дискомфорте (М.А. Васильева, В.Г. Силантьева)	179
Литература.....	189

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография «Современная англистика: языковые механизмы формирования культуры» продолжает серию трудов, посвященных проблемам современной англистики, являясь результатом коллективной работы ученых-филологов СПбГУ и студентов-выпускников бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, чьи Выпускные Квалификационные Работы представляют собой законченное научное произведение, отличающееся новизной, практической и теоретической значимостью, а полученные результаты способствуют дальнейшему развитию современной лингвокультурной прагма-когнитивной парадигмы.

Начало подобным публикациям было положено, когда в 2013 году появились первые книги серии «Английские миниатюры», на смену которым пришли выпуски «Современной англистики». Первой в этой парадигме в 2020 году вышла коллективная монография «Современная англистика: языковая палитра культуры», посвященная существующим подходам к изучению лингвокультурологических категорий современной лингвистической науки, а в 2021 появилась книга «Современная англистика: Культура и социум в калейдоскопе англоязычного дискурса».

Работа, представленная вашему вниманию, выполнена в рамках современной антропоориентированной лингвистической парадигмы и отличается актуальностью решаемых задач с использованием самых современных когнитивно-семантических и культурологических методов анализа языкового материала. Язык не перестает привлекать внимание ученых еще со времен Платона и Аристотеля, но на каждом витке становления лингвистической науки меняются методы и подходы к изучению языка, аспекты и параметры языковых явлений, интересующих лингвистов, культурологов, философов, психологов, социологов, представителей различных дисциплин, которые нуждаются в результатах лингвистических исследований. Этим объясняется широкий диапазон теоретических вопросов, которые решаются на страницах этой монографии в соответствии с запросами современной научной парадигмы, отличающейся лингвокогнитивной и антропокультурной направленностью.

Понятия языка и культуры, которые составляют основу названия монографии, наилучшим образом передают особенность ее содержания,

структуры, используемых методов анализа языка и тех уровней языковых категорий, которые исследуются в работе. Не вызывает сомнения, что язык – это зеркало культуры, которая является результатом деятельности человека. Отражая в языке культуру, человек формирует ее образ с помощью языка, всех его механизмов и на всех его уровнях, оставаясь в нем как носитель и репрезентант своей культуры и языка.

В главах коллективной монографии исследуются не только языковые, но и лингво-философские категории и явления: ценностные концепты, картина мира, оценка, лингвокультурные концепты, авто-, мета- и гетеростереотипы. Отличительной особенностью данной работы является то, что языковой анализ проводится на полижанровом материале англоязычных текстов, репрезентирующих дискурсивное пространство языка. Исследованию подвергаются языковые репрезентанты различных категорий и уровней современной лингвистики, которые функционируют в рамках социокультурологического, публицистического, искусствоведческого дискурса, блогодискурса и интeрнет-дискурса, а также понятийно-содержательных параметров лексикографических источников. Отличительными особенностями исследований являются полижанровость текстового материала, многоуровневость методов, используемых для анализа языкового материала.

Учитывают важность и востребованность исследований дискурсивных практик и применения дискурс-анализа для описания своеобразия функционирования языка на материале различных языковых источников, авторы монографии, тем не менее, придерживаются концепции, согласно которой современная лингвистическая парадигма отличается широким полифункциональным подходом с учетом лингвокогнитивных и лингвокультурологических параметров текстового материала.

Дискурс рассматривается в данной работе скорее не как этап развития науки о языке, а как объект лингвистического анализа, динамично эксплицирующий «речь, погруженную в жизнь». Именно в этой связи особое внимание в монографии уделяется изучению прагма-коммуникативных проявлений социокультурных антропоцентричных связей носителей языка, репрезентируемых в текстах различной жанровой отнесенности и доступных для лингвистического описания.

Избранный подход позволил объединить в одном труде различные, на первый взгляд, проблемы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, объединенные темой дискурсивных культурологических исследований, и выделить в собранном материале два раздела. Первый «Полиаспектность англоязычного дискурса» включает главы, посвященные

проявлениям языковых реалий в текстах различной жанровой принадлежности, репрезентирующих дискурсивное пространство англоязычной культуры, и второй «Ценностно-культурный контекст прагма-семантических репрезентаций», в котором значительное внимание уделяется семантическим проявлениям языковых категорий на уровне когнитивных, культурологических, прагматических подходов к изучению как современного, так и исторического уровня языковых репрезентаций.

Первый раздел монографии «Полиаспектность англоязычного дискурса» открывает Глава «Зарубежный искусствоведческий дискурс о советском политическом плакате: ключевые слова и ключевые образы» (О.В. Емельянова, И.В. Бережнюк), посвященная лингвокультурологическому анализу языковой актуализации ключевых образов советского агитационного плаката в научном искусствоведческом дискурсе. Важным является авторское наблюдение о том, что основой художественного образа в плакатах 1917–1953 гг. является использование концептуальной оппозиции «свой–чужой», что находит подтверждение западных искусствоведов Г. Кэлхуна и В. Боннелла, которые выделяют ряд ключевых образов «своих»: *comrade, worker, blacksmith, kolkhoznik, vozhd', female comrade, rodina, mother*. Типажи этих героев соотносятся с некоторыми аспектами лингвокультурного типажа, поскольку они воплощали и пропагандировали ценности молодого советского государства: *patriotism, equality, education, cultural orientation, asceticism, and high idealism*. Их художественное воплощение строилось на изображении понятных представителю русской культуры атрибутов (серпа и молота, книги и факела), позволявших безошибочно категоризировать и узнавать «своих» на плакате. Параллельно с процессом создания и пропагандой идеальных образов для подражания в агитационном искусстве формировались многочисленные образы «чужих», классовых врагов – внутренних (*priest, kulak, landowner or pomeshchik, capitalist or burzhui, tsar, Menshevik*) и внешних (*interventionists, members of the Entente, fascists, American capitalists*). На основе предлагаемой западными экспертами интерпретации авторы главы приходят к выводу, что коммуникативная установка политического плаката состоит в том, что он должен активизировать восприятие и волю реципиента, побуждая его к действию.

Во Второй Главе «Язык ценностей в англоязычном искусствоведческом дискурсе о русской живописи XX века» (Е.Г. Хомякова, К. Ле) авторы рассматривают особенности репрезентации в искусствоведческом тексте, посвященном творчеству русских художников советского

периода, ценностных концептов и приходят к ряду важных наблюдений. Во-первых, они отмечают, что изучение искусствоведческого дискурса дает основание говорить о сложной иерархически организованной структуре концептуального пространства текстов экспертов, которая позволяет выделять несколько уровней репрезентации концептуальных кластеров: макроконцепт MOTHERLAND включает концептуальный кластер первого уровня с концептами RUSSIA и SOVIET UNION, первый из которых образует концептуальный кластер второго уровня, состоящий из субконцептов RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN CULTURE, RUSSIAN PATRIOTISM, RUSSIAN SYMBOLS, RUSSIAN PEOPLE, RUSSIAN RELIGION, RUSSIAN LEADERS. Субконцепт RUSSIAN HISTORY образует концептуальный кластер третьего уровня, объединяя микроконцепты RUSSIAN REVOLUTION и RUSSIAN BATTLE, которые связаны событийным значением. Во-вторых, авторы главы подчеркивают, что концепты, относящиеся к кластерным образованиям разных уровней, могут быть представлены в одном текстовом фрагменте, демонстрируя сложный характер взаимодействия как с макроконцептом, так и с концептами других уровней в зависимости от их ценностно-смысловых характеристик в рамках определенного социокультурного контекста (RUSSIA – RUSSIAN HISTORY – RUSSIAN REVOLUTION). В-третьих, авторы главы считают, что ценностная составляющая макроконцепта не распространяется на все уровни концептуально-кластерных репрезентаций, и допускают возможность рассматривать микроконцепты RUSSIAN REVOLUTION и RUSSIAN BATTLE с точки зрения антиценностей, учитывая высокую степень их субъектно-ориентированной понятийно-смысловой вариативности. Наконец, по мнению авторов, несмотря на то что концепты SOVIET UNION и RUSSIA объединены принадлежностью к макроконцепту MOTHERLAND и демонстрируют высокую степень семантической схожести, их текстовые репрезентации дают основание говорить о разных, а подчас и противоположных знаках оценки, которой наделяет их автор текста, интерпретируя картины художника, что подчас позволяет рассматривать эти концепты в терминах оппозиции «Свой – Другой».

В Третьей Главе **«Фактор агональности в современном американском политическом дискурсе как элемент интенциональной каузации»** (Т.П. Третьякова, И.В. Ильина) авторы изучают особенности репрезентации агональных стратегий и тактик в современном американском политическом дискурсе. Поскольку под агональностью в политической коммуникации понимается конфликтная интенциональность, возникающая при столкновении мнений, которая провоцирует вербальную агрессию,

то в качестве материала исследования были выбраны предвыборные дебаты между кандидатами на пост президента США 2016–2020 годов. В результате проведенного прагма-лингвистического анализа в рамках стратегий на понижение и повышение были определены тактики, связанные с реализацией аксиологических значений как элементов интенциональной каузативной ситуации. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о высокой значимости тактик, используемых в рамках манипулятивных технологий для создания образа политика.

В Четвертой Главе **«Паремия как прагма-семантический инструмент воздействия в политическом дискурсе»** (Л.В. Неудачина, Ю.В. Соловей) авторы исследуют особенности функционирования паремии в политическом дискурсе, в частности, дискурсе президента Барака Обамы. Паремия представляется особенно интересным элементом содержания политической риторики, так как обращена к элементарным представлениям, чувствам и желаниям людей, формируя таким образом основу для более сложных социальных установок. Основное внимание в главе уделяется изучению паремиологических трансформаций на синтаксическом, морфологическом и семантическом уровнях. В ходе анализа удастся выявить лексические единицы, которые в риторике американского президента стали знаковыми и пополнили паремиологические словари. В рамках проведенного исследования авторы делают вывод о роли применения узуальных форм паремий и окказиональных трансформациях, а также о специфике их применения как стратегического средства, ориентированного на усиление воздействия на аудиторию. Исследование «паремийной» риторики Б. Обамы показало, что эффективность любого политического дискурса зависит от умения оратора объединить в своих обращениях рациональное и эмоциональное, причем последнее достигается в том числе и посредством применения паремий, придающих речам большую образность, выразительность и яркость.

В Пятой Главе **«Языковая репрезентация героя и трансдискурсивность в постколониальной англоязычной прозе»** (Н.Ф. Щербак, С.В. Абасова) авторы констатируют, что в западноевропейской культуре и литературе, начиная с 1960-х годов, актуальным стал вопрос переосмысления культуры народов, которые находились под влиянием Британской империи. Начало развития постколониальной теории связывают с выходом монографии культуролога и литературоведа Эдварда Саида «Ориентализм» (1976), который отмечал, что Метрополия воздействует на колонию, подавляя ее, и постепенно вытесняет и подчиняет все проявления данной культуры, сводя их к имитации. Таким образом,

в постколониальном дискурсе культура колонизатора, далекая от того, чтобы быть простой, подавляющей силой колонизированной культуры, открыта для амбивалентности. В качестве ведущей дискурсивной практики в постколониальной литературе выступает, по мнению авторов статьи, трансдискурсивность, поскольку именно она позволяет осуществлять эффективную осцилляцию смыслов от одного дискурса к другому, что формирует аутентичные коммуникативные модели в ситуации трансформации художественного пространства.

Во Втором разделе монографии **«Ценностно-культурный контекст прагма-семантических репрезентаций»** Шестая Глава **«DISRESPECT как ценностный концепт в концептосфере английского языка»** (А.А. Горелова, А.Г. Минченков) посвящена концептуальному анализу, который проводится на материале английского языка с учетом диахронического подхода. Как справедливо отмечают авторы главы, концепт DISRESPECT является одним из ключевых в концептосфере английского языка, и входит в две когнитивные области: FEELING и HUMAN BEHAVIOUR и демонстрирует способность репрезентировать как наличие у субъекта определенных чувств и эмоций по отношению к ситуации или другому субъекту, так и проявление этих чувств в виде той или иной модели поведения. Исследование показывает, что, актуализируя межличностные отношения членов социума, анализируемый концепт-схема неизбежно отражает ценности этого социума, выявляемые при анализе репрезентируемых ситуаций, в том числе изменение ценностей во времени. В ситуациях проявления DISRESPECT можно говорить о факторах, вызывающих неуважение у одного субъекта по отношению к другому, обозначаемых в исследовании как каузаторы DISRESPECT. Эти каузаторы, по мнению авторов, и отражают существующие в социуме ценности. Исследование методом контекстуально-репрезентативного анализа позволило выявить набор каузаторов и проследить их изменение в XX веке по сравнению с серединой XIX века. Второй метод исследования – психолингвистический эксперимент с участием носителей современного английского языка – позволил уточнить перечень каузаторов применительно к началу XXI века, а также выявить, какие свойства и модели поведения современные носители английского языка склонны категоризировать как проявление неуважения. Изменение каузаторов с середины XIX до начала XXI века показывает, как менялись ценности англоязычного социума.

В Седьмой Главе **«Kick the bucket: идиома в словарях и корпусах – проблема описания значения»** (А.А. Захарова, И.В. Толочин) представлены результаты анализа контекстов использования идиомы *kick*

the bucket на основе выборки из онлайн корпусов в сопоставлении с дефинициями данной идиомы в словарях и ее трактовкой в современных теоретических источниках. Полученные данные убедительно свидетельствуют о целесообразности корректировки традиционного понимания идиомы как нечленимой и семантически неразложимой единицы словарного фонда языка.

В Восьмой Главе «**A nation of sensible tea drinkers: сравнительно-сопоставительный анализ авто-, мета- и гетеростереотипов об англичанах**» (Е.А. Кованова, Н.П. Самарина) проводится исследование содержания и языковой актуализации стереотипов об англичанах в британском лингвокультурном пространстве. В исследовании рассматриваются содержательные и оценочные компоненты авто-, мета- и гетеростереотипов об англичанах на материале публицистического дискурса, выявляются способы репрезентации этностереотипов на различных уровнях языковой системы.

В рамках Девятой Главы монографии «**Лингвистические средства репрезентации аксиологических характеристик средневекового рыцарского общества в поэтическом тексте 14 века**» (Т.Р. Гемуева, Э.И. Мясинская) проводится исследование текста среднеанглийской поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». С опорой на труды ученых-лингвистов, литературоведов и историков авторам удалось сформировать теоретическую базу, позволяющую провести анализ текста поэмы и изучить его с точки зрения лингвистической аксиологии. Наряду со спецификой поэтического текста «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» в главе исследуются проблемы его авторства, датировки и исторической значимости произведения, а также обозначаются некоторые факты, касающиеся исторического контекста, в котором, предположительно, создавалась поэма. В ходе анализа авторы смогли выявить различные лингвистические средства актуализации аксиологических характеристик рыцарского общества, присущие рассматриваемому тексту, а также обозначить в выявленном аксиологическом комплексе основные иерархические отношения ценностных характеристик.

В Главе Десятой «**Прагматические типы высказываний в интернет-текстах о ментальном дискомфорте**» (М.А. Васильева, В.Г. Силантьева) представлен анализ интернет-текстов, объединенных тематикой ментального дискомфорта. Ментальный дискомфорт – это неприятное внутреннее состояние или ощущение, являющееся результатом беспокойства, неудовлетворенности, самокритики или неуверенности в себе. Наличие состояния ментального дискомфорта в

исследуемых текстах заявлено их авторами и подкреплено тематическими хэштегами: #mentalhealth #mentalhealthawareness #mentalhealthissues #depression #anxiety #anxietyawareness #mentalhealthmatters #mentalhealthawarenessweek #eatingdisorderawareness #breakstigma #postyourpill. Данные интернет-тексты были выбраны в связи с тем, что они формируют новый жанр интернет-дискурса «повышения уровня общественной осведомленности по актуальной теме или проблеме» (*англ.* «raising awareness»). Основное внимание в работе уделяется использованию авторами различных типов прагматических высказываний с точки зрения целеустановок адресанта в рамках неориторической теории, где одновременно учитываются особенности речевой ситуации и интенции участников коммуникации. Значительное место в ходе анализа авторы главы отводят изучению манифестаций стратегий убеждения и повышения осведомленности относительно актуальной для общества проблематики. В рамках лингвистического и риторического исследования делаются выводы о речевом поведении авторов данных тематических текстов и характерных для данного жанра типах прагматических высказываний.

Можно предположить, что результаты проведенного полиаспектного анализа англоязычного материала могут представлять интерес для специалистов самых разных областей гуманитарных исследований. И хотя решение многих вопросов, предлагаемое в данном труде, не отличается однозначностью и приглашает к дискуссии, материал книги будет несомненно способствовать лучшему пониманию той роли, которую прагмакогнитивный и лингвокультурологический подходы играют в исследовании языковой деятельности человека познающего, чья речемыслительная деятельность неотделима от социума и его культуры.

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИАСПЕКТНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

ГЛАВА I. ЗАРУБЕЖНЫЙ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС О СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ: КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276*

В последние десятилетия в научной лингвистической парадигме утвердился антропоцентрический подход. В результате этого повышается интерес к проблеме восприятия человеком языка и культуры, а также оценки одного и того же явления культуры представителями разных народов. Различия в их оценке выявляют различия между национальными картинами мира. Внимание к междисциплинарному взаимодействию, изучению ценностного аспекта, заложенного в художественные образы, и к искусству как носителю части культурного кода разных народов привело к тому, что в центре внимания ученых оказалось агитационное искусство советского плаката. Анализ зарубежных искусствоведческих текстов позволяет понять, как выглядит со стороны та пропагандистская парадигма, в которой росли поколения советских людей.

Пропагандистское искусство является одним из сложных и неоднозначных явлений любой национальной культуры, так как в нем отражены попытки власти выдать «желаемое за действительное», привить населению определенный образ мыслей и поведения, провести черту между новым и старым, хорошим и плохим. Оценка подобного рода искусства исследователями, не принадлежащими к данной национальной культуре, особенно интересна. Анализ зарубежных искусствоведческих текстов позволяет понять, как выглядит со стороны та пропагандистская парадигма, в которой росли поколения советских людей. Как и в современном мире, так и тем более в период существования Советского государства такие сферы, как политика и искусство, находились в постоянном

взаимодействии друг с другом. Более того, искусство стало особым инструментом, который использовало государство для наиболее эффективного воздействия на сознание граждан.

Основные задачи нашего исследования можно сформулировать следующим образом: 1) выявить ключевые слова искусствоведческого дискурса о плакате, которые выступают в качестве своеобразного кода для понимания авторской интенции, поскольку являются основным средством номинации заложенных в выделенные образы понятий и ценностей; 2) проанализировать эволюцию выделенных зарубежными исследователями ключевых плакатных образов в контексте социополитических изменений; 3) выявить пути формирования и категоризации образов «своих» и «чужих» в текстах, посвященных советскому плакату.

Материалом исследования послужили монография Виктории Боннелл «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin» [Bonnell 1998] и диссертация Глории Кэлхун «Saints into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters» [Calhoun 2014].

Как хорошо известно, роль пропагандистского искусства вообще и политического плаката в частности существенно возрастает в период глобальных социально-политических потрясений. Работы, в которых исследуется политический плакат, могут быть отнесены к искусствоведческому дискурсу, который, как и любой вид институционального дискурса, имеет свои особенности. Его основные черты можно обозначить следующим образом:

1. Англоязычный критический искусствоведческий дискурс является подтипом институционального искусствоведческого дискурса. Вместе с тем в нем обнаруживается комбинация элементов научного, художественного, масс-медийного и рекламного дискурсов, что преобразует его в многоаспектное интердискурсивное образование.
2. Критический искусствоведческий дискурс предполагает сложный процесс восприятия, осуществляемый на уровне невербального подтипа дискурса, где кодом передачи образов является семиотическая система искусства, и вербального, на котором данные образы получают языковую актуализацию и подвергаются вторичному восприятию, усложненному ввиду высокого уровня терминированности, интертекстуальности и метафоризации изучаемого дискурса.
3. Изучаемые тексты свидетельствуют об особой нелинейной коммуникативной архитектонике критического искусствоведческого

дискурса, определяемой его целеустановками: информировать, интерпретировать, оценивать, воздействовать на мнение читателя, где основной является установка на оценку предметов искусства.

4. Критик как адресант в коммуникативной модели критического искусствovedческого дискурса выстраивает коммуникацию в соответствии со стратегиями информирования, интерпретации, оценки и убеждения, составляющими ядро коммуникативно-прагматических установок дискурса [Ерохина, 2018] (см. также [Булатова, 1999]).

На основе ознакомления с теоретической литературой по вопросу ключевых слов (см., например, [Матвеева, 2003], [Шмелева, 1993], [Яшин, 2010]) из материала исследования было выделено два набора. В качестве критерия отбора послужила в первую очередь частотность, а также значимость для полного раскрытия темы нашего исследования.

К первому набору относятся *iconography, image, category, tipazh, visual syntax*. Данные лексемы широко используются авторами в процессе интерпретации плакатных изображений. Основное внимание в работе уделено второму набору, к которому относятся существительные *comrade, vozhd, enemy, hero, worker, peasant, homo sovieticus*, etc., т.е. лексемы, служащие номинацией наиболее значимых плакатных образов, представляющих собой результат классовой категоризации, которую невозможно представить вне антитезы «свой–чужой», на которой следует остановиться подробнее.

Дихотомию «свой–чужой» считают базовой для человеческого сознания, фундаментальной для развития этноса и национальной культуры. Эта дихотомия лежит в основе формирования национальной и социальной идентичности [Майков, 2006]. С точки зрения Ю.С. Степанова осуществление противостояния, которое наилучшим образом выражается при помощи такого сочетания, как «свой/чужой», «проходит через всю культурную структуру и определяется как основная составляющая мировосприятия на уровне народа или нации и т.д.» [Степанов, 2001] (см. также [Дубоссарская, 2008], [Илиополова, 2010], [Казакова, 2014], [Камалова, 2018]). Для каждого народа в ходе его исторического развития важным элементом стратегии выживания является различие «своего» от «чужого», а также правильное взаимодействие с чужим, которое в процессе взаимовлияния разных национальных культур впоследствии может стать «своим». Как показывают многочисленные исследования, понятие «свой» часто актуализируется в образе героя (хотя и не только в нем), а «чужой» – в образе врага [Иванова, 2017], [Козырев, 2016],

[Молодыченко, 2010]. Герой – это человек, который становится на высшую ступень понятия «своего», так как жертвует собой ради общества, к которому принадлежит; его антагонист, враг, наоборот старается нанести вред тому обществу, частью которого он себя не ощущает (даже если формально он является его членом).

Если же рассматривать понятие «чужой» с точки зрения культурной антропологии, то в данном случае чужим является тот, кто относится к другой культуре, отличной от собственной. Процесс понимания чужой культуры похож на расшифровку кодов. «Культурными кодами» является та информация, которая заложена в коннотативное значение отдельных слов, позволяющая истолковать и понять носителям различных национальностей так, чтобы процесс межкультурной коммуникации прошел без сбоев. Эти идеи в XX веке развивали американские ученые Э. Сепир и Б.Л. Уорф, которые выдвинули гипотезу лингвистической относительности, что дало основание для выделения таких наук, как психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, культурология, лингвострановедение, переводоведение.

С самого начала контактирования обе стороны сразу же чувствуют тот факт, что их оппонент не так воспринимает окружающую действительность, что у него наличествуют другие ценности, он руководствуется несколько иными нормами поведения и т.д. К такого рода отличиям как раз уместно применить понятие «чужой». В данном случае в качестве типичного примера можно принять ситуацию, когда в процессе коммуникации субъектов, относящихся к разным культурам, осуществляется так называемое противостояние отличных друг от друга взглядов, когда оба оппонента не сразу понимают того значения, которое это противостояние имеет. Однако они оба в самом начале общения чувствуют тот факт, что оппонент воспринимает окружающую действительность несколько иначе, что ценностные показатели в данном случае отличаются друг от друга [Садохин, 2007].

С самого начала контактирования обе стороны сразу же чувствуют тот факт, что их оппонент не так воспринимает окружающую действительность, что у него наличествуют другие ценности, он руководствуется несколько иными нормами поведения и т.д. К такого рода отличиям как раз уместно применить понятие «чужой».

Процесс, при котором осуществляется непосредственный контакт с чужой культурой, рассматривается с двух сторон. Во-первых, человек ощущает наличие чего-то непонятного, незнакомого, ощущает недоверие и желание проявить осторожность. Во-вторых, он испытывает удивление,

сталкиваясь с тем, что, казалось бы, противоречит обыденности, испытывает интерес к относительно новым явлениям. Исходя из этого, при осуществлении взаимодействия между разными культурами, такие понятия как «свой» и «чужой» рассматриваются как фундаментальные.

В нашем исследовании универсальная семиотическая оппозиция «свой–чужой» реализуется в двух аспектах. Во-первых, как уже было сказано, ключевые образы политических плакатов отражают результаты классовой категоризации: «свои» воплощают «правильные», с точки зрения государственной идеологии, ценности и служат примером для подражания, а «чужие» – это, напротив, классово и идеологически чуждые элементы, подлежащие острой критике и даже уничтожению. Во-вторых, англоязычный искусствоведческий дискурс представляет собой некий взгляд со стороны, мнение представителей иной, несоветской культуры на определенную сферу чужой для них культуры, что является несомненным вкладом в процесс межкультурного взаимодействия.

В своем исследовании советских политических плакатов «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin» Виктория Боннелл анализирует изменения, произошедшие в образах, стилях и функциях политического плакатного искусства с 1917 по 1953 год. Каждый, кто жил в России после Октябрьской революции, был немного знаком с традиционными изображениями рабочего-мужчины, великих коммунистических лидеров, колхозницы, капиталиста и других. Это были своего рода новые иконы, на которых были запечатлены большевистские герои и их противники в соответствии с установленным шаблоном. Как и другие «выдуманные традиции» нового времени, иконографические образы в пропагандистском искусстве неустанно повторялись, объединяя большевистскую идеологию и традиционные мифологии дореволюционной России. Рассматривая пропагандистские изображения как часть особого визуального языка, Боннелл показывает, как люди «читают» их, полагаясь на свои привычки видеть и интерпретировать народное, религиозное, коммерческое и политическое искусство (как до, так и после 1917 года), а также традиции изобразительного искусства России и Запада. Опираясь на монументальную скульптуру и праздничные экспозиции, а также плакаты, исследование прослеживает, как советское пропагандистское искусство формировало менталитет русского народа и само формировалось под влиянием популярных взглядов и предположений. Иконография власти включает плакаты, датированные последними десятилетиями старого режима до смерти Сталина, найденные автором в российских, американских и английских библиотеках и архивах. В книге воспроизведены сто исключительно ярких

плакатов, многие из которых ранее никогда не публиковались. Боннелл помещает эти плакаты в исторический контекст и дает подробный отчет об эволюции визуального дискурса о власти в Советской России.

Г. Кэлхун в своей диссертации «Saints into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters» исследует визуальные архетипы русской православной иконографии и их отражение в политических плакатах. Иконы получили символический авторитет благодаря своему статусу в православной доктрине как богооткровенной священной истины. Хотя большевики, захватившие власть в 1917 году, официально осудили организованную религию, революционные художники, тем не менее, переработали знаковые архетипы в политических плакатах. Эти переработанные православные символы узаконили революцию и ее лидеров, идеализировали новых героев и социальное поведение и пропагандировали советскую утопию. Таким образом, архетипы русской православной церкви стали важными элементами новой «главной художественной литературы», лежащей в основе осуществления политической власти советским режимом. Другие авторы отмечали стилистическое сходство между иконами и плакатами, но, как правило, упускали из виду более глубокое культурное значение икон. Напротив, в этом исследовании применяются элементы визуальной, семиотической и культурной теории для изучения символических культурных значений икон, динамики их перехода из русского православия в советский контекст и их последствий для советской политической власти.

Анализ искусствоведческого дискурса, связанного с советскими агитационными плакатами, показал, что самым распространенным изображением на них был обобщенный образ *товарища*. Этот образ неоднороден; кроме собирательного образа товарища, можно также выделить следующие виды: *товарищ-женщина*, *товарищ-вождь* (Ленин и Сталин). Обратимся к репрезентации этих образов в зарубежном искусствоведческом дискурсе.

Слово «товарищ» является ключевым для советской культуры, включаясь в концептосферу понятия «свой» (в широком смысле), а также «герой» – в узком. При этом образ «товарища», в свою очередь, также имеет свою концептуальную область [Засорина, 1977]. Образ *товарища-большевика* как героя нового времени начал формироваться в 1917 году. Как известно, новые лидеры страны ориентировались на поддержку двух классов – рабочих и крестьян. Это отразилось в первой официальной эмблеме: скрещенные молот и плуг внутри красной звезды (последняя служила нагрудным знаком Красной Армии). В дальнейшем официальной символикой Советской власти стали серп и молот (также орудия крестьянина и рабочего). В тексте исследований Боннелл и Кэлхун

эквивалентом слова *товарищ* является *comrade*. В. Боннелл и Г. Кэлхун прямо называют именно этот образ ключевым во всей советской иконографии. Согласно В. Боннелл, уже на первых советских плакатах образ *товарища-рабочего* выглядел весьма героично. Автор отмечает, что позднее в 1920-е годы образ *товарища-рабочего* все больше перекликался с образом *товарища-солдата*. В частности, исследователь ссылается на плакат, где изображается воин верхом на крылатом коне:

(1) *A notable example is Vladimir Fidman's 1920 poster, «Dva goda tomu nazad v ogne revoliutsii rodilas' Raboche-Krest'ianskaia Krasnaia Armiia», showing a Red Army soldier astride a winged horse* [Bonnell, 1998].

Другим воплощением героического образа товарища В. Боннелл называет кузнеца, для которого автор использует двойное написание – транслит и английское слово:

(2) *In contemporary sources, the blacksmith is generally called a kuznets but occasionally also a molotoboets (hammerer)* [Bonnell, 1998].

Кузнец облачен в русскую рубаху, он твердо стоит на ногах, оперившись на свое орудие труда. Рубаха и молот служат визуальной опорой для идентификации образа кузнеца и его категоризации как «своего».

Помимо этой роли, по мнению В. Боннелл, молот (hammer) имеет еще одно значение – он является оружием, используемым в борьбе с врагами нового строя:

(3) *A second variant portrayed the blacksmith in the act of striking an anvil – exemplified by Nikolai Kogout's 1920 poster, «Oruzhiem my dobili vruga» (We Defeated the Enemy with Weapons) (fig. 1.1) – or in some other physical act, such as slaying a hydra, doing battle with the enemy, or warding off a rapacious eagle* [Bonnell, 1998].

Помимо описания и категоризации образов В. Боннелл задается целью проследить их эволюцию на протяжении становления советского государства. Об этом свидетельствует частое употребление таких ключевых слов, как *transformation, change, development, evolution, modification, shift, variation*. В этой связи интересно отметить, что Образ *товарища-кузнеца* в советской идеологии более не принадлежал к «своим». Воплощая собой капиталистические представления о труде, кузнец для нового социалистического государства стал «чужим», который при удобном случае может перебежать в стан врага. Как отмечает В. Боннелл, его образ в искусстве плакатов становится максимально схематичным, обобщенным, в том числе в виде силуэта:

(4) *The silhouette, with its lack of detail or facial expression and its general vagueness, appealed to political artists grouping for new imagery in a period that stressed the ordinary man* [Bonnell, 1998].

Также в 1930-е годы в образе товарища-рабочего меняются акценты от борца за свободу до творца новой социалистической действительности. Новыми героями становятся ударники, т.е. те рабочие люди, которые создают больше всего продукции.

Возведенных в статус национальных героев-стахановцев сравнивали с Гераклом, освобожденным Прометеем и богатырем русских народных былин:

(5) *...role of heroes, reminding his audience that oral folklore had created the «most profound type of heroes», figures such as Hercules, Prometheus, and Dr. Faustus, as well as others from Russian folktales* [Bonnell, 1998].

В. Боннелл указывает на то, что подобные образы товарища-рабочего приняли за идеальный образец для подражания. Через его изображение на агитационных плакатах создается визуальный сценарий внешнего вида, манеры и модели поведения:

(6) *... now the image of the worker functioned as a model, an ideal type. Its purpose was to conjure up a vision of the new Soviet man, to provide a visual script for the appearance, demeanor, and conduct of the model Stalinist citizen* [Bonnell, 1998].

Образ рабочего в официальной риторике стал воплощением представителей нового советского человека.

Что же касается образа крестьянина, то образцом нового советского гражданина он, согласно официальной сталинской пропаганде, быть не мог. В. Боннелл отмечает несамостоятельность образа товарища-крестьянина на плакатах 1920-х годов: он всегда находится или рядом с рабочим, или в компании целой группы людей:

(7) *Images of peasants (male and female) or the woman worker seldom appeared alone but nearly always in pairs or clusters. Their position in the Bolshevik hierarchy of heroes was defined by contiguity, by their close visual association with others. Thus male peasants often appeared with male workers or female peasants; male and female peasants were depicted together or with workers* [Bonnell, 1998].

Позднее в 1930-х годах товарищ-крестьянин был призван воплощать прежде всего новый иконографический типаж (tipazh) товарища-колхозника. Одновременно с визуальной эволюцией образа в плакатном искусстве в обиходной речи происходит постепенная замена слова «крестьянин» словом «колхозник» (kolkhoznik). Его образ воплощал идею коллективизма – объединения бедных крестьян, противостоящего кулакам-индивидуалистам:

(8) *Like their medieval precursors, the Bolsheviks were deeply rooted in a framework of antinomies, and they organized their conception of the world around such diametric opposites as the bourgeoisie versus the proletariat, tsar versus people, kulak versus poor peasant, and White versus Red* [Bonnell, 1998].

В плакатах периода Великой Отечественной Войны подчеркивается надклассовый образ товарища, главным образом товарища-солдата (вне зависимости от его происхождения от рабочих или крестьян). Его главное качество – патриотизм: товарищ изображается доблестным защитником своей Родины от фашистских захватчиков. Более того, как отмечает В. Боннелл, авторы плакатов обращаются к классическим христианским иконографическим образам, в частности к Георгию-Победоносцу:

(9) *Produced in an edition of 150,000 copies in 1941, the poster's image of a soldier piercing a snake calls to mind the legend of St. George, with its rich set of historical references* [Bonnell, 1998].

Героический труд на общее благо, как физический, так и умственный, столь же героическая борьба с внешними и внутренними врагами – вот та основа, на которой происходит сплочение разных социальных групп и классов в единую категорию «своих»:

(10) *The educated Soviet elite and privileged groups now took their place alongside the workers, peasants, soldiers, sailors, pilots, and explorers* [Bonnell, 1998].

Таким образом, В. Боннелл называет все мужские образы товарищей, в разные периоды революционной и постреволюционной истории воплощавших пропагандируемые государством идеологические ценности: *трудолюбие, патриотизм, профессионализм, верность лидеру, образованность, интеллигентность*. Их совокупность формирует собирательный образ нового советского человека – Homo sovieticus – образ, которому уделяется большое внимание в монографии В. Боннелл.

В отличие от В. Боннелл, Г. Кэлхун в своей диссертации задалась целью установить связь концепта «товарищ» с архетипическим образом так называемых «saintly brothers» («святых братьев») Бориса и Глеба, а также проследить их эволюцию в плакатном искусстве. По мнению Г. Кэлхун, именно модель образа «святых братьев» стала своеобразной базой, на которой строился образ новых святых советского времени:

(11) *Given their brotherhood, their martyrdom, their sacrifice, their longstanding association with national identity, and their prominence in Russian Orthodoxy, Saints Boris and Gleb provided a ready archetype for saintly brothers. Beginning with the very earliest Bolshevik posters, artists visually translated that iconic archetype into revolutionary comrades* [Calhoun, 2014].

Свои выводы о преемственности сюжета с изображением кузнеца (далее – рабочего), крестьянина (колхозника) и сюжета «святых братьев» автор делает на основании идентичных композиций иконы и плаката. Кроме того, исследователь подчеркивает преемственность новой большевистской (коммунистической) культуры от русской православной.

Так, например, православный крестный ход на советских агитационных плакатах превратился в парад товарищей в честь годовщины Революции:

(12) *First, the parade approaching the comrades has the appearance of a religious procession honoring a saint's feast day. Indeed, scholars of revolutionary ritual have noted **the similarities between early revolutionary festivals and celebrations marking religious holidays*** [Calhoun, 2014].

Также Г. Кэлхун отмечает, что кузнец и крестьянин, судя по ранним советским плакатам, полноценно выполняют «классические» функции святых, а именно дают благословение людям, которые хотят прикоснуться к их святости:

(13) *Next, a young mother holds an infant aloft to the comrades in the very manner of one seeking a saint's blessing. This seemingly simple and spontaneous action by the young mother thus symbolizes **the comrades' elevation as secular saints*** [Calhoun, 2014].

Эти же образы, согласно Кэлхун, выступают олицетворением жертвенности, необходимой от каждого для победы революции:

(14) *...through the myth of saintly princes such as Boris and Gleb, saintly brothers reinforced **a model of self-sacrifice that could be conceptually linked to revolutionary Russia's salvation*** [Calhoun, 2014].

Преданность общей цели делала людей равными друг другу, создавала между ними братскую связь, которую большевики считали куда более сильной по сравнению с кровными узами:

(15) *Just as brotherhood implies a reciprocal bond as well as a biological relationship, the abstraction comrade is more than a form of address implying egalitarian social relationships* [Calhoun, 2014].

Вслед за В. Боннелл Г. Кэлхун указывает на те изменения в визуальных образах «святых», которые были необходимы для формирования новой коммунистической идеологии. Очевидно, что на советских агитационных плакатах новые «святые» изображаются в присущей их классу одежде; обязательным атрибутом также являются орудия труда (в данном случае – это кузнечный молот и крестьянская коса):

(16) *As differentiating extra-personal elements, the two figures hold the tools of their trades: the blacksmith's hammer and the peasant's scythe* [Calhoun, 2014].

Более того, именно молот и коса – близкие, понятные и легко узнаваемые для зрителя – становятся визуальными признаками для классификации изображенных и идентификации новых святых как «своих». Интересно проследить, как, по мнению автора, на плакатах происходит замена христианской атрибутики: креста, нимба, Евангелия и т.д. – на атрибутику советской эпохи. Подобное изображение сюжета на тему

революции, по сути, означает создание новой советской иконографии, где в образе «святых» выступают пролетарии или крестьяне.

Нельзя не заметить, что основными героями плакатов выступали мужчины. В целом, это отражает доминирующую роль мужчины в обществе того времени, что получило воплощение в пропагандистских плакатах. С установлением советской власти женщины официально получили равные права с мужчинами, поэтому женские образы активно задействованы в советской пропаганде; первоначально мужской архетип расширился, чтобы вместить как женщин, так и мужчин в категорию «товарищи».

Анализируя описываемые В. Боннелл женские образы, можно сделать выводы о том, что они даже более разнообразны, чем мужские. При этом в своем исследовании В. Боннелл не просто описывает и категоризирует женские образы советского плакатного искусства, но и прослеживает их эволюцию на протяжении становления и развития советского государства. Также, как и в случае с исследованием эволюции образа товарища-мужчины, автор рассматривает историю товарища-женщины, используя следующие ключевые слова: *transformation, change, development, evolution*.

По мнению В. Боннелл, точкой отсчета в истории развития образа товарища-женщины является плакат Николая Когоута 1921 г. «Оружием мы добились врага, трудом мы добудем хлеб, все за работу, товарищи!» В результате анализа этого плаката автор заключает, что мужские и женские роли ошибочно различаются по признаку пола, и указывает на мужское доминирование: женщина представлена в подчинении – помощницей кузнеца, и это можно рассматривать как реальное положение вещей и как аллегорию:

(17) ***She is a replica of the male worker and is presented as his assistant. Since women virtually never served as blacksmiths' helpers, the imagery can only be interpreted allegorically*** [Bonnell, 1998].

Поскольку женщины практически никогда не работали помощниками кузнецов, это изображение может быть истолковано только аллегорически. Следующий пример, который приводит В. Боннелл в подтверждение несамостоятельности, подчиненного статуса женщины, таков:

(18) ***The female worker derived heroic status from her association with the male worker. She holds the hot metal on the anvil=altar while he fashions it into a new object=world. Her representation as his helper reinforces the theme of male leadership, or as we now put it, male domination in the ranks of the proletariat*** [Bonnell, 1998].

Из этой интерпретации следует, что, с одной стороны, в советском обществе женщина наделена ролью человека, способного выполнять в том числе и тяжелую мужскую работу, а с другой – патриархальная установка

о том, что женщина находится на вторых ролях по отношению к мужчине, сохраняется.

В своей диссертации Г. Кэлхун нередко вступает в дискуссию с В. Боннелл, ставя под сомнение правильность излагаемой в ее монографии интерпретации некоторых плакатов и предлагая свою собственную. Хороший пример – трактовка упомянутого плаката Н. Когоута. Принципиальное возражение у автора диссертации вызывает высказанное Боннелл положение:

(19) *Based on her analysis of this and two other posters, she describes the female helper as a «replica» of the male blacksmith, with the dominant male functioning as the source of the subordinate female's status* [Calhoun, 2014].

На первых плакатах с изображением товарища-женщины, по мнению Г. Кэлхун, советские художники (как в случае с мужскими образами) пытались адаптировать традиционную иконографию к новым женским ролям в Советском государстве. Полемизируя с Боннелл, Кэлхун утверждает:

(20) *In contrast, a fundamentally different interpretation emerges when Kogout's poster is analyzed as a shift in the saintly brothers idiom – a shift that signifies both males and females as comrades* [Calhoun, 2014].

Проанализировав размер фигур мужчины и женщины, их взаимное расположение и ряд других моментов, Кэлхун приходит к следующему выводу:

(21) *Their other mirrored curves combine to create what appears as a single, continuous, unified image – an image thus more evocative of bonded comrades than of male domination* [Calhoun, 2014].

Включение женщины в категорию товарищей иллюстрируется следующим примером, в котором речь идет об участии всех товарищей – и мужчин и женщин – в построении нового мира:

(22) *With its caption exhorting comrades to shift their energies from war to work, the totality of this image evokes a new Soviet world that all comrades – both male and female – are called upon to build together* [Calhoun, 2014].

Если рассматривать советские плакаты периода Великой Отечественной Войны, то из анализа В. Боннелл можно сделать вывод, что товарищ-женщина выступает на них в разнообразных ролях, но везде образ товарища-женщины использовался в патриотических целях: он призывал к бескомпромиссной борьбе с фашистами. Классическим примером является плакат 1941 года «Родина-мать». В. Боннелл описывает его следующим образом:

(23) *...it shows a stately woman dressed in a flowing red garment. She holds a soldier's oath in one hand; the other hand is raised in a gesture toward bayonets in the background* [Bonnell, 1998].

Автор также указывает на этимологическую связь между словами *Родина*, *род* и *родить* для того, чтобы показать, почему именно образ матери-Родины являлся ключевым во время Великой Отечественной Войны:

(24) *The visual representation of Russia as a woman corresponded to the word **rodina**, or **motherland**, etymologically connected to the word **roditi**, to give birth* [Bonnell, 1998].

Этот комментарий – яркий представитель многочисленных примеров, когда автор разными способами пытается донести основной смысл слов, а также понятий до своих читателей. При отсутствии такого подробного комментария они могли бы быть непонятны представителям другой (не советской) культуры. Такие примеры служат подтверждением того, что интерпретация играет в данном вопросе первостепенную важность.

На плакатах послевоенных лет товарищ-женщина наконец приобретает те черты, которые присущи ее полу. Ее образ становится подчеркнутым женственным, как на плакате Говоркова 1946 г. «С новосельем!»:

(25) *The female figure had a slightly different face but the same expression; she wears a red dress with a plain collar and a brooch in the center* [Bonnell, 1998].

Такой новый образ женщины-товарища наряду с надклассовыми мужскими образами работает на пропаганду эры процветания советского государства.

И последнее, что отмечает В. Боннелл, говоря о *товарище-женщине* на плакатах послевоенного времени: в этот период подчеркивается репродуктивная функция:

(26) *Women are seldom shown with their children, but images of women – with breasts no longer understated – make it clear that **the regime now appreciates their reproductive function*** [Bonnell, 1998].

Как бы ни пропагандировали советские плакаты идею равенства, фигуры лидеров обладали большей значимостью, чем рядовой представитель народа. Выше был и статус символических ассоциаций, на которые опирались художники, изображая советских правителей, поэтому образ вождя как один из ключевых наряду с товарищем в агитационном искусстве безусловно требует отдельного рассмотрения.

С падением царского режима и установлением нового строя «диктатуры большевиков и пролетариата» происходит и смена фигуры национального лидера. Если до революции иконографическим образом являлся «царь-батюшка», то после октября 1917 г. человек, его свергнувший, – вождь пролетариата В.И. Ленин. В диссертации Г. Кэлхун образу Ленина уделяется очень незначительное внимание: по всей видимости, это объясняется тем, что автора в первую очередь интересует

преемственность между плакатами и православными иконами, а в этом аспекте образ вождя мирового пролетариата, с ее точки зрения, практически не получил отражения в плакатном искусстве. Кэлхун останавливается лишь на одном плакате Адольфа Страхова, описывая и анализируя его следующим образом:

(27) *Lenin himself appeared surrounded by a striking white glory, in a commemorative poster created by Adolf Strakov after Lenin's death in 1924 <...> Context, however, compels a very different interpretation – one that links the poster's white glory to public perceptions of Lenin as a Christ-like savior, martyr, or prophet* [Calhoun, 2014].

Принципиально важным моментом оказывается выражение *a striking white glory* для описания сияния, окружающего фигуру вождя, которое, как считает Кэлхун, не является чисто художественным приемом, а несет глубокий религиозный смысл, возводя образ Ленина на высочайший уровень спасителя, мученика и пророка. Эти образы появились после покушения и далее смерти В.И. Ленина, они укладывались в православный канон святого.

С другой стороны, образ Ленина-вождя В. Боннелл причисляет к ключевым и показывает, что первоначально он формировался как образ «метафорического военачальника» революции, ее вождя:

(28) *At the time of the revolution, **vozhd'** customarily referred to a military leader and only metaphorically to the leading figure of a social or political movement* [Bonnell, 1998].

Такое определение В. Боннелл дает слову *вождь* в интересах адресата-читателя монографии. Без этого комментария многое из того, о чем пишет автор, могло бы остаться непонятным для читателя-представителя «чужой» культуры. По этой причине автор раскрывает смысл слова *vozhd'* в конкретном историческом контексте.

В. Боннелл подчеркивает, что образ Ленина в фуражке и пиджаке:

(29) *Lenin wearing a suit, vest, tie, and cap* [1], который был популярен до 1920 г., придавал его изображению неформальность (*Caps were considered informal*), а через неформальность – близость к рабочему классу:

(30) *...the cap had been a common part of proletarian attire since the 1890s* [Bonnell, 2014].

Она фиксирует ключевые образы-метафоры, которые присутствуют в «классической» фигуре Ленина: *the superhuman, the popular essence (narodnost') his power (moshch')*.

Эти черты, как отмечает автор, передаются по наследству и Сталину, как еще одному сверхчеловеку.

Но не все изображения Ленина носили торжественный характер. Например, в газетах в 1919 г. появлялось его сатирическое изображение:

(31) *Cheremnykh's satirical drawing of a cheerful Lenin, broom in hand, sweeping enemies from the surface of the earth, appeared in the newspapers Bednota and Kommunar around this time as well* [Bonnell, 2014].

Однако, как мы видим, несмотря на сатиричность рисунка, образ Ленина-«сверхчеловека» присутствует и в этом изображении.

Образ Ленина как первого вождя революции во многом наследуется следующим вождем, товарищем Сталиным, однако его изображения более разнообразны и имеют концептуальные отличия от тех, что представлены в Лениниане. Ленин-вождь олицетворял нечто святое, вечное, идеальное вплоть до того, как его образ не был переосмыслен как часть иконографии изображений Сталина. Как отмечает В. Боннелл, Ленин был объявлен «бессмертным» (*immortal*) почти сразу после смерти, а затем и непогрешимым: *the doctrine of infallibility was added by Stalin in 1931*. И то и другое – элементы религиозного культа: бессмертие символически связывает Ленина с фигурой Христа, а непогрешимость – с его «наместником на земле», главным священнослужителем Папой Римским. Этот факт имел колоссальные последствия для развития культа Сталина: поскольку предыдущий *вождь* становится иконографической фигурой, которую нельзя подвергать критике, то и преемник-вождь требует аналогичного отношения. Согласно большевистской «мифологии», Сталин как вождь унаследовал *сверхчеловеческие* (*the superhuman*) качества Ленина, которые уже назывались В. Боннелл: *immortal, infallibility, «absolute perfection»*. Слова и образы, объединяющие Сталина с Лениным, служили для укрепления этой связи. Согласно В. Боннелл, образ Сталина воплощает совершенно разные архетипы, взятые из православия: один из «святых братьев» – *saint brother* (второй – Ленин); земной наследник бессмертного «бога» (Ленина), т.е. метафорический «Христос» (*Christ*); главный священник – *priest*.

В дальнейшем стали появляться плакаты, на которых прямо или косвенно связывались воедино два образа советских вождей: Ленина и Сталина. В. Боннелл формулирует эту тенденцию так: Сталин культивировал мифологию «*Lenin's two bodies*» – «*другого тела*» Ленина. Здесь речь идет не о буддийской концепции реинкарнации: Сталин наследовал не в буквальном смысле душу Ленина, а дух его идей, его идеалы. Подтверждая это, В. Боннелл указывает, например, на существование подобных плакатов, таких как «Следуя заветам своего великого учителя:

(32) *The composition, vaguely suggesting a cross, establishes a visual association between Lenin and the Kremlin (rather than the customary insets of revolutionary*

scenes), thus implying that Lenin should be remembered primarily as a statesman. The text in black letters across the bottom states that «Lenin died but his work lives». Henceforth, political artists strove to emphasize the theme of Lenin's immortality – the immortality, that is, of Lenin's «other body» [Bonnell, 2014].

Как и другие ключевые образы в плакатном искусстве, образ Сталина – вождя претерпел ряд изменений и модификаций, которые подробно описывает в своей монографии В. Боннелл. Так, в 1930 г. появился знаковый плакат, который визуальнo связал этих двух персонажей: «Под знаменем Ленина за социалистическое строительство»:

(33) *Lenin looks directly at the viewer, but his face has a dreamy, far off, almost wistful expression. Positioned behind him, only one eye visible, is Stalin. Though his face is half hidden and partly in shadow, he projects determination and strength. This distinctive poster connects the two leaders by contiguity and juxtaposes the image of a soft intellectual Lenin to Stalin, a steely man of action* [Bonnell, 2014].

На этом плакате показана смена поколений лидеров советской власти: интеллектуала Ленина, который дал свободу своему народу, сменяет Сталин, человек действия и стальной воли, который выстраивает новое социалистическое государство всеобщего благоденствия. Обилие прилагательных в сочетаниях типа a dreamy, far off, almost wistful expression, a soft intellectual Lenin и др. придает комментарию явный психологизм.

Концепция «Father of people» в послевоенные годы делает новый визуальный акцент на различные этносы, окруженные заботой вождя, например, у В. Боннелл:

(34) *Large crowds become less important, and in their place appear smaller groups whose defining feature is not so much their class as their ethnicity within the Union of Soviet Socialist Republics* [Bonnell, 2014].

В послевоенные годы Сталина чествовали не только как «сегодняшнего Ленина», но также давали ему и следующие определения: «nash otets (our father), ispolin-mudrets, (giant sage), sila predvideniia (strength of foresight), velichie geniia (sublimity of genius), krepkii khoziain (strong boss or master), uchitel' (teacher), boets (warrior)» [Боннелл, 1999] и т.д. При этом в конце 1940–1950-х гг., в отличие от раннего периода, Сталин был показан как смертный человек:

(35) «...we see once again in the late 1940s and early 1950s the king's mortal body as an object of veneration» [Bonnell, 2014].

Таким образом, образ товарища Сталина претерпел множество изменений. При его анализе В. Боннелл делает выводы о том, что акценты в его изображении постепенно смещаются от «святого брата» Ленина до

его *бессмертного, человеческого, справедливого, жертвенного* преемника и затем решительного, активного и жесткого «отца народов». Согласно выводам автора, каждое из изменений в визуальном представлении Сталина-вождя продиктовано изменениями во внутренней и внешней политике страны. Менялась жизнь в СССР, менялись идеологические и политические установки партии – менялся и образ вождя.

В отличие от Г. Кэлхун, которая сосредоточилась на образах героев, В. Боннелл уделила внимание и образам врагов – «чужих» как второго элемента оппозиции «свой–чужой». Автор отмечает, что для успеха дела революции и победы в Гражданской войне мало было бы дать людям пример для подражания. Уже летом 1918 года художники разработали изображения трех ключевых врагов большевистской демонологии: *царя* (tsar), *попа* (priest) и *кулака* (kulak), образы которых также эволюционировали. Впервые эти образы появились на опубликованном ВЦИКом одноименном плакате анонимного художника в начале Гражданской войны. Как и в других случаях возможного непонимания слова со стороны читателя, Боннелл дает следующий комментарий:

(36) *The label «kulak», literally, «fist» (a reference to tight-fisted practices of the more prosperous peasants who were usurers or employers of labor), had acquired wide currency in 1917 in connection with the food supply crisis [Bonnell, 2014].*

Боннелл привлекает внимание читателя к важной, с ее точки зрения, внешней атрибутике образа. Чаще всего кулак представляет собой довольно неряшливую фигуру в кепке с неопрятными усами, бородой и длинными волосами. Последняя версия вскоре стала неким эталоном, к которому впоследствии добавились жилет и/или крестьянская рубашка, сапоги и полосатые брюки. Таким кулак оставался вплоть до 1930-х годов, когда его образ исключили из списка «врагов народа».

Образ священника претерпел ряд изменений. В агитационных плакатах 1918 года *priest* мог изображаться как католическим гладковыбритым священником в пилеолусе, так и православным бородатым попом в очках с огромным крестом. Дальнейшие художественные эксперименты привели к формированию закрепившегося в искусстве плаката типажного образа священника:

(37) *...the image of a corpulent bearded man wearing black sacramental vestments and with an expression more often foolish than fiendish [Bonnell, 2014].*

Таким образом, Боннелл не ограничивается описанием традиционно облачения священника, но предлагает и оценочную характеристику (an expression more often foolish than fiendish).

Эти два образа попали в категорию «чужих» на уровне классов, от которых исходила угроза молодому советскому государству. На эти слои населения опирались царь и все контрреволюционное движение. В отличие от рабочего и крестьянина, отсылающих к образам «святых братьев», изображения кулака и священника христианских прообразов не имели. Эти враги были не демонами во плоти, а людьми упитанными (*rotund, corpulent*), глупыми (*foolish*), жадными (*greedy*), самодовольными (*self-satisfied*), использующими других в своих целях (*self-interest*).

Часто компанию царю, кулаку и священнику составляли *baba* (баба) и окружение царя: *чиновники, полицейские, солдаты Белой армии* (*officials, officers, soldiers of the White Army*) – они не являлись полноценными врагами народа; это те, кто всего лишь, по мнению В. Боннелл, «*foolishly assists the enemy*».

К концу 1920-х годов список врагов, находящихся внутри страны, среди жителей страны значительно увеличился. К священнику, кулаку, царю и его окружению присоединились 3 категории «чужих». К первой группе отнесли представителей старого режима, таких как *помещик* (*landowner* или *pomeshchik*), *боярин* (*high nobility* или *boiarin*), *капиталист* (*capitalist*), *буржуй* (*burzhui*), *купец* (*merchant*), *владелец фабрики* (*factory owner*), *банкир* (*banker*). Во второй оказались политические оппоненты: *меньшевик* (*Menshevik*), *эсер* (*Socialist Revolutionary*), *анархист* (*anarchist*), *кадет* (*Kadet, constitutional democrat*), *генерал Белой армии* (*White Guard general*), а также отдельные личности: Антон Деникин, Николай Юденич, Александр Колчак, Александр Керенский, Виктор Чернов и многие другие. В третью категорию поместили *туняядцев* (*sponger* или *tuneiadets*), *лодырей* (*loafer* или *lodyr'*), *прогульщиков* (*shirker* или *progul'shchik*), *хищников* (*plunderer* или *khishchnik*), *паразитов* (*parasite* или *parazit*), *мешочников* (*bagman* или *meshochnik*), *предателей* (*traitor* или *predatel'*), *дезертиров* (*deserter* или *dezertir*), *шпионов* (*sleuth* или *shpik*).

Как отмечает В. Боннелл, идеология зарождающегося советского государства не оставляла вышеперечисленным людям шанса на искупление грехов прошлого:

(38) *There remained a strong belief that an individual's position prior to the October Revolution rather than his or her current occupation was decisive in determining political attitudes* [Bonnell, 2014].

Большевики считали такие классовые недостатки, как *приверженность индивидуализму и эксплуатации других* (*self-interest*), *жадность* (*greed*) и *жестокость* (*cruelty*), *глупость* (*stupidity*) и *развращенность* (*depravity*), неисправимыми. Именно эти качества послужили поводом

к тому, чтобы перестать принимать «чужих» за людей – их стали называть *бывшими людьми* (*byvshie liudi*, *has-beens* или *former people*) или *лишенцами* (*lishentsy* или *disenfranchised individuals*), так как они были лишены гражданских и избирательных прав. Процесс дегуманизации лишенцев и бывших людей объясняет стремление к их изображению в виде рептилий, птиц, насекомых и других животных (например, паука, ткущего паутину капитализма, или рычащего, брызжущего слюной пса).

По мнению Боннелл, выбор большевиков остановился на этих существах из-за *омерзительности* (*repulsive*), *жестокости* (*cruel*), *злостности* (*vicious*) и *бесчеловечности* (*unhuman*) их образов. После Гражданской войны абстрактные образы встречаются все реже. Свою былую популярность анималистичные изображения «чужих» вернули лишь в годы Великой Отечественной войны:

(39) *Between June 1941 and May 1945, a wide variety of nonhuman images served to represent the German and Italian fascists and their allies, including a wolf, a cow, a lion, a tiger, a pig, a crow, a rat, a kitten, a dog, a horse, a donkey, a boar, a monkey or gorilla, a crab, and a snake* [Bonnell, 2014].

Эти образы использовались одновременно в целях демонизации и высмеивания врага.

Таким образом, параллельно с процессом создания и транслированием идеальных образов для подражания («своих») в агитационном искусстве формировались многочисленные образы «чужих» – врагов, чуждых элементов нового советского государства. В годы революции и Гражданской войны основную угрозу представляли политические оппозиционеры и классовые враги: жадные, глупые, жестокие, бесчеловечные кулаки, помещики, священнослужители, буржуи, банкиры и многие другие. Позднее, в 1920-е и 1930-е гг., к ним примкнули лодыри, тунеядцы, хулиганы, летуны – образы, которые с точки зрения советской идеологии олицетворяли худшие из человеческих качеств, а также внешние враги: фашисты и нацисты, западные шпионы и американские капиталисты. Они изображались в виде людей и зверей и символизировали зло, с которым нужно неустанно бороться.

Подводя итоги, отметим следующее. В нашей работе концептуальные образы, которые появлялись на советских плакатах, исследуются через призму англоязычного критического искусствоведческого дискурса. Проведенное исследование показало: в научных искусствоведческих работах огромную роль играет интерпретация. Для Боннелл и Кэлхун важно не просто выделить ключевые образы советского плаката, проследить их эволюцию в связи с социокультурными изменениями в стране,

но также и раскрыть смыслы, которые эти образы транслировали. Художественные типажи воплощали и пропагандировали ценности молодого Советского государства, и этим они соотносятся с некоторыми аспектами лингвокультурных типажей [Карасик, Дмитриева, 2005].

Языковая актуализация образов героев (товарища, товарища-женщины, вождя) и врагов (кулака, буржуя, царя) происходит за счет использования соответствующих ключевых слов, которые облегчают интерпретацию текста, выступают в качестве своеобразного кода для понимания авторской интенции.

Из предложенной авторами интерпретации следует, что коммуникативная установка политического плаката – это установка на воздействие, убеждение; он должен активизировать восприятие, нацелить в нужном направлении сознание и волю к действию. Огромную роль в достижении коммуникативного успеха сыграла преемственность традиции, на которой акцентируют внимание Боннелл и Кэлхун. В изображениях новых советских героев авторы прослеживают связь с православными образами, а также персонажами из русского фольклора.

Несмотря на разницу менталитетов, культурного и политического бэкграундов, в исследованиях Боннелл и Кэлхун нет резкой критики или открытой неприязни к плакатным образам и сюжетам. Авторы стремятся описать и объяснить жизнь не чужих, а других. Их работы – доказательство тому, что различные культурные миры, стереотипно противопоставляемые по принципу Свой–Чужой, на современном этапе становятся взаимопроницаемыми друг для друга.

Источники примеров

1. *Bonnell, V.E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* – University of California Press, Berkeley; Los Angeles, 1998. – 385 p.
2. *Calhoun G. Saints into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters.* Thesis, Georgia State University, 2014. – 159 p.

ГЛАВА II. ЯЗЫК ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XX ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276*

В данной главе рассматривается прагма-когнитивное своеобразие англоязычного искусствоведческого дискурса, посвященного творчеству русских художников. Особое внимание уделяется структурной организации и содержанию ценностных концептов, которые эксперты выявляют в работах русских художников советского периода и интерпретируют в искусствоведческих текстах. Личность И.С. Глазунова и его творчество как объект исследований западных экспертов были выбраны не случайно. Именно этот художник, творивший в сложное время происходивших в России социополитических событий, смог передать в своих картинах ценности и идеалы, которые он разделял, а искусствоведы, изучающие его живопись, отразили в текстах своих работ наиболее важные аспекты концептуальной картины мира мастера. В произведениях И.С. Глазунова, посвященных истории России, ее природе, выдающимся людям, представителям искусства и литературы, в наибольшей степени проявляется его отношение к родине, ее славе, воинским победам, красоте и одухотворенности людей.

Испанский философ и искусствовед Хосе Ортега-и-Гассет считает, что в каждом произведении искусства необходимо показывать то, что человечество не смогло и никогда не сможет выразить иным способом. С когнитивной точки зрения искусствоведческий дискурс – это текст, созданный искусствоведами-критиками, которые передают зрителю вербально опосредованное, условно-эквивалентное содержание произведения искусства. Критик, основная задача которого вербализовать то, что мастер хотел выразить в своей работе, считается посредником между художником и зрителем, а искусствоведческий текст содержит интерпретацию, оценку и анализ художественных событий или произведений искусства [Ортега-и-Гассет, 1991: 10].

Эксперт А.П. Булатова описывает искусствоведческий дискурс как вербализованный опыт мышления, организованный в рамках искусствоведческих стратегий относительно объектов, являющихся произведениями искусства. К числу основных А.П. Булатова относит стратегии авторитета, оценочности, «приоритетного» восприятия

некоторых аспектов объекта, стратегии высокого стиля и моделирования ситуации восприятия. Процесс восприятия является для автора ключевым, поскольку любое произведение искусства подразумевает ответную реакцию зрителя [Булатова, 1999: 49]. В этом смысле процедура знакомства зрителя с произведением искусства, когда зритель первоначально его воспринимает, затем оценивает с учетом своих фоновых знаний и, наконец, интерпретирует вербально или невербально, соответствует известной триаде «перцепция – рефлексия – язык», составляющей основу коммуникативной деятельности. По мнению Е.В. Милетовой, искусствоведческий дискурс характеризуется особой многомерной ситуацией общения, которое представляет собой полноценную коммуникацию и связано с описанием произведений искусства в форме устной и письменной речи в соответствии с принятыми в обществе правилами, нормами и стандартами [Милетова, 2012: 40]. Являясь полиаспектным понятием, искусствоведческий дискурс представляет собой, таким образом, процесс коммуникации между критиком, художником, его произведением и наблюдателем, причем каждый из участников искусствоведческого диалога имеет разные коммуникативные функции, цели и задачи. Особое место в коммуникативном пространстве искусствоведческого дискурса занимает система ценностей, которая может, как разъединять, так и объединять участников общения в зависимости от того, как они видят и оценивают окружающий мир в соответствии со своим мировоззрением и ценностями. Можно предположить, что именно ценностные и социокультурные составляющие предопределяют то, как мастер понимает и оценивает окружающий его мир, мотивируют содержание и тональность создаваемого им произведения, его интерпретацию зрителем и экспертом.

Мнение об искусствоведе как толкователе искусства для зрителя разделяет и У.А. Жаркова, которая утверждает, что любой искусствоведческий текст является результатом аналитической работы критика, который преследует своей целью «ведать искусством». Пытаясь истолковать искусство, эксперт стремится понять и объяснить смысл того или иного произведения, донести до зрителя посыл художника, взглянуть на проблему его глазами, часто «домысливая» за художника [Жаркова, 2011: 49]. Таким образом, именно искусствоведу как профессионалу, обладающему комплексом специальных знаний, принадлежит роль переводчика, который вербализует художественные намерения художника, раскрывает его способности и мастерство, а также роль специалиста, оценивающего

тематику и художественные достоинства произведения искусства с учетом ценностно-культурологической составляющей его социально-политического контекста.

Поскольку понимание ценностей отличается вариативностью, они могут выступать источником противостояния в рамках оппозиции «Свой–Чужой», что находит отражение, в частности, в текстах англоязычных критиков. Наиболее отчетливо это прослеживается в искусствоведческом дискурсе, объектом интерпретации и оценки которого выступают картины русских художников, советского и постсоветского периода, олицетворяющих иной социально-политический уклад общества.

Для понимания роли ценностей в искусствоведческом дискурсе необходимо обратиться к определению данной категории в трудах философов, культурологов и лингвистов, которые исследовали этот феномен с давних времен. Не подлежит сомнению тот факт, что каждого человека отличает своя система ценностей и их иерархия. Н.А. Бердяев называет человека существом оценивающим, обозначив определение ценностей и организацию их иерархий как трансцендентальную функцию сознания [Бердяев, 1949]. Типология ценностей весьма обширна и многомерна. Известно, что, наряду с общечеловеческими, социальными и личностными, существуют ценности нравственные, религиозные, эстетические. В советской науке существовала точка зрения о наличии лишь материальных ценностей, согласно которой ценность понималась как свойство самого предмета, его значение для человека, причем учитывалось и отношение человека к предмету; духовные ценности отвергались, как принадлежавшие буржуазной идеологии. Не принимая подобный подход, О.Г. Дробницкий вслед за Н.А. Бердяевым отмечает, что духовные ценности – это явления, непременно характеризующие сознание человека. Они содержат в себе оценочное (положительное или отрицательное, одобрительное или неодобрительное) отношение к действительности и оказывают непосредственное влияние на действия и поведение людей [Дробницкий, 1966].

Поскольку ценностные представления находят отражение в языке, их изучение вызывает большой интерес у филологов, особенно тех, кто исследует язык в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Проблемой изучения ценностей занимались многие отечественные (Алефиренко Н.Ф., Арутюнова Н.Д., Бокова Ю.С., Виноградов С.Н., Попова Т.Г., Серебренникова Е.Ф., Хомякова Е.Г., Чернявская Е.А.) и зарубежные лингвисты и лингвокультурологи (В. Виндельбанд, И. Кант, Дигон Лаэртский, Ф. Ницше, Р. Перри, Г. Риккерт, М. Рокич, Э. Тоффлер

и др.). Так, например, Т. Вендина подчеркивает, что ценностные отношения могут реализовываться только в человеческом обществе и лишь благодаря этому существуют как социальный феномен [Вендина, 2002]. Изучение репрезентаций ценностей в языке разных народов имеет крайне важное значение, поскольку позволяет выявить и описать их национально-культурное своеобразие. Т.Г. Попова отмечает, что категория ценности как лингвокультурологическая лежит в основе ценностно-смыслового пространства языка [Попова, 2012]. Важным представляется еще один подход к пониманию категории ценности. Признавая отличие категории ценности в разных культурах, Е.Ф. Серебренникова отмечает ее существование во всех языках и предлагает различать ценности как дискурсивные образования, определяющиеся отношением участников диалога к его предмету, и ценности как конвенционализированные знаковые образования. Согласно последнему, ценность понимается как некое материальное образование или как явление культуры, имеющее определенную значимость для представителей этой культуры [Серебренникова, 2011: 16].

Ценностная картина мира соткана из ценностных концептов, которые формируют картину мира человека, являющегося носителем культуры социума, что значительно повышает роль концептуальных исследований в развитии современной лингвистической парадигмы. Особую значимость концептология приобретает в русле прагма-когнитивной лингвистики и доминирующего в настоящее время лингвокультурологического подхода.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [Кубрякова, 1996: 91]. Таким образом, можно считать установленным фактом заключение о том, что все знания человека об окружающем мире структурированы в виде концептов, репрезентации которых в языке открыты для лингвистического анализа. В рамках искусствоведческого дискурса ценностные концепты, интерпретируемые и оцениваемые экспертом, отражают ценностную картину мира художника, которую реципиент может разделять или не принимать. Значительная часть концептуальной системы художника представлена концептами культуры.

Именно концепты культуры своим ядром имеют ценности, потому что искусствоведов интересует не просто истина, которая бы представляла объект таким, каким он является в реальности, а значение данного

объекта для художника. Ценностью для художника, по мнению критиков, считается все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. Ценностные концепты, существующие внутри ценностно-концептуального пространства, взаимосвязаны и взаимообусловлены, а характер их взаимодействия предполагает иерархическое подчинение общему порождающему гипер/макроконцепту, что говорит о высокой степени их взаимозависимости [Хомякова, 2018: 120].

Как показывают лингвистические исследования, искусствоведческий дискурс передает совокупность идеалов, принципов, нравственных норм, прав, имеющих приоритетное значение в жизни художника, которые интерпретирует и оценивает эксперт. Предмет оценки можно рассматривать по-разному. В узком понимании к нему относятся только те ценности, которые имеют для субъекта положительное значение. При широкой трактовке данного понятия в него включаются не только положительные, но и нулевые и отрицательные ценности. Основанием оценки в аксиологии является то, с точки зрения чего производится оценивание.

На современном этапе развития лингвистики немалое внимание уделяется исследованию оценки в рамках взаимодействия семантики и прагматики. Начало прагматическому подходу к проблеме оценки было положено еще в 70-е годы XX века сторонниками теории речевых актов. Назначение оценочных высказываний они видели не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения между участниками коммуникации.

По характеру воздействия на адресата выделяют имплицитную и эксплицитную оценки. Эксплицитный вид оценки является способом выражения открытой оценочности, но встречается довольно редко, так как его воздействие на адресата весьма двояко. Данный тип оценки реализуется путем использования своеобразных «ярлыков, которые мгновенно воспринимаются адресатом, не требуя усилий для их декодирования» [Клушина, 2008: 42]. Но легкость декодирования теряет свою привлекательность на фоне ярко выраженного агитационного характера текстов, содержащих элементы эксплицитной оценки, что зачастую вызывает у адресата отторжение.

С лексической точки зрения можно выделить рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную оценки. Последняя более субъективна, так как служит для выражения собственного, строго индивидуального отношения говорящего либо пишущего к какому-либо предмету,

процессу или явлению окружающего мира независимо от его объективных свойств. Эмоциональная оценка представляет собой определенную реакцию человека на объекты и явления окружающего мира, которые затрагивают личный мир говорящего, его цели и установки, нормы поведения, и которые поэтому он воспринимает как важные для себя [Болдырев, 2001: 14]. Рациональная оценка предполагает определенное осмысление объекта в плане его соответствия установленному стандарту, который может иметь целый спектр характеристик: этический (добрый – злой), эстетический (красивый – некрасивый), интеллектуальный (умный – глупый), нормативный (большой – маленький) и т.д. Помимо эмоциональной и рациональной основы, оценочная категоризация также может основываться на чувственном опыте человека. Чувственная оценка связана с восприятием мира посредством органов чувств и его осмыслением в соответствующих терминах: вкусный – невкусный, жесткий – мягкий и т.п. [Болдырев, 2000: 13]. Тем не менее, подобная классификация оценки является весьма условной, поскольку в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык предполагает всегда рациональный аспект.

Таким образом, изучение оценки как лингвистической категории в современной науке имеет важное значение и представляется актуальным и необходимым, особенно в плане исследования национально-культурной специфики языковых единиц, что эксплицитно проявляется в процессе анализа языка зарубежных искусствоведов, оценивающих значимость произведений изобразительного искусства русских мастеров советского и постсоветского периода, репрезентирующих иную, чужую, подчас непонятную для эксперта культуру.

В искусстве русского живописца И.С. Глазунова особое место занимает ценностный макроконцепт РОДИНА, который находится в центре внимания западных критиков, изучающих его творчество. Для выявления своеобразия концептуальной картины мира художника представляется важным рассмотреть особенности языковой репрезентации в искусствоведческих текстах ценностных концептов SOVIET UNION и RUSSIA, которые формируют макроконцепт MOTHERLAND и идентифицируют его содержание.

Как известно, наиболее эффективным инструментом при исследовании структурно-содержательных параметров концепта является дефиниционный анализ. Он представляет собой анализ словарных дефиниций с целью выявления лексико-семантической структуры слов-репрезентантов концепта. Понятие Родина представляет собой

основной компонент национальной языковой картины мира любого языка, т.к. в нем выявляется отношение человека к окружающему его миру, к историко-культурным событиям и явлениям, к его месту и роли в обитаемом пространстве. На современном этапе развития общества, в эпоху всевозможных политико-экономических противостояний вопрос о роли национально-культурных и исторических ценностей для человека звучит особенно актуально.

Анализируя значение сложного по своей структуре макроконцепта MOTHERLAND, можно выделить следующие определения его лексического репрезентанта: 1. *one's native land*; 2. *the country where a person was born*; 3. *a country considered as the origin or source of something* [MerrWOD]. Сравним определение слова *motherland* с его русским эквивалентом. Языковая репрезентация Родина в русской лингвокультуре означает: 1. *Место, страна, где человек родился; где сложился, возник этнос*; 2. *место возникновения, открытия или изобретения чего-либо*; 3. *Отечество, родная страна*; 4. *место рождения, происхождения чего-либо*; 5. *родимая земля, место рождения; земля, государство, где родился* [Ожегов, 1999]. Сопоставление двух лексикосемантических вариантов позволяет говорить об их практически полной семантической идентичности, свидетельствуя о том, что употребление *motherland* в текстах англоязычного искусствоведческого дискурса не вступает в противоречие с понятием Родина, которое присутствует в работах И. Глазунова.

Обратимся к результатам дефиниционного анализа, проведенного в ходе исследования концепта RUSSIA в английской лингвокультуре: 1. *Russia is a country in eastern Europe and North Asia* [CamOD]; 2. *Russia is the largest country in the world, covering N Eurasia and bordering on the Pacific and Arctic Oceans and the Baltic, Black, and Caspian Seas* [CollOD].

Концепт SOVIET UNION, входящий в семантическую структуру макроконцепта MOTHERLAND, имеет следующие дефиниционные репрезентации: 1. *a powerful group of Communist republics including Russia, Belarus, Ukraine, Georgia, and 11 others that existed in Europe and Asia from 1922 to 1991* [CamOD]; 2. *a former federal republic in E Europe and central and N Asia* [CollOD]. Анализ приведенных дефиниций имени собственного Советский Союз показывает, что основное внимание в его словарном определении уделяется официально закрепленным государственно-статусным характеристикам, что, однако, не мешает воспринимать его как оним, указывающий на место рождения носителя русской культуры, т.е. его Родину. Русский по происхождению, И.С. Глазунов создавал свои

полотна в период существования Советского Союза, что позволяет считать естественными отсылки западных экспертов к Советскому Союзу как к его Родине.

Обратимся к примерам, рассмотренным в рамках лексико-семантического анализа. Арт-директор Академии Евы Карлстон Маргарет Уиллс (Margaret Wills) и автор статьи, опубликованной в газете «The Christian Science Monitor» в 1987 году, интерпретирует картину «Вечная Россия» следующим образом:

(1) *While eulogizing **Russia** in his historical paintings, Glazunov uses pictures of life today in the **USSR** as criticisms of what the system has done to the traditions. He worries especially about the loss of religious fervor, and he feels the disappearance of the very soul or spirit of **Mother Russia**. He crams his contemporary paintings with the materialism of today's living* [The Christian Science Monitor, 1987].

В примере (1) американский эксперт эксплицитно показывает связь между ценностными концептами, репрезентируя их лексемами *Mother Russia*, *USSR* и *Russia*. С помощью антонимической пары словосочетаний *historical paintings – pictures of life today* эксперт обращает внимание на то, что художник в своих работах сравнивает жизнь человека в советской и современной России. Особое внимание эксперт уделяет той негативной оценке, которую дает в своих произведениях И. Глазунов жизни в Советской России, свидетелем которой он является, осуждая потерю традиций и религиозных идеалов Родины.

Интерпретируя картину «Вклад народов СССР в мировую культуру и цивилизацию», созданную И. Глазуновым в 1980 г., искусствовед пишет следующее:

(2) *In fact, one cannot help noticing that the faces featured «The contribution of the peoples of the **USSR** to world culture and civilization» are overwhelmingly **Russian**, embodying the most popular take on the official dogma of the drawing together of **Soviet peoples*** [The Christian Science Monitor, 1987].

В примере (2) лексема *USSR* и словосочетание *Soviet peoples* репрезентируют концепт **SOVIET UNION**, в то время как слово *Russian* можно рассматривать как составную часть концепта **RUSSIA**. Эксперт считает очевидным и, судя по модальности и стилю изложения, поддерживает оценочное мнение Глазунова о том, что вклад в мировую цивилизацию принадлежит скорее не советскому народу, а России.

Маргарет Уиллс, комментируя полотно Глазунова И.С. «Возвращение блудного сына», написанное в 1977 г., обращает внимание на следующие ценности русскоязычной культуры:

(3) *The symbolism of the picture is the salvation of today's «prodigal» Soviet Russia is in the return to her historical, cultural, and spiritual roots buried in the past. The son has rejected not only the misery of Soviet existence but also the materialist alternative to it, be it at home or abroad* [The Christian Science Monitor, 1987].

Американский эксперт передает в примере (3) важность сохранения основных видов ценностей, к которым Россия возвращается, через прилагательные *historical, cultural, spiritual*. По мнению искусствоведа, фразу *today's Soviet Russia* можно рассматривать как современную Россию, в то время как словосочетание *Soviet Russia* репрезентирует прошлое России и формирует концепт SOVIET UNION.

В ходе дальнейшего анализа удастся выявить особенности совместной репрезентации в искусствоведческом тексте таких субконцептов, формирующих ценностный концепт RUSSIA, как RUSSIAN CULTURE, RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN PATRIOTISM, RUSSIAN SYMBOLS, RUSSIAN PEOPLE, RUSSIAN RELIGION, RUSSIAN LEADERS.

В примере (4), в котором искусствовед комментирует полотно Глазунова И. С. «Возвращение блудного сына», значения слова *culture (the way of life, especially the general customs and beliefs, of a particular group of people at a particular time* [CamOD]), актуализирующие концепт RUSSIAN CULTURE, получают положительную экспликацию эксперта:

(4) *Many paintings have allegorical themes, such as «The Return of the Prodigal Son», which Glazunov painted in 1978. A young blue-jeaned Soviet youth is returning on bended knee to his «master», who symbolizes Russian traditions and behind whom stands a pantheon of those who have contributed to Russian culture – Peter the Great, Pushkin, Tchaikovsky, Dostoyevsky, etc.* [The Christian Science Monitor, 1987].

По мнению искусствоведа (пример 4), художник хочет выразить в картине значимость ценностей русской культуры (*Russian traditions, Russian culture*) с помощью образов таких выдающихся людей, как *Peter the Great, Pushkin, Tchaikovsky, Dostoyevsky*, образы которых составляют смысловую основу субконцепта RUSSIAN CULTURE. Важной, по мнению эксперта, является и представленная в картине связь поколений, возвращение молодежи к истокам родной культуры *Soviet youth is returning on bended knee to his master, who symbolizes Russian traditions*, что, судя по контексту, находит у искусствоведа полное понимание.

Тесное взаимодействие некоторых субконцептов не только с доминирующим ценностным концептом RUSSIA, но и между собой, как, например, между субконцептами RUSSIAN HISTORY (*history – a record of past*

events relating to a particular country [CamOD]), RUSSIAN PATRIOTISM (patriotism – the feeling of loving your country more than any others and being proud of it [CamOD]) и RUSSIAN SYMBOLS (*symbol – a sign, shape, or object that is used to represent a country* [CamOD]), можно проследить на материале примера (5), в котором американский искусствовед интерпретирует картину художника «Князь Олег и Игорь»:

(5) *Glazunov captures the feel of **ancient Russia** with a bold central figure and detailed background in such pictures as «Prince Oleg and Prince Igor». Both males are typical Slavs – blond and blue-eyed. Oleg, the **defender of the realm, lovingly protects a tiny child, the future of the race**. His cape is a **brilliant red** against the **deep blue** water. Both of the subjects' eyes command attention* [The Christian Science Monitor, 1987].

Пример (5) иллюстрирует, каким образом субконцепты, функционирующие в виде концептуального кластера: RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN PATRIOTISM и RUSSIAN SYMBOLS, формируют содержательно-смысловую канву концепта RUSSIA. Так, например, субконцепт RUSSIAN HISTORY репрезентируется в тексте словосочетанием *ancient Russia*, субконцепт RUSSIAN PATRIOTISM представлен словосочетаниями *defender of the realm, lovingly protects a tiny child, the future of the race*, а субконцепт RUSSIAN SYMBOLS репрезентирован цветами российского флага, а именно *brilliant red, deep blue*.

На материале примера (6), в котором искусствовед интерпретирует картину художника «Вечная Россия», рассмотрим связь субконцептов RUSSIAN PEOPLE (*people – all the men, women, and children who live in a particular country* [CamOD]), RUSSIAN HISTORY и RUSSIAN PATRIOTISM:

(6) «**Eternal Russia**» (1988) *celebrates the millennium of the **Baptism of Russia**. I recall the words of one visitor at an exhibit: «My God, **what power this painting has!** I that I was **born a Russian!** Many here at the exhibit are asking, «Who's this or that figure?» And it's wonderful that visitors have begun **to learn so much about Russia** and to feel their connection with our **great history**»* [Wordpress, 2008].

В данном примере субконцепт RUSSIAN PEOPLE актуализируется как *born a Russian*, а в сочетании с *feel proud* репрезентирует субконцепт RUSSIAN PATRIOTISM. Связанный с ним субконцепт RUSSIAN HISTORY представлен в примере словосочетаниями *to learn so much about Russia* и *great history*. Эксперту очевидно импонируют счастье и гордость, которые испытывает художник от сознания того, что он рожден в России и связан с ее великой историей. Отношение критика к положительной оценке художником ценностного концепта RUSSIA эксплицитно представлено в тексте и понятно для реципиента.

Будучи глубоко религиозным человеком И.С. Глазунов, желая донести до зрителя свое понимание роли религии для русского человека, создал много картин на эту животрепещущую для него тему. Рассмотрим, каким образом субконцепт RUSSIAN RELIGION (*religion – the belief in and worship of a god or gods, or any such system of belief and worship* [CamOD]), который является непосредственной составляющей ценностного концепта RUSSIA, представлен в текстах англоязычных искусствоведов о творчестве И.С. Глазунова:

(7) *Glazunov obviously sees the Orthodox Church as an important part of Russia's identity, and as a remnant of its monarchical past that he also venerates, and as an organic part of the life of the peasantry* [David Yorkshire, 2018].

Интерпретируя картину «Раскулачивание», британский искусствовед Дэвид Йоркшир концентрирует свое внимание на ее религиозных аспектах как важной части самобытности России. Субконцепт RUSSIAN RELIGION актуализируется в тексте искусствоведа с помощью словосочетания *Orthodox Church* и характеристики значимости этого ценностного концепта для понимания русской идентичности (*an important part of Russia's identity*).

Достаточно эксплицитно субконцепт RUSSIAN RELIGION выражен и в примере (8) при помощи отсылки британского эксперта на образы Христа и Святого Лазаря в картине И. Глазунова «Воскрешение Лазаря»:

(8) *Christ restored Lazarus to life who believed in him. Restored, he appears in front of people covered in a shroud, only his eyes are seen* [David Yorkshire, 2018].

Использованные в искусствоведческом тексте предикаты *believed* и *restored* способствуют успешной репрезентации в нем субконцепта RUSSIAN RELIGION.

Особую роль в творчестве художника играли многочисленные изображения выдающихся людей и государственных деятелей, значительное место среди которых, наряду с зарубежными, занимали представители русской культурной и политической элиты, чьи лица мы часто находим как на масштабных исторических полотнах, так и на портретах. Эти выдающиеся личности не без основания интересовали зарубежных экспертов, что способствовало репрезентации в англоязычном искусствоведческом дискурсе субконцепта RUSSIAN LEADERS, тесно взаимодействующего с русской историей (RUSSIAN HISTORY), русской культурой (RUSSIAN CULTURE) и политикой России (RUSSIAN POLICY).

Например, искусствовед-критик Эндрю Мейер (Andrew Meier), интерпретируя картину «Великий эксперимент», концентрирует свое внимание именно на политических деятелях, каждый из которых сыграл ведущую роль в истории и политике Российского государства:

(9) «*The Great Experiment*» depicts **Lenin** in the dark center of a burning red star, surrounding him are the masses of **literary** and **political figures** who have played **leading roles** in the **past three centuries** of **Russian history**. It depicts both the common people of **former Russia** and **cultural** and **political figures**, **Stolypin**, a poster with the **Tsar and Tsarina**. In a **red bloody haze**, as if embraced by a great fire, appears to us the martyred family of the last **Russian emperor Nicholas II**, with burning halos around their heads [Andrew Meier, 1990].

Эндрю Мейер в своем комментарии обратил внимание на представленные в картине И.С. Глазунова политические фигуры, репрезентирующие в тексте субконцепты RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN LEADERS и RUSSIAN CULTURE. Субконцепт RUSSIAN HISTORY представлен словами: *in the past three centuries, Russian history, former Russia*. Имена политических деятелей *Lenin, Stolypin, Nicholas II, political figures, Russian emperor* репрезентируют субконцепт RUSSIAN LEADERS. Субконцепт RUSSIAN CULTURE выражен прилагательными *literary* и *cultural* и в названии книги «*Tsar and Tsarina*».

Интерпретируя картину «Рынок нашей демократии» (1999), американский профессор политологии Университета Майами (Огайо) Карен Давиша пишет следующее:

(10) *Yeltsin* is shown on a canvas with a **baton**. He is still trying to **rule the people** depicted around him. Glazunov chose not to make **Yeltsin** the center of the composition, but depicts him from the side, among many other figures. The artist wants to show that the organizer of what is happening in the picture is the **person with the baton**.

Ученый считает, что, изображая образ руководителя (*rule the people, person with the baton*), И. Глазунов подводит итог правлению Ельцина, которого он не помещает в центр полотна *chose not to make Yeltsin the center of the composition*. Слова искусствоведа *trying to rule the people* указывают на то, что, по его мнению, художник выражает отрицательную оценку фигуры правителя и хочет показать его политическую несостоятельность.

Как явствует из проведенного анализа, доминирующим в работах И.С. Глазунова является концепт SOVIET UNION, который, как и концепт RUSSIA, входит в состав ценностного макроконцепта MOTHERLAND. Если первый вызывает нейтральную или отрицательную оценку художника, то второй в творчестве Глазунова и в дискурсе экспертов отмечен

исключительно положительной оценкой, которая распространяется и на его субконцепты, один из которых, RUSSIAN HISTORY, допускает дальнейшее деление на событийные микроконцепты RUSSIAN BATTLE и RUSSIAN REVOLUTION. Анализ словарей дает следующие определения слова *battle*: 1) *a situation in which countries compete against each other very strongly* [CamOD]; 2) *a period of fighting or conflict between countries or states* [CollOD]; 3) *fighting between two or more countries that involves the use of armed forces and usually continues for a long time* [MacOD].

Исследователям творчества И. Глазунова хорошо известно, что в своих работах он уделяет значительное внимание военным сюжетам, неразрывно связанным с историей России. Рассмотрим пример (11), в котором американский искусствовед Вильям Граймс (William Grimes) интерпретирует полную драматизма картину «Дороги войны», репрезентируя микроконцепт BATTLE лексемами *the wartime experiences, soldiers, civilians, the war's impact across society*:

(11) *The image shows us both the **wartime** experiences of both **soldiers** and **civilians**, but also men and women, children and the elderly. At the time it was a useful visual prompt for thinking about the **war's impact** across society* [The New York Times, 2017].

Желая выразить трагические воспоминания своего детства И. Глазунов передает в картине невзгоды военного времени, которые эксперт выражает в тексте (12) словами *the Great Patriotic War, wartime, challenge*:

(12) *The painting was informed by his own **wartime** experiences, the reception of which again reveals an enormous amount about historical memory, in this case – the **challenges** of remembering the **Great Patriotic War*** [The New York Times, 2017].

В картинах И. Глазунова гротескное воплощение образа врага находит свое проявление в событиях давно минувшей истории. Американский искусствовед следующим образом интерпретирует картину «Штурм града»:

(13) *With the aid of the former, **the image of the enemy** in the right portion of the painting becomes connected with the image of Ancient Rus shown in the left portion, where **fire is raging**, birds scatter around, and an innumerable number of enemy arrows are directed at the city. Within the framework of the latter, the image of the **Tatar-Mongol invasion of Rus** is comprehended as **a tragic conflict between two civilizations*** [The New York Times, 2017].

Сражение описывается критиком как трагический конфликт цивилизаций, в центре которого даны образ врага и образ Древней Руси: *The image of the enemy, the image of Ancient Rus, the image of the Tatar-Mongol invasion of Rus, fire is raging, enemy arrows, tragic conflict*, которые репрезентируют микроконцепт BATTLE.

Другим важным событием, неотделимым от истории России, является, по мнению И. Глазунова, Октябрьская революция. Микроконцепт REVOLUTION репрезентирует в словаре следующие значения: 1. *a change in the way a country is governed, usually to a different political system and often using violence* [Cam.OD]; 2. *a successful attempt by a large group of people to change the political system of their country by force* [Coll.OD]; 3. *a sudden, radical, or complete change* [MerrWOD].

Контекстуальную репрезентацию событийного микроконцепта REVOLUTION можно найти в искусствоведческом тексте Вильяма Граймса, в котором он интерпретирует картину Глазунова И.С. «Костры октября»:

(14) *The picture depicts three figures who changed the course of world's history after the events of the **Great October Socialist Revolution** (also known as the **Red October**) – Yakov Sverdlov, Felix Dzerzhinsky and Vladimir Lenin* [The New York Times, 2017].

Искусствовед выделяет в тексте, посвященном картине «Костры октября», важное событие – *Great October Socialist Revolution*, а также изменивших ход мировой истории лидеров революции, которых изобразил И. Глазунов: *Yakov Sverdlov, Felix Dzerzhinsky* и *Vladimir Lenin*, чьи имена вошли в историю Советской России. Данный пример дает основание говорить о тесной концептуальной связи таких понятий, как личность, история, событие, политика, что находит подтверждение в творчестве И. Глазунова и отмечается искусствоведами.

Рассмотрим пример (15), в котором, интерпретируя картину «Костры октября», эксперт показывает само событие и его непосредственных участников, подчеркивая крайне отрицательную оценку, которую художник дает в своих работах Революции, ее инициаторам и руководителям:

(15) *The new leaders of **Bolshevik Russia** are represented as **cruel and powerful** people who are obsessed with the idea of building a new world. Their faces are illuminated by bloody gleams of the **revolution bonfires** lit by them. With amazing skill, the **revolutionaries' faces** are plucked from the darkness of the night and portrayed with a striking vitality that almost hypnotizes the viewer* [The New York Times, 2017].

Словосочетание ***Bolshevik Russia***, как и ***Soviet Russia***, демонстрирует концептуально-понятийное совмещение в рамках ценностного макроконцепта MOTHERLAND двух антогонистичных, по мнению мастера, концептов SOVIET UNION и RUSSIA. В тексте критика они отражают трагическую историю страны, а слова *cruel, revolution bonfires, bloody gleams*, репрезентирующие микроконцепт REVOLUTION, иллюстрируют, каким, судя по картине, видит эксперт отношение художника к произошедшим событиям.

Завершая исследование, можно сделать ряд выводов (1) Изучение искусствоведческого дискурса о работах И. Глазунова дает основание говорить о сложной иерархически организованной структуре концептуального пространства текстов экспертов. Макроконцепт MOTHERLAND включает концептуальный кластер первого уровня с концептами RUSSIA и SOVIET UNION, первый из которых образует концептуальный кластер второго уровня, состоящий из субконцептов RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN CULTURE, RUSSIAN PATRIOTISM, RUSSIAN SYMBOLS, RUSSIAN PEOPLE, RUSSIAN RELIGION, RUSSIAN LEADERS. Субконцепт RUSSIAN HISTORY образует концептуальный кластер третьего уровня, объединяя микроконцепты RUSSIAN REVOLUTION и RUSSIAN BATTLE, которые связаны событийным значением. (2) Концепты, относящиеся к кластерным образованиям разных уровней, могут быть представлены в одном текстовом фрагменте, демонстрируя сложный характер взаимодействия как с макроконцептом, так и с концептами других уровней в зависимости от их ценностно-смысловых характеристик в рамках определенного социокультурного контекста (RUSSIA – RUSSIAN HISTORY – RUSSIAN REVOLUTION). (3) Ценностная составляющая макроконцепта не распространяется на все уровни концептуально-кластерных репрезентаций, что объясняет, например, возможность рассматривать микроконцепты RUSSIAN REVOLUTION и RUSSIAN BATTLE с точки зрения антиценностей, учитывая высокую степень их субъектно-ориентированной понятийно-смысловой вариативности. (4) Несмотря на то что концепты SOVIET UNION и RUSSIA объединены принадлежностью к макроконцепту MOTHERLAND и демонстрируют высокую степень семантической схожести, их текстовые репрезентации дают основание говорить о разных, а подчас и противоположных знаках оценки, которой наделяет их автор текста, интерпретируя картины художника, что подчас позволяет рассматривать эти концепты в терминах оппозиции «Свой–Другой».

Список словарей

1. Cambridge Online Dictionary (электронный ресурс).
URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (CamOD)
2. Merriam-Webster Online Dictionary (электронный ресурс).
URL: [https://www.merriam-webster.com/\(MerrWOD\)](https://www.merriam-webster.com/(MerrWOD))
3. Oxford English Dictionary Online (электронный ресурс).
URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (OEDO)

4. Collins Online Dictionary (электронный ресурс).
URL: [https://www.collinsdictionary.com/\(COD\)](https://www.collinsdictionary.com/(COD))
5. Macmillan English Dictionary for Advanced learners. Online. Macmillan Publishing, PLC 2006. (MEDO)
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.

ГЛАВА III. ФАКТОР АГОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИКУРСЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ КАУЗАЦИИ

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой совокупность речевых актов, используемых как в монологической, так и диалогической формах, направленных на завоевание власти. В настоящее время в связи с развитием цифровых коммуникативных медийных технологий политический дискурс становится наиболее влиятельным способом формирования информационного пространства. В период информационных войн при столкновении идей конкурирующие стороны в достаточно резкой форме проявляют свой антагонистический конфронтационный характер. Экстенсивность агонизма или ритуализированной состоятельности растет во многих областях человеческого дискурса [Tannen, 2002], но в политическом дискурсе США, особенно в период президентской избирательной кампании, экстенсивность возрастает и формируются особые модели вербальной агональности. Оценочные высказывания в противостоянии политических оппонентов занимают особое место в президентских дебатах, поскольку наиболее эксплицитно направлены на убеждение аудитории в собственной положительной роли в рамках положительной оценки и особенно через дискредитацию оппонента в отрицательной оценке [Иссерс, 2008: 190–192]. Тем самым осуществляется манипуляция аудитории в рамках «стратегического маневрирования» [Eemeren 2010].

Цель исследования – проследить роль оценочных высказываний в реализации агональных отношений при формировании стратегий, осуществляемых участниками предвыборных президентских дебатов. Если считать, что основная функция политического дискурса – это функция убеждения, при которой может происходить изменение системы взглядов и мотивирование действий аудитории [Демьянков, 2002], то именно оценочные высказывания могут проявить полифункциональные возможности в рамках воздействия. Это воздействие проявляется в реализации интенционального значения, которое формируется в рамках целевых программ политиков, а реализация этих значений осуществляется на границе собственно лингвистических значений, обсуждаемой темы и психологической интерпретации аудитории [Eemeren, 2010: 93–101]. Функциональный потенциал оценочных высказываний заключается не только в выражении отношения и эмоций говорящего к объекту оценки, а также в стремлении

привлечь внимание слушателей и склонить аудиторию к своей точке зрения. В этом случае в рамках интеграционного компонента функциональной семантики оценочных высказываний выступает каузативная функция интенциональности [Searle, 1993: 112–140]. Интенциональная каузативность определяется в функциональных областях политического дискурса, среди которых выделяется персуазивная функция, направленная на аудиторию, и группо-выделительная функция, связанная с «обеспечением идентичности политика» [Водак, 1998: 22–46].

Успешность политического дискурса во многом зависит от того, насколько речь политика и присутствующие в ней символы соответствуют общественному сознанию. Иными словами, в своей речи политику необходимо использовать правильные речевые приемы для того, чтобы адресаты политического дискурса смогли воспринять говорящего и его позицию всерьез [Фуко, 2008: 23–25].

В этой связи, с целью оказания воздействия на адресата и манипулирования его сознанием, в рамках политического дискурса функционирует «язык политики». Ключевой характеристикой данного «языка» является высокая степень агональности, оценочности и агрессивности, намеренно нацеленных на провоцирование и побуждение оппонентов и/или аудитории к необходимым действиям. При этом все оценочные, экспрессивные и эмоционально окрашенные высказывания политиков функционируют в рамках так называемых стратегий и тактик политического дискурса, что обусловлено его манипулятивной и персуазивной спецификой.

Под стратегией следует понимать комплекс коммуникативных приемов, направленных на выражение интенции говорящего, в конкретной ситуации общения [Иссерс, 2008: 186–188]. Ситуации институционального дискурса задают определенные цели, в достижении которых стратегии политического дискурса принимают непосредственное участие. Данные цели: стимулирование адресата голосовать за конкретного кандидата, заполучить авторитет, укреплять собственный имидж и т.д. [Wierzbicka, 1986]. О.С. Иссерс предлагает рассматривать стратегии политического дискурса в двух направлениях: самопрезентации и дискредитации. Интересно, что данный подход тесно взаимосвязан с возможностями политика намеренно создать необходимый вербальный контекст для изменения и/или совершенствования собственного образа в глазах избирателей.

Образ политика создается за счет манипулятивных стратегий, к которым относятся, по мнению О.Л. Михалевой, «стратегии на повышение», «стратегия на понижение» и «театральная». Каждая стратегия

подкрепляется набором тактик, представляющих собой некие ступени в процессе целостной реализации стратегий за счет разнообразных речевых приемов. Так, выделяются следующие стратегии: Стратегия «на понижение» / «игра на понижение», направленная на дискредитацию оппонента с тактикой «минус»; Стратегия «на повышение» / «игра на повышение», призванная представить оратора в наиболее выгодном свете, осуществляется в процессе коммуникации благодаря тактике анализ «плюс»; Стратегия театральности, способствующая реализации людической функции высказывания, вводится в речь при помощи тактик побуждения призыва к кооперации, размежевания (противопоставления себя и аудитории оппоненту), обещания, провокации, иронизирования, прогнозирования и предупреждения [Михалева, 2009: 115–136].

Следует отметить, что в рамках одного высказывания могут пересекаться не только тактики как средства реализации глобальных стратегий, но и сами стратегии, воздействующие на аудиторию. Стратегии часто формируются в речи политиков посредством введения в высказывание оценочного компонента как крайне экспрессивного рычага воздействия на сознание адресата.

Так, прослеживается четкая взаимосвязь между политическим дискурсом, в особенности его состязательными жанрами, и агональностью речи политиков, направленной на интенциональное побуждение аудитории или оппонента к определенной реакции или действию. В качестве ключевого механизма создания каузативной ситуации выступает оценочное высказывание, характеризующееся высокой степенью агональности и функционирующее в рамках различного рода коммуникативных стратегий.

Комплексная ситуация агональности складывается из изначальной установки каждого из участников дебатов на победу в политической борьбе, из подготовленных программ, основанных на противопоставлении заявленных целей, и, наконец, из реализации интенциональной каузации, направленной на воздействие аудитории и оппонента с целью побуждения обоих к желаемым действиям со стороны участников дебатов.

Исследование фактора агональности и каузации в рамках данного исследования проводится на основе состязательного жанра предвыборных дебатов. Выбор жанра обусловлен тем, что он в наибольшей степени соответствует основной цели коммуникации в рамках политического дискурса, т.е. борьбе за власть; с точки зрения основной интенции

предвыборные дебаты относятся к агональным жанрам. В данном случае, агональность предполагает высокую степень состязательности, борьбы, и даже агрессии, что наиболее ярко проявляется в предвыборных дебатах, особенно в теледебатах.

Агональность является одной из отличительных черт предвыборных дебатов, поскольку в рамках данного жанра участники коммуникации в равной степени стремятся к следующим целям:

- *побудить адресата проголосовать на выборах за определенную партию, блок, движение и т.п.;*
- *«понравиться народу»;*
- *убедить адресата принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо, или что реформы идут успешно и т.д.);*
- *создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата.*

Отметим, что в большинстве случаев агональность наиболее эффективно выражается в оценочных высказываниях, что обусловлено ключевым назначением данного рода высказываний, а именно не информированием аудитории, а оказанием воздействия, влияния [Стивенсон, 1985: 217]. Прагматическая функция заключается в формировании заинтересованности и внимания слушателя к излагаемой информации, в то время как функция компенсации позволяет адресатам понять позицию говорящего по его реакции, даже в том случае, если не предоставляется достаточное количество информации [Гак, 1996, Levinson, 1983].

Е.М. Вольф полагает, что оценочное высказывание состоит из двух компонентов, а именно из элемента субъективности и прямого указания на конкретное свойство объекта оценки, что позволяет исследователям обозначить две функции оценочного высказывания: функцию выражения и функцию замещения. Функция выражения обычно представлена общеоценочными высказываниями, например, «хорошая машина», «плохое отношение». В функции замещения слова, выражающие оценку, будут указывать на совокупность свойств объекта с определенным знаком: «+» или «-». Например, оценка «вкусное яблоко» подразумевает такие свойства объекта оценки, как яркий вкус, приятный цвет и аромат. Таким образом, функция замещения, в первую очередь, концентрируется на свойствах объекта оценки, в то время как функция выражения передает отношение говорящего к объекту или событию [Вольф, 2002: 33–34].

В целом, с точки зрения функционального предназначения оценочных высказываний, многие ученые сходятся во мнении о том, что оно заключается в выражении отношения и эмоций говорящего к объекту оценки, а также стремлении заполучить внимание слушателей.

При соотнесении рассмотренных функций оценочных высказываний с направленностью и особенностями политического дискурса можно заключить, что в рамках политического дискурса оценочные высказывания являются эффективным способом воздействия, поскольку ориентированы, в первую очередь, на захват внимания аудитории и оказание воздействия. Таким образом, данные высказывания могут послужить эффективным инструментом манипулирования сознанием адресатов в рамках ключевых коммуникативных стратегий.

Для анализа в рамках настоящего исследования были отобраны экспрессивные оценочные высказывания Дональда Трампа и Хиллари Клинтон, произведенные в рамках предвыборных президентских дебатов 2016 года. Отметим, что в процессе подбора примеров таких высказываний особое внимание уделялось наличию агональной составляющей, способствующей эффективной реализации той или иной стратегии и тактики политической коммуникации. При этом было выявлено, что агональность высказываний политиков в рамках состязательного жанра предвыборных дебатов выражалась двумя способами: эксплицитно и имплицитно. Для наиболее репрезентативного анализа роли тактик в создании интенциональной каузативной ситуации рассмотрим оба способа.

I. Тактики политического дискурса с эксплицитно-выраженной агональностью: намеренное побуждение аудитории к формированию образа оппонента

Рассмотрим высказывание Хиллари Клинтон, в котором посредством эксплицитной оценки критикуется несдержанный характер Дональда Трампа.

1. *So a man who can be provoked by a tweet should not have his fingers anywhere near the nuclear codes. (PDT-1)*

Структура данного оценочного высказывания, выраженная субъектом оценки – Хиллари Клинтон, и объектом оценки – Дональдом Трампом, указывает на стремление вызвать сомнения аудитории в способности оппонента держать себя в руках. Ядро оценки, выраженное эмфатическим словосочетанием «*have his fingers anywhere*

near», позволяет судить о том, что политик использует тактику косвенного оскорбления, поскольку имя непосредственного объекта не упоминается.

Помимо этого, в данном высказывании агонально-оценочный компонент выражен глаголом с отрицательной коннотацией «*provoke*». Анализ словарного значения данного глагола – «to say or do something that you know will annoy somebody so that they react in an angry way» [Oxford Dictionary] – показывает, что значение лексической единицы подразумевает обязательное наличие негативной реакции, вероятнее всего, выраженной в действиях. Так, Хиллари Клинтон подчеркивает контраст между таким нейтральным понятием, как «твит», и провокацией на агрессию, тем самым представляя оппонента в качестве вспыльчивого человека, неспособного себя контролировать.

В следующем высказывании Хиллари Клинтон использует тактику дискредитации с целью обратить внимание аудитории на несостоятельность фигуры оппонента:

2. *It's just awfully good that someone with the temperament of Donald Trump is not in charge of the law in our country. (PDT-2)*

В данном высказывании Хиллари Клинтон используется оценочный оксюморон «*awfully good*», который служит дополнительным усилением позиции оратора. Так, при помощи эмфазы Хиллари Клинтон указывает на вспыльчивость оппонента как на значительный недостаток для потенциального лидера, фактически ставя данную черту характера на место субъекта оценки. Также, используя словосочетания «*is not in charge of the law in our country*», Хиллари Клинтон положительно оценивает тот факт, что Дональд Трамп не имеет отношения к законодательному процессу, тем самым ставя под сомнения его лидерские качества. Агональность данного высказывания значительно усиливается за счет контрастного использования средств положительной и отрицательной оценки в рамках одного предложения.

В высказывании ниже Дональд Трамп дважды сравнивает себя с оппонентом:

3. *Well, I have much better judgment than she does. I also have a much better temperament than she has, you know? (PDT-1)*

При этом, политик бездоказательно указывает на свое безусловное превосходство при помощи интенсификатора «much better...than» в сопровождении лексического повтора, тем самым способствуя осуществлению тактики дискредитации и <анализ «минус»>. Сравнительная оценка, выраженная конструкцией «much better judgment than she does» в данном

случае, показывает предикат оценки. Согласно Оксфордскому словарю, понятие «*judgment*» предусматривает способность человека принимать взвешенные решения («*ability to make considered decisions or come to sensible conclusions*»). Использование данной лексической единицы существенно увеличивает степень экспрессивности высказывания. Более того, в качестве каузативного инструмента используется прямое обращение к аудитории, выраженное риторическим вопросом, тем самым тактика дискредитации и анализ «минус» дополнительно усиливаются.

Идентичная комбинация тактик применяется в следующем высказывании:

4. *OK, Honest Abe, Honest Abe never lied. That's the good thing. That's the big difference between Abraham Lincoln and you. (PDT-2)*

Тактика дискредитации и анализ «плюс» применяется Дональдом Трампом для создания контраста между оппонентом и великой исторической личностью, которая пользуется признанием в сознании аудитории. В данном случае субъектом оценки выступает честность Авраама Линкольна. Использование отсылки к величайшей исторической личности, а также предложения, содержащего оценочный предикат, – «*That's the good thing*», подчеркивает экспрессивность сравнения оппонента с успешным деятелем. Тем самым, тактика дискредитации реализуется при помощи экспрессивно-выраженной агональности и создает пространство для того, чтобы оппонент начал оправдываться и защищаться, при этом снижая свои шансы на успех.

5. *I was going to say something extremely rough to Hillary, to her family, and I said to myself, «I can't do it. I just can't do it. It's inappropriate. It's not nice».* (PDT-1)

Первый оценочный компонент данного высказывания сконцентрирован в сочетании имени прилагательного и наречия «*extremely rough*». Второй оценочный компонент высказывания выражен прилагательными «*inappropriate*» и «*not nice*» в простых предложениях с параллельными конструкциями. Данный прием экспрессивного синтаксиса указывает на агрессивный характер высказывания, подчеркивая стремление оратора продемонстрировать аудитории умение контролировать себя и желание реабилитироваться после обвинений, выдвинутых противником. Стоит отметить, что данное высказывание представляет особый интерес, поскольку случаи использования отрицательной оценки для улучшения собственного имиджа чрезвычайно редки.

Рассмотрим еще одно оценочное высказывание Дональда Трампа, отражающее точку зрения политика относительно запрета абортов.

6. *Now, you can say that that's okay, and Hillary can say that that's okay, but it's not okay with me. Because based on what she's saying...you can take the baby and rip the baby out of the womb in the ninth month, only the final day. And that's not acceptable. (PDT-3)*

В настоящем высказывании можно выделить два диаметрально противоположных оценочных компонента, за счет которых оратору удается создать дополнительный контраст между собственными взглядами и позицией оппонента. Так, отрицательная оценка эксплицитно выражена прилагательным **«acceptable»** с отрицательной частицей **«not»** в парцелированном предложении, завершающем высказывание, в то время как положительный компонент выражен именем прилагательным **«okay»**. Отметим, что опосредованно от контекста лексические единицы **«okay»** и **«acceptable»** носят более нейтральный характер. Однако использование лексического повтора, противопоставления, а также метафоры способствует значительному усилению экспрессивности данных прилагательных. Подобная модель оценки, выраженная параметром «приемлемый–неприемлемый», с использованными тактиками размежевания (разделения на группы с противоположными позициями) и анализ «минус» способствуют установлению более конфликтной и напряженной коммуникации между оппонентами.

В следующем высказывании Дональд Трамп использует целую совокупность тактик.

7. *And, you know, I also notice the very nasty commercials that you do on me in so many different ways, which I don't do on you. (PDT-1)*

Тактика <анализ «минус»> представлена оценочным прилагательным **«nasty»**, которое следует считать высоко-экспрессивным, поскольку предполагается наличие оскорбительного и грубого оттенка значения. В свою очередь, тактика обвинения выражается эксплицитно посредством прямого обращения к объекту обвинения – Хиллари Клинтон – **«nasty commercials that you do on me»**. Более того, в данном высказывании представлена тактика самопрезентации, которая реализуется благодаря созданию контраста между обвинением, выдвигаемым в отношении оппонента, и признанием собственной невиновности за счет уточнения оратора **«which I don't do on you»**. Помимо представления противника в отрицательном свете, в интенцию оратора также входит стремление более выгодно выглядеть на его фоне.

Дональд Трамп неоднократно возвращается к обвинениям Хиллари Клинтон в проведении нечестной рекламной кампании против него. Рассмотрим еще одно высказывание политика в отношении данной проблемы.

8. *But she spent hundreds of millions of dollars on negative ads on me, many of which are absolutely untrue. They're untrue. And they're misrepresentations. (PDT-1)*

В настоящем высказывании отрицательная оценка выражена как эксплицитно – «**negative**», так и имплицитно – «**untrue**» и «**misrepresentation**», посредством прилагательных и существительного с негативной коннотацией. Существительное «**misrepresentation**» характеризуется преднамеренным характером предоставления ложной информации («the act of giving false information about something, often in order to get an advantage») [Cambridge Dictionary]. Так, в данном высказывании фигурирует целая совокупность тактик, таких как тактика обвинения оппонента, усиленная лексическим повтором «**They're untrue**», и тактика <анализ «минус»>.

Используя следующее высказывание, Дональд Трамп предпринимает попытку убедить аудиторию в том, что оппонент не обладает качествами, необходимыми хорошему лидеру.

9. *She doesn't have the look. She doesn't have the stamina. To be president of this country, you need tremendous stamina. (PDT-1)*

При этом тактика <анализ «минус»> реализуется имплицитно, посредством указания на отсутствие у Хиллари Клинтон внешних данных – «**look**», и выносливости – «**stamina**». Данные компоненты имплицитной оценки, тем не менее, не мешают эффективному выражению агональности за счет эксплицитной положительной оценки выносливости президента «**tremendous stamina**», призванной преувеличить уровень несоответствия оппонента установленным критериям. Данный контраст между очевидной агрессивностью высказывания и положительной оценкой своей деятельности способствует реализации тактики <анализ «минус»>.

Рассмотрим высказывание Дональда Трампа, где посредством абсолютной отрицательной оценки реализуются тактики обвинения и отвода критики.

10. *There's never been anybody in the history politics in this nation that's been so abusive to women. So you can say any way you want to say it, but Bill Clinton was abusive to women. (PDT-2)*

Отметим, что в данном высказывании использование тактики обвинения обусловлено не недовольством поведением объекта оценки Билла Клинтона, а желанием отвлечь внимание от собственной персоны (тактика отвода критики). Оценочный компонент высказывания выражен именем прилагательным с отрицательной коннотацией

«**abusive**» – «extremely offensive and insulting» (Cambridge Dictionary). В английском языке слово «**abuse**» обладает высокой степенью экспрессивности и эмоционального воздействия, что усиливает характер тактики обвинения и отвода критики.

В следующем высказывании Хиллари Клинтон обвиняет Дональда Трампа в дискриминации и проявлении неуважительного отношения к женщинам посредством эксплицитной отрицательной оценки, выраженной именем прилагательным в превосходной степени «**the worst**».

11. *And one of the worst things he said was about a woman in a beauty contest. He loves beauty contests, supporting them and hanging around them. And he called this woman «Miss Piggy». Then he called her «Miss Housekeeping» because she was Latina. Donald, she has a name. (PDT-1)*

В данном высказывании проявляется прямое осуждение реплик оппонента относительно женщин, дополненное имплицитной оценкой неподобающей манеры Дональда Трампа обращения к женщинам: «**Miss Housekeeping**». Так, тактика <анализ «минус»> призвана обратить внимание аудитории на невежество и грубость оппонента.

Оценочный компонент высказывания, предложенного ниже, выражен идиомой.

12. *Typical politician. All talk, no action. Sounds good, doesn't work. Never going to happen. (PDT-1)*

Значение идиомы «**All talk, no action**» предполагает пустые рассуждения и отсутствие реальных действий. В данном высказывании наблюдается очевидная взаимосвязь между параметром агональности и оценочности. Оценочное высказывание, выражающее реакцию Дональда Трампа на многочисленные обещания оппонента и стремление переубедить аудиторию в правоте Хиллари Клинтон, свидетельствует об использовании политиком тактики обвинения и прогнозирования.

Еще одним примером использования тактики прогнозирования служит следующее высказывание, принадлежащее Дональду Трампу:

13. *I believe if my opponent should win this race, which I truly don't think will happen, we will have a Second Amendment which will be a very, very small replica of what it is right now. (PDT-3)*

В данном случае театральная стратегия реализуется через тактику прогнозирования – «**I truly don't think will happen**», в сочетании с тактикой <анализ «минус»>. Данное высказывание предусматривает большую степень уверенности в поражении оппонента – «**don't think**». Оценочный компонент выражен имплицитно посредством лексического повтора

наречия «*very*» и существительного «*replica*». Так, происходит эмфатизация позиции оратора относительно Второй поправки, которую Дональд Трамп всячески старается сохранить.

14. *And I'll tell you what, we're in very serious trouble because we have a country with tremendous numbers of nuclear warheads, 1,800, by the way, where they (Russia) expanded and we didn't – 1800 nuclear warheads, and she's playing chicken. (PDT-3)*

Отрицательная оценка в данном высказывании реализуется эксплицитно посредством оценочной коллокации «*serious trouble*», которая придает негативную окраску всему словосочетанию, и зоонимической сленговой метафорой «*play chicken*». Тактика <анализ «минус»> в данном случае становится высокоагональной за счет выражения личностного отношения оратора к рассматриваемой проблеме. При этом метафора «*play chicken*», являющаяся ключевым элементом тактики обвинения, подчеркивает отрицательность суждения и негодование оратора относительно действий оппонента. Обратимся к словарному определению метафоры – «to play dangerous games in order to discover who is the bravest» [Oxford dictionary], из которого следует заключить, что в данном высказывании речь идет о неуместной конкуренции, которая потенциально может привести к серьезным проблемам в ядерном вопросе. Абсурдность действий противника с точки зрения Дональда Трампа подчеркивается противопоставлением «*where they [Russia] expanded and we didn't*», свидетельствующим о применении тактики размежевания, деления на «их» и «нас», где «они» – Россия – сделали значительные успехи, а «мы» – США – отстаем, в то время как оппонент идет на неоправданные риски. Следовательно, аудитории предоставляется возможность сделать выводы о несостоятельности и некомпетентности оппонента.

II. Тактики политического дискурса с имплицитно-выраженной агональностью: намеренное побуждение аудитории к формированию образа оппонента

В рамках высказывания, представленного ниже, реализуется тактика обличения, основанная на положительной оценке.

15. *You called it the gold standard of trade deals. You said it's the finest deal you've ever seen. (PDT-1)*

Субъект оценки – Дональд Трамп – использует положительные высказывания, цитаты оппонента относительно торгового соглашения НАФТА, которые сам считает исключительно неудачными, тем самым

ставя Хиллари Клинтон на место подразумеваемого объекта отрицательной оценки. Эффективность формирования негативного образа конкурента реализуется за счет оценочной метафоры «*gold standard*». Принимая во внимание словарное значение метафоры – «a thing of superior quality which serves as a point of reference against which other things of its type may be compared» [Cambridge Dictionary], которое предусматривает безусловное превосходство отдельного предмета в категории ему подобных, Дональд Трамп подчеркивает ошибочные политические решения оппонента. Оценочность, выраженная прилагательным в превосходной степени и сравнением «*the finest deal*», указывает на тактику обличения, за счет противопоставления экспрессивных положительных высказываний оппонента и истинного отрицательного отношения субъекта оценки к рассматриваемой проблеме.

Тактики дискредитации и частичного обличения служат основой для положительного характера оценочного высказывания, представленного ниже.

16. *You know, Donald was very fortunate in his life, and that's all to his benefit.*

He started his business with \$14 million, borrowed from his father... (PDT-1)

Оценка, которую Хиллари Клинтон использует применительно к субъекту – Дональду Трампу, имплицитно выражена именем прилагательным с положительной коннотацией «*fortunate*» и наречием «*very*». Обратимся к словарным значениям использованных лексических единиц. Так, «*fortunate*» следует трактовать как «lucky», то есть везучий, что подразумевает влияние внешних факторов, нежели личных качеств и усилий субъекта. Так, эффективно выраженное предвзятое отношение субъекта оценки к объекту, некий немой укор укрепляют убежденность аудитории в том, что субъект оценки не достиг больших высот самостоятельно. Тактика обличения, посредством которой оратор стремился реализовать ключевую интенцию своего высказывания, способствует созданию необходимой реакции аудитории.

Дональд Трамп также использует положительную оценку с целью дискредитации оппонента. Рассмотрим следующее высказывание:

17. *She doesn't like Putin, because Putin has outsmarted her at every step of the way. (PDT-3)*

В данном примере оценка выражена имплицитно, однако высказывание характеризуется очень высокой степенью экспрессивности. Это обусловлено сравнительно-оценочным характером заявления Дональда Трампа, основная интенция которого сводится к дискредитации оппонента. Оценочный предикат выражен глаголом «*outmaster*»,

словарное значение которого («to overcome in a struggle for superiority or mastery») [Cambridge Dictionary] предполагает установление превосходства в результате борьбы, т.е. в данном случае оратор подразумевает, что действия В.В. Путина в процессе принятия политических решений оказывались более успешными по сравнению с Хиллари Клинтон. Следовательно, центральным объектом оценки в данном высказывании является оппонент Дональда Трампа. Исходный оценочный предикат предполагает более широкий диапазон положительных характеристик, помимо интеллектуальной составляющей, что создает возможность передать оценочность высказывания и тактику дискредитации за счет положительной оценки.

В следующем примере тактики презентации и кооперации представлены параллельно.

18. *You decided to stay home, and that's OK. But I will tell you, I've been all over. And I've met some of the greatest people within these communities. (PDT-1)*

Тактики реализуются посредством прилагательного в превосходной степени «the greatest», использование которого обусловлено стремлением Дональда Трампа положительно охарактеризовать представителей избирательного сообщества, тем самым заполучив их расположение. Тактики самопрезентации и дискредитации реализуются за счет противопоставления активности оратора пассивности оппонента. Так, Дональд Трамп указывает на то, что Хиллари Клинтон не ведет работу с избирателями, характеризуя ее выбор при помощи оценочного междометия нейтрального характера «OK». Так, политик усиливает контраст между собой и оппонентом, вследствие чего тактика дискредитации реализуется более эффективно.

Высказывание, предложенное далее, представляет собой редкий пример реализации тактики обвинения за счет положительной оценки.

19. *By contrast, Donald's plan has been analyzed to conclude it might lose jobs. (TCD-3)*

В настоящем высказывании субъект оценки – Хиллари Клинтон, имплицитно выражает негативное отношение к объекту оценки – экономическому плану оппонента, при помощи глагола «lose», обладающего отрицательной коннотацией в контексте занятости и экономической эффективности, благодаря чему в высказывании эффективно и тонко реализуется тактика «анализ «минус»». При этом увеличивается степень уверенности в провале политики оппонента.

20. *He [Путин] has no respect for her. He has no respect for our president. (TCD-3)*

В данном высказывании Дональд Трамп представляет аудитории свое видение отношения Путина В.В. к американским политикам, в частности, Хиллари Клинтон и Бараку Обаме, тем самым реализуя тактику <анализ «минус»>. Структура высказывания выражается следующим образом: субъект оценки – Путин В.В., объект оценки – Хиллари Клинтон и Барак Обама, характер оценки – отрицательная оценка, имплицитно выраженная глагольной конструкцией «**have no respect**» в простых предложениях с параллельными конструкциями. Так, Дональд Трамп стремится указать аудитории на отсутствие признания оппонента мировым лидером.

21. *Syria is Russia and it's Iran, who she made strong and Kerry and Obama made into a very powerful nation and a very rich nation, very, very quickly, very, very quickly. (PDT-2)*

Оценочные прилагательные «**powerful**» и «**rich**» в сочетании с многократным повтором наречий «**very**» и «**quickly**» в контексте процветания государства свидетельствуют о положительном характере наблюдаемых перемен. Однако следует отметить, что Сирия и успехи данной страны представляют собой второстепенные субъекты оценки, призванные, в первую очередь, послужить основой для предъявления обвинений американским политикам (непосредственным субъектам негативной оценки), которые, по мнению оратора, повинны в стремительном развитии зоны международного конфликта. Дональд Трамп осознанно упоминает политика Джона Керри с целью дискредитации не только оппонента, но и людей, сторонниками которых является Хиллари Клинтон.

В результате проведенного исследования было установлено, что агональность высказываний выражается за счет оценочных высказываний наиболее эффективно в процессе реализации стратегий, направленных на создание положительного имиджа говорящего и дискредитацию оппонента, т.е. стратегий «на повышение» и «на понижение». При этом, оценочность проанализированных высказываний тяготеет к зоне негативного, что обусловлено повышенной агональностью исследуемого жанра предвыборных дебатов.

Следует отметить, что наибольшая доля отрицательных оценочных высказываний служит механизмом реализации стратегии «игра на понижение». Зачастую в качестве каузативного инструмента используется прямое обращение к аудитории, выраженное риторическими вопросами, тем самым дополнительно усиливая реализацию тактики дискредитации.

При этом ключевыми этапами в стратегии на понижение – стратегии создания собственного положительного образа за счет негативной презентации оппонента – являются тактики обвинения и обличения, а также тактика <анализ «минус»>, реализуемые в речи посредством имплицитной оценки, выраженной глаголами с негативной коннотацией, лексическими повторами и синтаксическим параллелизмом, иными словами, приемами, направленными на усиление суггестивной функции.

В свою очередь, тактика дискредитации реализуется при помощи экспрессивно-выраженной агональности, тем самым заставляя оппонента оратора оправдываться и защищаться, при этом теряя свой авторитет в глазах потенциальных избирателей. При этом наиболее эффективной тактикой является тактика размежевания (разделения на группы с противоположными позициями), выраженная параметром «приемлемый–неприемлемый», поскольку способствует установлению более конфликтной и напряженной коммуникации между оппонентами.

Еще одна тенденция, выявленная по результатам проведенного анализа, состоит в том, что высказывания с оценочным компонентом, выраженным эмоционально окрашенными прилагательными и существительными, наиболее характерны для тактики самопрезентации и отвода критики, т.е. для стратегии «на повышение» и создания положительного имиджа. Ситуация интенциональной каузации связана как с первоначальной интенцией, так и с ситуацией восприятия, которая может привести к изменению первоначальной оценки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация агональных аксиологических значений в рамках обозначенных стратегий и тактик во многом определяет каузативную ситуацию, которая связана также с возможным изменением оценки имиджа политика в глазах избирателей.

Источники примеров

1. **PDT-1** – The first Trump-Clinton presidential debate transcript [Электронный ресурс].
URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).
2. **PDT-2** – The second Trump-Clinton presidential debate transcript. [Электронный ресурс].
URL: <https://www.nytimes.com/2016/10/10/us/politics/transcript-second-debate.html> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).

3. PDT-3 – The final Trump-Clinton debate transcript. [Электронный ресурс].
URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/19/the-final-trump-clinton-debate-transcript-annotated/?utm_term=.a2002550cea0 (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).

Список словарей

1. Cambridge Dictionary Online. [Электронный ресурс].
URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).
2. Longman Dictionary of Contemporary English Online. [Электронный ресурс].
URL: <http://www.ldoceonline.com/> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).
3. Oxford Dictionary Online. [Электронный ресурс].
URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).

ГЛАВА IV. ПАРЕМИЯ КАК ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На сегодняшний день исследование сферы политического дискурса пользуется высокой актуальностью в связи с тем, что данный вид дискурса обладает высокой степенью влияния на общественное сознание. Такое воздействие направлено на формирование определенной картины мира в сознании социума с целью управления и контроля его политической активности и формирования авторитарных рычагов управления деятельностью масс.

Целью данной работы выступает исследование паремий как стратегического инструмента воздействия в рамках политического дискурса бывшего президента США Барака Обамы. Дискурсивный подход к исследованию сферы политической коммуникации представляется плодотворным, поскольку позволяет осмыслить и объяснить широкий спектр форм манипуляций, осуществляемый властными структурами по отношению к социально активной части общества. Прагма-семантический подход позволяет осмыслить роль трансформированных паремий и выявить их функциональные свойства.

Как известно, понятие «дискурс» весьма многозначно. Само слово «дискурс» происходит от латинского слова «discursus», которое буквально означает «бег в различных направлениях» и имеет ряд значений. Среди них в поздней латыни оказалось и значение «разговор», «беседа», в средневековой латыни: «объяснение», «довод», «аргумент» и, наконец, «логически стройное рассуждение» [БТС]. В современной лингвистике понятие «дискурс» имеет множество научных интерпретаций. Так, Е.С. Кубрякова описывает три подхода к определению данного понятия: структурно-синтаксический, структурно-стилистический и коммуникативный. При коммуникативном подходе «дискурс» понимается как вербальное общение, либо как диалогическое высказывание, беседа, либо как речь с позиции говорящего [Кубрякова, 2000: 7–25]. Данный подход представляется принципиально важным для анализа дискурса политической сферы, поскольку он подчеркивает антропоцентризм коммуникативной деятельности.

Анализ существующих определений дискурса свидетельствует о том, что в настоящее время в лингвистике принято выделять «педагогический, политический, научный, критический, этнический, юридический, военный и другие типы дискурса, основываясь на сфере

коммуникации» [Миронова, 1998: 131]; А.В. Олянич выделяет «деловой, политический, информационный и массово-информационный, опираясь на потребности, испытываемые человеком» [Олянич, 2014: 46]. Базируясь на типах речевого жанра, Т.М. Шмелева выделила «информационный, этикетный, оценочный и императивный типы дискурса» [Шмелева, 2012: 34].

Политический дискурс в лингвистической литературе представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Авторы многочисленных работ последних лет используют термин «политический дискурс», вкладывая в него разное содержание. Одни исследователи присваивают политическому дискурсу специфическое содержание, другие используют его наряду с терминами «язык политики», «политическая коммуникация», «политический язык».

А.Н. Баранов понимает под политическим дискурсом «особую знаковую систему, предназначенную именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [Баранов, 1998: 78].

Наиболее точное определение, на наш взгляд, представлено в работах Е.И. Шейгал, где политический дискурс представляет собой «своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий». Иными словами, речь идет не просто о языке как о важном факторе политики, а о «языке политики», который представляет «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса» [Шейгал, 2000: 65].

Поскольку целью политического деятеля является налаживание контакта с массами, влияние на социально-политическую активность людей, свою речь он стремится выстроить таким образом, чтобы его идеи вызвали интерес у слушателей, а речь была не только понятной, но и яркой. Именно поэтому обращения политических лидеров, как правило, отличаются включением значительного числа метафор, фразеологизмов, пословиц и поговорок, что не может не привлекать лингвистов и филологов. В отечественной и зарубежной паремиологии существует значительное количество фундаментальных исследований языка политиков

и, особенно, президентов, которые свидетельствуют об очевидном доминировании паремий в политическом дискурсе [Бажалкина, 2012; Константинова, 2011; Mieder, 2005].

Термин «паремия» пришел из греческого языка и означает «пословица». Так, в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» «пословица» определена как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого и сложного)» [БЭС].

Понятие «паремия» определяется в лингвистике следующим образом. По мнению Л.Б. Савенковой, под паремиями следует понимать «вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы, являющиеся маркерами ситуаций или отношениями между реалиями» [Савенкова 2002: 43]. Е.А. Ошева определяет текст паремии как «мысль, утверждение, проверенное временем и человеческим опытом. Это отражение достаточно сложной формы человеческого мышления, такого рода афористическое суждение, где предстают в образно-символическом моделировании и оценочном комментарии типическая жизненная ситуация или сущностные отношения между людьми» [Ошева, 2013: 61]. Н.А. Потапова к кругу паремий относит «пословицы, поговорки, изречения из Священного Писания, обладающие признаком общеизвестности» [Потапова, 2016: 145].

Л.Б. Кацюба отмечает, что термин «паремия», синонимичный «пословице», употреблен в современных словарях, направленных на «освещение терминологической базы „речевых“ дисциплин, таких как культура речи, стилистика, риторика», а в общелингвистических словарях, в том числе и терминологических, в большинстве случаев по-прежнему используется термин «пословица» без указания на знаковую природу этой единицы. Кроме того, ни в одном отечественном словаре «паремия» не соотносится с понятием «идиома», которое необходимо рассматривать наряду с «фразеологизмом» в связи с «определением лингвистической сущности паремии и ее места в структуре фразеологического знания» [Кацюба, 2013: 65–66].

В связи с тем, что анализ исследования проводится на материале английского языка, необходимо расширить представление о паремиях и дать им определение в английском языке, так как семантическая составляющая определения может частично или значительно отличаться от общепринятого понимания термина «паремия» в отечественных исследованиях. Так, в статьях крупнейших зарубежных энциклопедических и специальных лингвистических словарей, таких как «The encyclopedia

of Language and linguistics», «The Cambridge encyclopedia of language», «The Oxford English Dictionary», взят за основу один и тот же термин «*proverb*», который характеризует пословицу как «краткое, сжатое утверждение», «косвенное высказывание, характерное для устной речи»; «стилистически оформлено»; характеризуется содержанием «религиозного и нравственного»; включает наблюдения о «мудрости, глупости человеческой природы»; выражает «универсальность человеческого опыта»; передается «последующим поколениям» [TELL, TCEL, TOED].

Наиболее близкой к отечественной трактовке «пословицы» является дефиниция, данная в энциклопедии «The New Encyclopedia Britannica», которая определяет пословицу как «краткое и емкое изречение общего пользования, выражающее общепринятые идеи и убеждения. Пословицы являются частью разговорного языка и связаны с такими формами народной литературы, как загадки и басни, которые возникли в устной традиции» [ТНЕВ].

Рассматривая роль и место паремий в политическом дискурсе, отметили, что пословицы пребывают в постоянном изменении и подвергаются авторской трансформации или так называемой модификации. Это обуславливается тем, что постоянные изменения в жизни народа, вызываемые множеством факторов, приводят к смене взглядов, нравственных установок, национальных представлений, идеологических принципов. Как отметил И.М. Абрамович, «пословицы и поговорки в своей массе архаичны, то есть отражают не современное, а некоторое древнее состояние духа народа» [Абрамович, 1964: 56].

Лингвистические исследования, посвященные изучению политического дискурса, свидетельствуют о следующих формах применения паремий: в стандартной, или *узуальной*, форме, т.е. в той, в которой они «зафиксированы в паремиологическом фонде национального языка», в форме *вариантов узуальных паремий* и в трансформированной форме в *окказиональном* употреблении [Кулькова, 2013: 71].

Узуальные паремиологические единицы отражают целостную картину мира определенного этноса.

Варианты паремий представляют собой трансформированные узуальные паремиологические единицы, обязательно соотносимые со своим узуальным прототипом.

Окказиональные паремиологические единицы – это трансформированные паремии, представляющие авторские преобразования в конкретной ситуации, в определенном контексте. Такой тип трансформации носит прагматический и когнитивный характер, подчеркивает индивидуальный

авторский стиль, а также позволяет автору привлекать внимание, выражать свое отношение или оценку, создавать стилистический эффект, повышенную экспрессивность и эмоциональность. Применение окказиональных единиц в политическом дискурсе обусловлено необходимостью внести новое когнитивное содержание [Константинова, 2011].

Среди основных приемов окказиональной трансформации выделяются синтаксические, морфологические и семантические преобразования, а также изменение компонентного состава.

Синтаксическая трансформация характеризуется изменением синтаксической структуры путем ее расширения, сокращения или иных изменений. В процессе использования синтаксических модификаций паремий всегда реализуется конкретная прагматическая задача автора. Она заключается в том, что из-за своей непривычной формы такие паремиеологические трансформации служат средством привлечения внимания аудитории, а также фокусируют внимание слушателей на определенных смысловых элементах.

К синтаксическим трансформациям О.А. Антонова, например, причисляет следующие модификации:

- 1) замена отрицательной формы на утвердительную;
- 2) замена утвердительной формы на отрицательную;
- 3) изменение коммуникативного типа предложения (например, переход повествовательных форм в вопросительные и др.);
- 4) дистанционное расположение компонентов (разрыв) [Антонова, 2012].

Морфологическую трансформацию можно рассматривать как результат замены одной части речи другой частью речи. Следует отметить, что такие трансформации существенно ограничены и, как правило, сопровождаются другими окказиональными модификациями – синтаксическими и семантическими. Морфологическая трансформирующая составляющая обладает приблизительно схожим значением и призвана привлечь внимание слушателей своим необычным и, на первый взгляд, «режущим слух» составом.

Семантические трансформации представляют собой «трансформации предметно-логического содержания в результате сужения или расширения обозначаемого понятия, модификации одного или нескольких компонентов коннотации, переосмысления значения паремийной единицы» [Антонова, 2012: 15]. Другими словами, к семантическим изменениям можно отнести приобретение паремией дополнительного оттенка значения, создание окказиональной коннотации и фразеологически насыщенного контекста.

Изменение компонентного состава – еще один прием паремиологической вариативности, затрагивающий, как правило, как лексический, так и грамматический уровни высказывания. К нему можно отнести:

- 1) расширение, когда автор самостоятельно дополняет паремиологическую единицу сторонними компонентами;
- 2) замена компонента (варьируется от слова до целого выражения);
- 3) сокращение компонентного состава (эллипсис) [Антонова, 2012].

Изменение компонентного состава также способствует привлечению внимания адресата за счет модификации одного из значимых элементов, на котором акцентируется внимание.

Поскольку основной целью политического дискурса, как правило, является воздействие на аудиторию посредством языковых средств различных уровней, в исследовании рассматривается вопрос о том, какие прагматические задачи решает и какие стратегии, и тактики осуществляет политик, используя в своей речи паремию. Лингвистические исследования свидетельствуют о разнообразии выделяемых в политическом дискурсе стратегий. Под стратегией понимается «реализация коммуникативных целей адресанта посредством построения плана своего речевого поведения, зависящего от коммуникативной ситуации, личности и имиджа коммуникантов» [Крячкова, 2010: 157]. Каждая стратегия реализуется благодаря использованию определенных тактик. Тактика, в свою очередь, определяется интенцией говорящего и объясняется совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств.

Так, О.Л. Михалева выделяет следующие стратегии политического дискурса: 1) стратегия на понижение; 2) стратегия на повышение; 3) стратегия театральности [Михалева, 2004].

Под стратегией на понижение исследователь понимает дискредитацию оппонента, которым является политический противник. Данная стратегия предполагает ряд тактик, имплицитно и эксплицитно выражающих отрицательное отношение к оппоненту. К ним относят тактику анализ–«минус», тактику обвинения, тактику безличного обвинения, тактику обличения, тактику оскорбления и тактику угрозы.

Стратегия на повышение подразумевает под собой желание говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората и реализуется за счет следующих тактик: тактика анализ–«плюс», тактика презентации и отвод критики.

Последний вид стратегии – стратегия театральности, которая используется политическими деятелями, главным образом, в ходе предвыборных дебатов. Отличительным признаком данной стратегии выступает

зрелищность политической коммуникации, поскольку кандидаты на высший пост страны соревнуются в остроумии, нестандартности взглядов и чувстве юмора, а электорат, в свою очередь, выступает наблюдателем данного зрелища. Следует отметить, что стратегия театральности реализуется за счет тактики побуждения, тактики размежевания и тактики обещания [Михалева, 2004].

Теперь обратимся непосредственно к материалу исследования, а именно риторике бывшего американского президента Барака Обамы, с тем, чтобы на материале текстов его выступлений проследить функционирование используемых им лексико-семантических и прагма-коммуникативных средств. Такое лингвистическое явление, как паремии, стало немаловажным аспектом его политического дискурса.

Как отмечалось выше в словарных дефинициях англоязычных словарей, в паремиях отражается нравственная сторона культуры этноса, ее религиозное и моральное назначение. В связи с этим Библия является богатым источником цитат и аллюзий, символических обозначений и устойчивых выражений, которые и применяет в своей риторике Барак Обама. Помещая библейские изречения в основу своих речей, политик обращается к традиционной системе ценностей американского народа. Подобная риторика Барака Обамы раскрывает личность политика как чрезвычайно религиозного человека, который почитает Библию и следует ее предписаниям.

Так, в своей инаугурационной речи, призывающей к единству и равенству, Б. Обама заявляет следующее:

(1) *In the end, then, what is called for is nothing more, and nothing less, than what all the world's great religions demand – that **we do unto others as we would have them do unto us**. Let us be our brother's keeper, Scripture tells us. Let us be our sister's keeper. Let us find that common stake we all have in one another, and let our politics reflect that spirit as well [1].*

В данном примере наблюдается вариант известной узуальной паремии «*do unto others as you would have them do unto you*» – «*Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами*», в которой автор использует местоимения *we* и *them* вместо местоимения *you*. Б. Обама намеренно заменил местоимения с целью показать свое единение с американским народом.

В этой же речи встречается и другая отсылка к Библии:

(2) *We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come **to set aside childish things**. The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble*

idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness [2].

В данном контексте использована аллюзия на библейское выражение «*When I was a child, I spoke as a child, I understood as a child, I thought as a child: but when I became a man, I put away childish things*», являющееся частью послания к Коринфянам. И снова Б. Обама, объединяясь со своим народом, посредством применения варианта узуальной паремии выражает призыв к действию и стремлению обеспечить американскому государству развитие и светлое будущее.

Упоминая надежду как одну из фундаментальных ценностей американского народа, которая способствует его единению, Барак Обама говорит следующее:

(3) *We are the hope of the father who goes to work before dawn and lies awake with doubts that tell him he cannot give his children the same opportunities that someone gave him. Yes, he can. We are the hope of the woman who hears that her city will not be rebuilt; that she cannot reclaim the life that was swept away in a terrible storm. Yes, she can. We are the hope of the future; the answer to the cynics who tell us **our house must stand divided**; that we cannot come together; that we cannot remake this world as it should be. Because we know what we have seen and what we believe – that what began as a whisper has now swelled to a chorus that cannot be ignored; that will not be deterred; that will ring out across this land as a hymn that will heal this nation, repair this world, and make this time different than all the rest... [3].*

В данном примере использована аллюзия «*our house must stand divided*» – «наш дом, должно быть, разделен» на паремию из Священного Писания: «*Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот*». Интересное наблюдение заключается еще и в том, что такая аллюзия на паремию распространяется и на речь А. Линкольна «Дом разделенный», которую политик произнес в далеком 1858 году по случаю отмены рабства и сказал узуальную паремию из Священного Писания: «*A house divided against itself cannot stand. I believe this government cannot endure, permanently half slave and half free*» [Lincoln 1858].

Одним из факторов, способствующих продвижению политической карьеры Барака Обамы, стали его выступления на публике еще будучи в должности сенатора. Выступая с речью в Президентской библиотеке и музее им. А. Линкольна в Спрингфилде, штат Иллинойс, сенатор Обама рассуждал на тему наследия Линкольна, его вклада в политическую

и культурную жизнь Соединенных Штатов. В своем обращении он использовал аллюзию на паремию «the American dream», применив сначала «the American spirit», затем «the American landscape» и «American heart»:

(4) *Lincoln believed deeply in the **American spirit** of innovation and exploration that accepts no limits to the heights to which our nation might reach. In all of this – the repeated acts of self-creation, the insistence that with sweated brow and calloused hands and focused will we can recast the wilderness of the **American landscape** and the **American heart** into something better, something finer – in all of this Lincoln embodies our deepest myths. It is a mythology that drives us still* [4].

Считается, что впервые словосочетание «American dream», ставшее в дальнейшем паремией, ввел Джеймс Траслоу Адамс в своей книге «Эпос Америки» в 1931 г., описывая «американскую мечту» как один из жизненных идеалов жителей Америки в материальном и духовном смыслах [Adams, 1931]. Подобным образом и Б. Обама в своей речи обращается к истокам американской государственности, напоминая аудитории о величии и принципах страны, гражданами которой они являются.

Политический дискурс Б. Обамы изобилует примерами паремий, отходящих от их узальной формы и образующих разного рода модификации, которые придают речи политика экспрессивность и эмоциональность, способствуя достижению им политических целей, политических стратегий и тактик, что усиливает эффект воздействия на аудиторию.

Так, например, цитируя знаковое выражение в риторике А. Линкольна, которое пополнило паремийные словари, сенатор Обама использует стратегию на повышение, которая призвана увеличить значимость говорящего в глазах аудитории. Для реализации данной стратегии он обращается к тактике презентации и положительной коннотации и представляет 16-го президента США А. Линкольна исключительно в положительном свете как гаранта «американской мечты». Б. Обама также открыто цитирует ставшие крылатыми выражения риторики А. Линкольна, что не может не транслировать почитание Б. Обамой американской истории и ее национальных ценностей.

(5) *It serves us then to reflect on whether that element of Lincoln's character, and the American character – that aspect which makes tough choices, and speaks the truth when least convenient, and acts while still admitting doubt – remains with us today. Lincoln once said that «**character is like a tree and reputation like its shadow. The shadow is what we think of it; the tree is the real thing**»* [5].

Обращаясь к вопросу расового равенства, Обама отметил:

(6) *At various stages in the campaign, some commentators have deemed me either «too black» or «not black enough. ... For we have a choice in this country.*

*We can accept a politics that breeds division, and conflict, and cynicism. ... We can pounce on some gaffe by a Hillary supporter as evidence that she's playing the race card, or we can speculate on whether **white men will all flock to John McCain in the general election regardless of his policies** [6].*

Глагол «flock» в основном своем значении переводится как «скапливаться», «собираться толпой», но в контексте выступления будущего президента этот глагол приобретает новое значение – «собираться своей расой». Такая лексема обращена к общеизвестной английской поговорке «*Birds of a feather flock together*», русскими эквивалентами которой являются «Одного поля ягода», «Рыбак рыбака видит издалека», то есть такая аллюзия на паремию применена намеренно, чтобы показать толпу людей, которые выбрали для себя расу как ориентир для голосования за Джона Маккейна. Используя данную окказиональную паремию, Б. Обама стремится вызвать эмоциональную реакцию общества и призвать к объединению, что соответствует политической стратегии на понижение и соответствующей ей тактике обличения, предполагающей демонстрацию «истинного лица» той или иной ситуации.

Рассуждая о ведении дел на Уолл Стрит, Б. Обама отмечает:

(7) *«Part of the reason this economic crisis occurred is because we have been living through an era of profound irresponsibility. On Wall Street, easy money and an ethic of **«what's good for me is good enough»** blinded greedy executives to the danger in the decisions they were making [7].*

Здесь наблюдается изменение компонентов окказиональной паремии с семантической модификацией, образованной от ее узуальной формы: «*What's good for one is good for another*» – «*Что хорошо для меня, хорошо и для тебя*». Формулировка «*what's good for me is good enough*», очевидно, была призвана высмеять жадность и безответственность влиятельных деятелей в американской экономике и их стремление получить наибольшую прибыль.

В риторике Б. Обамы есть и другое высказывание, уже ставшее крылатым выражением, используемым другими политиками в своих выступлениях. В Вирджинии политик обратился к аудитории со следующими словами:

(8) *This week we found out that the presumptive nominee of the Republican Party is Senator John McCain. Now, John McCain is a good man...But somewhere along the line, the wheels came off the Straight Talk Express because he now he supports the very same tax cuts he voted against. This is what happens when you spend too long in Washington. **Politicians don't say what they mean and they don't mean what they say** [8].*

Здесь можно увидеть окказиональную паремию с синтаксической модификацией и переосмыслением значения. Она образована от узуально-го изречения «*Say what you mean and mean what you say*» – «*Говори, о чем думаешь, и говори это всерьез*».

В 2005 году в августе в США случился самый разрушительный ураган за всю историю Америки – ураган Катрина, лишивший домов примерно 700 000 жителей и унесший много жизней. В дальнейшем Б. Обама выступил перед выпускниками в Новом Орлеане, штат Луизиана, где обратился к ним как свидетелям этой разрушительной стихии:

(9) *Some will take an entire lifetime to experience these lessons – others never will. But as some of Katrina’s youngest survivors, you’ve had a front row seat. So what does this mean for you? Well, lessons can be just as easily unlearned as they are learned. **Time may heal, but it can also cloud the memory and remove us further from that initial core of concern...*** [9]

Узуальная паремия «*Time may heal*» в контексте политика расширяет свой компонентный состав при помощи второй ее части «*...but it can also cloud the memory*», что означает: «*Время лечит, но не может затуманить память*». Такой прием придает эмоциональный окрас сказанному, транслируя в памяти слушателей те ужасные события, которые никогда не уйдут из памяти присутствующих.

Нацеленность политиков на свои интересы и преследование ими собственной выгоды также были затронуты Б. Обамой в его обращении к студентам частного колледжа в штате Иллинойс:

(10) *In Washington, they call this the Ownership Society. But in our past there has been another term for it – Social Darwinism, **every man and woman for him or herself**. It’s a tempting idea, because it doesn’t require much thought or ingenuity. It allows us to say to those whose health care or tuition may rise faster than they can afford – tough luck...* [10]

Исходный вариант паремии «*Every man for himself*» – «*Каждый сам за себя*» указывает на расширение автором компонентного состава, создав своего рода лозунг, отвечающий политике равенства полов, которую Б. Обама продвигает в своей риторике.

Из анализа вышеизложенных примеров становится ясно, что некоторые выражения вышли далеко за рамки политических речей и пополнили паремийные словари разных языков. Риторика Б. Обамы содержит большое количество цитат высказываний других политических, социальных и религиозных деятелей, которые стали паремиями. Политический дискурс Б. Обамы также содержит некоторые высказывания, ставшие авторскими, и сегодня, спустя некоторое время после его

ухода с должности президента Соединенных Штатов, ассоциируются с его личностью и используются в широких кругах. К таким изречениям можно отнести:

- 1) *There's not a liberal America and a conservative America; there's the United States of America;*
- 2) *You know, my faith is one that admits some doubt/ Вы знаете, моя вера допускает некоторые сомнения, возможная отсылка к паремии Respect faith, but doubt is what gets you an education;*
- 3) *I don't oppose all wars. What I am opposed to is a dumb war;*
- 4) *Do we participate in a politics of cynicism or a politics of hope?*
- 5) *In the face of impossible odds, people who love their country can change it;*
- 6) *Yes We Can* – одно из самых знаковых выражений в политической риторике Б. Обамы, которое не раз становилось объектом газетных заголовков и напрямую ассоциируется с его президентским сроком. Примечательно, что графическое оформление такого выражения, ставшего лозунгом, а именно последнее слово «can», рифмуется в умах многих граждан Соединенных Штатов со словом «*American*».

Проведя анализ паремий, мы пришли к выводу о том, что политический дискурс Б. Обамы наполнен большим количеством паремий, в частности, примеров цитирования Библии, выдающихся политических деятелей, которые отражают идеи равенства, честности, справедливости и единения американской нации, что безусловно оказывает огромное воздействие на американскую аудиторию. Барак Обама обращается как к узуальным паремиям в своей стандартной форме, так и к окказиональным. Использование узуальных паремий показывает его как сторонника традиционного подхода к ведению политики, а также демонстрирует почет и уважение ко всем национальным принципам и постулатам. Политик использует окказиональные трансформации паремий, чаще всего прибегая к изменению компонентного состава или семантической модификации, что не может не привлекать внимание к измененной формулировке привычных изречений. В своей риторике Б. Обама также обращается к стратегии на повышение, которая подразумевает желание говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах аудитории. Стратегия на понижение используется чаще в мягкой и политически корректной форме и, как правило, призвана дискредитировать текущий уклад американской политики и американских политических деятелей.

Исследование «паремийной» риторики Б. Обамы, являвшегося в разные годы сенатором, кандидатом на пост президента США, а также президентом США, показало, что публичные выступления этого политического деятеля являются доказательством его сложившегося яркого ораторского стиля. Б. Обаму следует относить к успешной языковой личности, поскольку он способен оказывать воздействие на эмоции и чувства людей, тактически используя в своих речах различного рода паремии. Применение Б. Обамой паремий позволяет ему обосновать главные идеи его политической риторики и жизненной философии. Примечателен тот факт, что именно его основные речи, такие как победная речь, инаугурационная речь, речи в поддержку прав и свобод, содержат наибольшее количество паремий.

Источники примеров

1. Obama Inaugural Address.
URL: <http://obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
2. Obama Inaugural Address.
URL: <http://obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
3. Super Tuesday.
URL: <http://obamaspeeches.com/E02-Barack-Obama-Super-Tuesday-Chicago-IL-February-5-2008.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
4. Our Past, Our Future, Our Vision.
URL: <http://obamaspeeches.com/012-Abraham-Lincoln-Presidential-Library-and-Museum-Obama-Speech.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
5. Our Past, Our Future, Our Vision.
URL: <http://obamaspeeches.com/012-Abraham-Lincoln-Presidential-Library-and-Museum-Obama-Speech.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
6. A More Perfect Union «The Race Speech» Philadelphia, PA.
URL: <http://obamaspeeches.com/E05-Barack-Obama-A-More-Perfect-Union-the-Race-Speech-Philadelphia-PA-March-18-2008.htm>
7. Obama's Speech in Canton, Ohio.
URL: <https://www.nytimes.com/2008/10/27/us/politics/27text-obama.html>
8. Remarks at the Virginia Jefferson-Jackson Dinner.
URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-virginia-jefferson-jackson-dinner> (дата обращения: 26.10.2022).

9. Commencement and Katrina & Gulf Recovery.
URL:<http://obamaspeeches.com/087-Xavier-University-Commencement-Address-Obama-Speech.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
10. Commencement Address at Knox College.
URL:<https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobamaknoxcollege.htm>

Список словарей

- БТС – Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 1998. – 964 с.
- БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
- CEL – The Cambridge encyclopedia of language. URL: <https://www.cambridge.org/>(дата обращения: 13.11.2021).
- ELL – The encyclopedia of Language and linguistics. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 13.11.2021).
- NEB – The New Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 13.11.2021).
- OED – The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 13.11.2021).

ГЛАВА V. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕРОЯ И ТРАНСДИСКУРСИВНОСТЬ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Каждый человек принадлежит к какой-либо национальной культуре, в которой находят отражение ее традиции, история, литература и язык. На сегодняшний день исследование межкультурных коммуникаций становится необходимым, так как в связи с развитием глобализации прослеживается тесная связь между исследованием языка и культуры определенного народа.

Лингвокультурология как наука породила множество понятий: культурные установки и концепты, языковая картина мира, культурные коды, лингвокультурема и др.

Трансдискурсивность – лингвистический термин, в широком смысле означающий пересечение нескольких дискурсов в одном тексте. Проблема трансдискурсивности в лингвистике является одной из фундаментальных, поскольку любой дискурс имеет неомогенную, нелинейную структуру.

В.В. Мальцева справедливо отмечает, что «любой художественный текст является неэлементарным „сложным смыслом“, сконструированным из обрывков других дискурсов, полем полидискурсивности (сочетания и взаимодействия различных дискурсов в одном коммуникативном пространстве) и интертекстуальности, благодаря чему и создается полифония голосов» [Мальцева, 2017: 28].

Основанием введения понятия «транссубкультуры» как феномена современной культуры явились мультирестрикция существующего понятия субкультура и сформулированное М. Эпштейном понятие «транскультуры» [Эпштейн, 2015: 624]. В его понимании транскультура является вторым порядком «культурности», для которой характерна способность к саморазвитию и выходу за собственные рамки. Она знаменует переход на новый уровень освобождения человека от символических зависимостей, пристрастий, идеологий, которые присущи субъекту как члену определенной культурной группы. Транскультура – это также самотрансформация культуры, освобождение культуры от ее собственных репрессивных механизмов.

В западноевропейской культуре и литературе, начиная с 1960-х годов, актуальным стал вопрос переосмысления культуры народов, которые находились под влиянием Британской империи. Начало развития постколониальной теории связывают с выходом монографии

культуролога и литературоведа Эдварда Саида «Ориентализм». В его работе Ближний Восток представляется как дискурсивный конструкт, создаваемый Западом, чтобы успешно проводить стратегии объективации и очуждения иного, «незападного», субъекта, формируя тем самым различные теории и практики как культуры колонизатора, так и колонизируемой культурой. В сознании метрополии образ Востока складывается не на основе реальности, а на основе воображаемого о Востоке. Метрополия воздействует на колонию, подавляя ее, и постепенно вытесняет и подчиняет все проявления данной культуры, сводя их к имитации [Саид, 2006 (1989)].

Это «культурный империализм», анализировать который будет и американский исследователь постколониализма Хоми Баба. В работах Хоми Баба определяющими концепциями являются мимикрия и гибридность. Мимикрия – образ колонизируемого в глазах колонизатора и самого себя. Колонизируемый представляется как почти такой же, как колонизатор, но все же несколько иной, что отсылает нас к дихотомии «свой»–«чужой», к которой мы вернемся позднее.

Гибридность – понятие, применяемое Х. Баба для характеристики специфических культурных объектов, возникающих на стыке колониальной (европейской, глобальной) и местной традиций [Bhabha, 1994]. Гибрид – объект, включающий в себя черты и колонизатора, и колонизируемого: это может быть как субъект, так и объект.

Баба концентрируется на описании и объяснении процесса культурного дискурса, когда две, казалось бы, простые, противоположные группы сталкиваются и формулируют свои различия. Граница, где сталкиваются эти «промежуточные пространства», – это то, где и когда создаются «новые знаки идентичности», то есть культура в понимании Тейта как среда для социального значения, культура, которая является гибридом двух противоположных культур. Таким образом, работа Баба говорит о процессе создания культуры с точки зрения промежуточных пространств.

Культуры никогда не являются ни унитарными сами по себе, ни просто дуалистическими в отношении Себя к Другим, указывает Х. Баба [Bhabha, 1994]. Причина, по которой культурный текст или система значений не могут быть достаточными сами по себе, заключается в том, что акт культурного высказывания – место высказывания – пересекается *различием* письма. Именно это различие в процессе языка имеет решающее значение для производства значения и в то же время гарантирует, что значение никогда не будет просто подражательным и прозрачным [Bhabha, 1994].

Другими словами, национальная культура никогда не может быть целостной и чистой, потому что ее значение, как и другие языковые продукты, открыто для амбивалентности, открыто для интерпретаций аудиторией, которые отличаются от намерения создателя. Таким образом, в постколониальном дискурсе культура колонизатора, далекая от того, чтобы быть простой, подавляющей силой колонизированной культуры, открыта для амбивалентности. Колонизатор, пытаясь объективировать Колонизированное, создает стереотип Колонизированного, чтобы отвергнуть его как низший: «Колониальная власть производит колонизированное как фиксированную реальность, которая одновременно является „другой“ и все же полностью познаваемой и видимой» [Bhabha, 1994]. Колонизатор создает образ Колонизированного и думает, что этот образ целостен и однозначен. Но конфронтация с Колонизированными заставляет Колонизатора видеть, что это стереотип, который, по словам Баба, «драматизирует невозможное желание чистого, недифференцированного происхождения», является «невозможным объектом» [Bhabha, 199]. Различие колонизированной культуры вытесняет собственное чувство единства Колонизатора и заставляет Колонизатора осознавать свое расщепленное «я», которое желает, чтобы Колонизированный подтвердил созданный стереотип, чтобы он мог видеть Колонизированного как фиксированный объект.

Однако различие Колонизированного не позволяет объективировать себя, и фактически Колонизированное подражает Колонизатору, заставляя Колонизатора видеть себя Объектом. Мимикрия, воспринимаемая сначала как «наиболее неуловимая и эффективная стратегия колониальной власти и знания» [Bhabha, 1994], кажется привлекательной для колонизатора. По-видимому, хорошей политикой является то, чтобы туземцы подражали своим колониальным хозяевам, которые «желают реформированного, узнаваемого Другого» [Bhabha, 1994]. Но, как указывает Баба, влияние мимикрии на авторитет колониального дискурса глубоко и тревожно, ибо в «нормализации» колониального государства или субъекта мечта о цивилизованности после Просвещения отчуждает свой собственный язык свободы и производит другое знание своих норм. Угроза мимикрии заключается в ее двойственном видении, которое, раскрывая амбивалентность колониального дискурса, также подрывает его авторитет [Bhabha, 1994].

Чтобы понять амбивалентность трансдискурсивности, ее следует отличать от инверсии, которая предполагает, что источник на самом деле является только следствием. Процесс создания гибридной

культуры не уничтожает ни Колонизированного, ни Колонизатора для «лучшей» культуры; этот процесс не является гегелевским, который разрешает их в каком-то великом культурном синтезе. Что делает гибрид, так это дает понять и Колонизатору, что культура не может быть, используя слово Т.С. Элиота, «мумифицирована». Культура жива, как видно из гибрида, который Баба также называет «загрязненной, но соединительной тканью между культурами – одновременно невозможностью сдерживания культуры и границей между ними. Это действительно нечто как „промежуточная“ культура, поразительно похожая и разная» [Bhabha, 1994].

Именно в пространстве трансдискурсивности культура как искусство, культура как нарратив возникает как «видения сообщества» и «версии исторической памяти». Искусство и повествование не разрешают исторический факт неравенства или антагонизма. Такое решение было бы несправедливым по отношению к реальному различию между культурами как горизонтами смысла. Но такое искусство и повествование, возникающие из пространства трансдискурсивности, появятся с другой перспективой на постмодернистский мир, интерстициальной перспективой того, что на самом деле означают сообщество и история, которые «противостоят обоим культурный плюрализм с его ложным эгалитаризмом – разные культуры в одно и то же время ... или культурный релятивизм – разные культурные темпоральности в одном и том же универсальном пространстве» [Bhabha, 1994].

Говоря о теории постколониализма, нельзя не сказать о работах Гаятри Чакраворти Спивак, американского философа индийского происхождения. Постколониальные штудии Гаятри Ч. Спивак основаны на анализе проблемы женщины в колонизированном обществе; он сосредоточивается на необходимости исследования женского голоса, создании женщиной собственной речи, оппозиционной имперской патриархальности и собственной национальности [Spivak, 1987].

Постколониальный критик, подчеркивает И. Бобков, стремится стать медиатором между колонизатором и колонизуемым, создать «неподеленный» язык, при помощи которого можно было бы вести диалог между ними. Однако при этом в постколониальном дискурсе сохраняются элементы, связывающие его с антиколониальным: это «1) проект деконструкции Запада как субъекта имперского дискурса... Запад рассматривается при этом как Великий Колонизатор» и «2) проект легитимации противодискурсов, программа выработки и рефлексии различных антиколониальных стратегий» [Бобков, 2003: 776–777]. Истоками

противоречий постколониального дискурса и глобальной истории, таким образом, являются, *во-первых*, связь с марксистской и националистической традициями, *во-вторых*, связь с религиозными убеждениями создававших его мыслителей и вытекающим отсюда субстанционализмом, *в-третьих*, связь с отношениями постмодернистской ориентации постколониальной литературной критики и профессиональными познавательными задачами исторического знания.

Каждому дискурсу свойственны «контаминации» других дискурсов, которые могут быть выражены разнообразно, начиная от интертекстуальных элементов (аллюзий, прецедентных феноменов, отсылок к вышеупомянутому) до разного рода полифоничности (смешения художественных стилей, вкрапления комментариев, иноязычных слов и т.д.). Нередко художественное пространство дискурса обогащается за счет присутствия невербального компонента (иллюстраций, схем, графиков и т.д.), и вербальный дискурс в сочетании с невербальным компонентом становится единым сложным дискурсивным образованием. В художественной литературе полидискурсивность часто реализуется в оригинальной композиции.

В постколониальной литературе ведущей дискурсивной практикой выступает трансдискурсивность, поскольку именно она позволяет осуществлять эффективную осцилляцию смыслов от одного дискурса к другому. В постколониальной литературе приоритетными являются такие практики, как полидискурсивность и интердискурсивность: они формируют аутентичные коммуникативные модели в ситуации трансформации художественного пространства.

В художественной литературе трансдискурсивность реализуется в использовании различных лингвистических средств, относящихся к разным культурам. Речь современного человека является полидискурсивной в высшей степени, потому что благодаря сочетанию разных социальных ролей ежедневно человек оперирует несколькими дискурсами (бытовым, профессиональным, медицинским, юридическим, научным и т.д.) в рамках одной коммуникативной ситуации. Присутствие нескольких дискурсов в рамках одного текстового произведения существенно осложняет и в то же время обогащает художественное пространство текста, а сами полидискурсивные тексты являются интересными объектами лингвистического изучения. Интернет, представляющий собой сложную дискурсивную формацию, также отличается полидискурсивностью, которая выражена в сосуществовании множества разнообразных дискурсов в рамках интернет-коммуникации. Как отмечает О.Ю. Никифоров,

«благодаря полидискурсивности, виртуальный дискурс является не только основой любых других дискурсивных практик в сети Интернет, но и условием, возможностью их существования. Другими словами, виртуальный дискурс ассимилирует все виртуальные коммуникативные практики в сети Интернет» [Никифоров, 2012].

Языковые средства репрезентации героя в творчестве З. Смит

Одним из рассматриваемых в данной работе произведений является роман Зэди Смит «Белые зубы» (White Teeth, 2000), посвященный жизни многонациональной Британии; ее отношение к сложностям и конфликтам, любви и ненависти во многом сформировалось под воздействием собственной жизни в плавильном котле многонациональных культур и является постколониальным и пост-империалистическим. В этой связи следует отметить весьма своеобразное толкование центральной метафоры романа, «белых зубов», в «Комментариях», научным редактором которых была профессор Оксфордского университета Карен Хьюитт. Вот как объясняют значение этой метафоры составители комментариев к роману: «Название романа, необычное и неожиданное, основывается на весьма интересной метафоре. Как мы узнаем из неприятной, но потрясающей сцены (когда дети главных героев романа посещают старого г-на Хэмилтона), африканцев можно видеть в темноте благодаря их белым зубам. У всех людей белые зубы, независимо от цвета нашей кожи. Мы можем испортить наши зубы, не ухаживая за ними должным образом, потерять их в результате несчастного случая, но в начале жизни белые зубы объединяют нас всех». Иначе говоря, роман «Белые зубы» – это, якобы, книга о всех нас, о жителях планеты, независимо от цвета кожи и гражданства, о «мультикультурализме» в планетарном, так сказать, масштабе. Такое оптимистично интернациональное толкование сегодняшней действительности и основной идеи романа представляется нам ошибочным. Вернемся к той сцене в романе, которая дала основание для столь благостного вывода о единстве народов мира «под знаменем „белых зубов“». Главный персонаж этого эпизода г-н Хэмилтон – бывший военный наемник, участник войны в Конго начала 60-х годов. Его как английского военного ветерана посещают школьники со своими скромными подарками. Старый колонизатор, потерявший все зубы (что весьма символично), начинает во время дружеской беседы поучать детей обязательно чистить зубы по нескольку раз в день. Но затем неожиданно замечает:

(1) *But like all things, the business has two sides. Clean white teeth are not always wise, now are they? Par exemplum: when I was in the Congo, the only way I could identify the nigger was by the whiteness of his teeth, if you see what I mean. Horrid business. Dark as buggery, it was. And they died because of it, you see? Poor bastards. Or rather I survived, to look at it in another way, do you see?* [Smith, 2000, p. 40]

Напрашивается логичный вывод о том, что метафора «белые зубы» объединяет в книге именно темнокожее население Англии, именно о них этот роман, именно их проблемы, проблемы иммигрантов разных поколений находятся в центре внимания автора. И проблемы эти своими корнями уходят в не столь далекое колониальное прошлое Британии. История взаимоотношений Англии со своими колониями мешает потомкам бывших хозяев и бывших рабов установить нормальные человеческие отношения в сегодняшней Англии. Именно о корневых исторических причинах сегодняшних межэтнических проблем в стране, как нам кажется, говорит и эпиграф романа: «*What's past is prologue*» (Шекспир. «Буря», действие II, сцена I). То есть «то, что произошло в прошлом, является прологом того, что происходит сейчас».

3. Смит является мастером характеристики персонажей через речевые особенности. Вот, например, как она описывает особый вариант кокни, на котором говорит г-н Топпс. Его голос сам по себе представлял из себя прямо-таки нечто визуальное, как будто его можно было не просто услышать, но увидеть и пощупать: в основе своей – обыкновенный кокни, но с явственными следами длительной и упорной работы над его облагораживанием. В результате нужные ключевые согласные исчезли, но зато появились другие, да там, где их вовсе не должно быть. И вся эта экзотика пропускалась через нос, рот был почти не нужен:

(2) *Fine mornin', – Mrs B., – fine mornin'. Somefing to fank the Lord for* [Smith, 2000, p. 87].

Еще более своеобразный диалект английского характерен для выходцев с Ямайки. На этом диалекте, в частности, говорит Хортензия Боуден:

(3) *He is jus' a great help to me in my ol' age. He bin wid me deez six years, God bless 'im and keep 'is soul. Now, pass me dat pin* [Smith, 2000, p. 86].

Интересно, что молодежь иммигрантских окраин, независимо от того, из какой они страны, выбрала этот диалект в качестве языка общения, чтобы, судя по всему, дистанцироваться от «небелых зубов».

Как нам представляется, фабула развивается в романе «Белые зубы» не на основе логичных закономерностей, а в силу абсолютных случайностей. Таковых в романе много: встреча Арчи и Клары, иммиграция

Самада в Англию, «перевоспитание» Айри и Милата в семье Чалфенов, знакомство Маркуса с Маджидом и т. д. В какой-то мере это можно объяснить особенностью комедийного жанра, но, по всей вероятности, и здесь не обошлось без воздействия любимого английского писателя, ибо, как отметила исследовательница его творчества: «<...> необходимым моментом в конструкции его романов становится случайность. Случайность встречи, подслушивания, необыкновенные стечения обстоятельств <...> становятся у Диккенса необходимым конструктивным принципом его романов, ибо оказываются решающими моментами в раскрытии основной идеи». Учитывая тот факт, что интертекстуальность является одним из родовых признаков постмодернизма, возможно, З. Смит сознательно обыгрывает диккенсовскую случайность как конструктивный элемент романа.

Дань постимпрессионизму, как нам кажется, отдает писательница, и превратив изначально очень удачную метафору «белые зубы» в некую универсальную и нарочито утрированную, сквозную тему – этакий «лейтмотив» о зубах. Вот названия глав: 2) Зубная боль, 5) Корневые каналы Арчибалда Джоунса и Самада Икбола, 7) Коренные зубы, 10) Корневые каналы Мангала Пандея, 12) Клыки: зубы, рвущие на куски, 13) Корневые каналы Хортензии Боуден. Кроме этого «зубная тема» вплетается и в отдельные эпизоды романа: Клара теряет все зубы, упав с мотороллера Райена; когда любовный роман Самада достигает своего апогея, практичная Поппи покупает своему возлюбленному ... зубную щетку – утром пригодится; расист Хэмилтон, рекомендуя детям регулярно чистить зубы, сам оказывается абсолютно беззубым; и, наконец, Айри собирается стать зубным врачом.

Роман «Белые зубы» представляет собой произведение, созданное на пересечении реалистической и постмодернистской традиций. Его основная повествовательная тональность во многом обусловлена все пронизывающей постмодернистской иронией, направленной на переосмысление культурных стереотипов, связанных с оппозицией британское vs небританское, «свой» vs «чужой». В работе Линды Хатчеон «Политика постмодернизма» («The Politics of Postmodernism») постмодернистская ирония трактуется как пародийная форма иронии, которая, с одной – скептически к стереотипам и тривиальности, но с другой стороны, верна идеологическим представлениям о мире, хотя и подвергает их сомнению. Постмодернистской иронии свойственен критицизм любого табу, принятых условностей и стандартов [Hutcheon, 2002].

3. Смит широко использует стилистические возможности фразеологизмов для создания иронических подтекстов. Рассмотрим следующий пример. Это диалог между владельцем мясного магазина Мо и его сыном Аршадом. Разгневанный отец упрекает сына за неисполнение его обязанностей: Аршад должен был проследить, чтобы подъезд к магазинчику не был занят. Неожиданно в контексте этого бытового тривиального диалога, развивающегося вокруг самой обыденной ситуации, появляется фразеологизм *«to bring into the light the great darkness of the creator's unexplainable universe»* – «вывести на свет великую тьму необъяснимой вселенной Творца». Так отец описывает незамысловатые обязанности сына, связанные с исполнением несложных поручений в мясном магазинчике. По сути это возвышенное перифрастическое наименование незамысловатой работы. Книжная возвышенная стилистическая окраска фразеологизма *«to bring into the light»*, типичного для текстов духовной и философской направленности, явно контрастирует с тривиальностью ситуации и разговорной стилистикой контекста.

Данный фразеологизм входит в состав контекстуального синонимического ряда, который образует прием градации:

(4) *I employ you to know things. To compute information. To bring into the light the great darkness of the creator's unexplainable universe* [Smith, 2000, p. 2].

Нейтральное начальное *«to know things»* посредством градации превращается в иронический перифрастический дубликат *«to bring into the light»*. Рассматриваемый фразеологизм работает здесь как средство создания иронии – то, что говорится, контрастирует с тем, что подразумевается – титаническая миссия по разгадыванию тайны мироздания явно противопоставлена несложным заботам о мясном магазине. Фразеологизмы часто употребляются в авторском дискурсе с целью передать авторское насмешливо-ироническое отношение к описываемым событиям. Рассмотрим следующий пример:

(5) *The first spring of 1946, he had stumbled out of the darkness of war and into a Florentine coffee house, where he was served by a waitress truly like the sun: Ophelia Diagilo, dressed all in yellow, spreading warmth and the promise of sex as she passed him a frothy cappuccino. They walked into it blinkered as horses* [Smith, 2000, p. 4].

В этом эпизоде описывается первая встреча Арчибалда Джонсона с его первой женой. Фразеологизм *«blinkered horses»* (зашоренные/ослепленные лошади) используется автором как элемент образного сравнения, при помощи которого характеризуется необдуманый

брак героя. Фразеологизм «*blinkered horses*» переключается со сравнением девушки с солнцем («*like the sun*») и вводит тему ослепляющей животной иррациональной страсти. Так, фразеологические единицы позволяют автору имплицитно выражать свое ироническое отношение к герою.

Следует отметить, что дискурс автора-повествователя также полон фразеологических единиц, выполняющих стилеобразующую функцию и передающих специфику авторского языка. Например, автор в ироничном тоне описывает отношения между Кларой Боуден и ее первой любовью Райном Топпсом:

(6) «...*by the time the bell rang for end of school Monday Ryan Topps and Clara Bowden were more or less an item*» – «...к тому времени, когда прозвенел звонок об окончании школы в понедельник, Райан Топпс и Клара Боуден были более или менее близки друг другу» [Smith, 200, p. 16].

Разговорный фразеологизм «*to be an item*» обозначает «*to be involved in a romantic or sexual relationship*». Однако неожиданно автор «контаминирует» устойчивое выражение, добавляя в него «*more or less*», что подчеркивает то, что их чувства довольно поверхностны и несерьезны. Расширение компонентного состава фразеологических единиц за счет включения добавочных «авторских» компонентов является разновидностью индивидуально-авторской языковой игры с фразеологическими единицами.

Имплицитно З. Смит задает тему языка как носителя определенной социокультурной идеологии. Речь Джойс Чалфен, выросшей в буржуазных кругах, соответствует полученному воспитанию и образованию. Ее фразы грамматически верны, выверены с точки зрения использования языковых средств, в них преобладает стилистическая нейтральность, являющаяся маркером британской сдержанности. Ее реплики выдержанны, отвечают литературной норме английского языка и являются образцом речевого поведения образованного и культурного носителя языка.

Если фразеологизмы ее собеседницы эмоционально и стилистически окрашены, то здесь мы наблюдаем нейтральные и несколько книжные фразеологизмы:

(7) *Mrs Iqbal, I know we haven't been on the best of terms in the past, but...*, «*Mrs Iqbal, with all due respect, the problems in your family began long before either my husband or I had any involvement*» [Smith, 2000, p. 197].

По мере того как накаляется ссора, речь Алсаны все заметнее трансформируется. Возмущенная влиянием Джойс Чалфен на ее детей, она

обвиняет собеседницу в возникшем недопонимании между близнецами. Автор подчеркивает контраст в речевом поведении сдержанной Джойс и пылающей от негодования Алсаны.

Несмотря на то, что их спор протекает на английском языке, их речевые манеры несут разный национальный колорит – сдержанно-британский стиль контрастирует с восточной экспрессивностью. В ходе беседы раздосадованная мать двух близнецов прибегает к большому количеству разговорных фразеологических единиц, чтобы более эмфатично выразить свой гнев и недовольство и передать свои эмоциональные переживания:

(8) *Not that it is any of your big-nose business, but I burnt those things to teach him a lesson – to respect other people's lives!* [Smith, 2000, p. 197].

Однако Миссис Чалфен, не реагируя на резкие слова миссис Икбал, остается спокойной и вежливой.

Ряд фразеологических единиц из данного романа относится к религиозной тематике:

(9) *It's for my sins, Jones, for my sins and yet I am more sinned against than sinning* [Smith, 2000, p. 24], – восклицает Самад Икбал, называющий себя религиозным мусульманином, но следующий предписаниям своей религии весьма избирательно. Представленная выше фразеологическая единица «*for my sins*» имеет номинативное значение и описывает неповиновение Самада заповедям Корана, а также подчеркивает его пренебрежительное отношение к религиозным наказаниям. Однако употребление этой идиомы также характерно для шуточного описания ситуации или действия, которое воспринимается как возмездие, но подразумевается, что это не удручает говорящего. Семантическая вариативность значений фразеологизма несет в себе элемент контраста, создающего комический эффект.

Для читателя художественная реальность романа Зэди Смит «Белые зубы» – это «островок» той реальности, которая существует, но в преломленном виде. Художественный мир писателя, в котором отражаются реалии существующего мира, – это, в первую очередь, мир, складывающийся из художественных образов. Пластичность литературных образов такова, что мы видим портреты героев и окружающие их вещи с той же очевидностью, с какой мы видели бы их в жизни. Перед нами предстает и художественный микромир тончайших чувств человека, и макрокосмос целой эпохи бытия культурной общности персонажей постколониального романа Зэди Смит «Белые зубы».

Языковые средства репрезентации героя в творчестве С. Рушди

Романы Салмана Рушди постоянно порождают новые города из старых, где момент порога разделяет и соединяет старое и новое. «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988) предлагают стратегии сопротивления гегемонистским и эссенциалистским дискурсам посредством городских конфигураций. Осмысление города в творчестве Рушди через саму его способность реконфигурации сигнализирует не только о признании невозможности постигнуть город в его тотальности, но и осознании невозможности такой тотальности. Идея городских конфигураций позволяет нам концептуализировать динамику города, открытость и культурную нечистоту. Несмотря на то, что города во многом дисциплинированы, фиксированы или уже сконфигурированы, они постоянно находятся в процессе реконфигурации. Города, рассматриваемые здесь, обнаруживают радикальную пороговую логику, расшатывающую идеи исторической неподвижности и географического положения, оставаясь при этом незавершенными, всегда в начале новых, освобождающих конфигураций.

Теоретически пороговое мышление позволяет критически оценить город как явление одновременно пространственно-временное, географическое и историческое. Город понимается здесь как совокупность разнородных, изменчивых и открытых конфигураций, которые часто пересекаются и вновь артикулируют друг друга. Термин «урбанистические конфигурации» используется для обозначения формирования городских движений или маршрутов, которые могут перетасовывать доминирующие/гегемонистские культурные/политические порядки или иерархии, а также очертания – временные, неравномерные, прерывистые и разнонаправленные – достигнутые такими договоренностями. Городские конфигурации одновременно дискурсивны и материальны, тогда как дискурсивные или абстрактные идеи города имеют материальные последствия, и наоборот.

В постколониальной теории, как и в феминистской теории и критике, зеркало наиболее заметно фигурирует в концептуализации Другого/другого, инаковости и мимикрии, о чем свидетельствует структурный психоанализ Жака Лакана. Эти концепции относятся к тем аспектам зеркала как культурного феномена, которые касаются формирования субъективности, в частности, колониальной субъективности и отношения между оригинальным и зеркальным отображением – здесь амбивалентное отношение между колонизатором и колонизированным, где зеркальное отражение «почти то же самое, но не совсем», «одновременно сходство и угроза».

Зеркала играют центральную роль в представлении города в работах Салмана Рушди, где они побуждают к межгородским размышлениям и определяют динамику путешествий, физических и метафорических, внутри городов и между ними.

В то время как родной город Рушди, Бомбей, был радикально преобразован (и даже переименован в Мумбаи) в результате подъема индуистского фундаментализма, два других главных города на его востоке – Западная ось – Лондон и Нью-Йорк – теперь оба стали объектами террористических атак. Именно метрополия – Нью-Йорк, Мадрид, Лондон – истолковывается как место наивысшего проявления и плотнейшей концентрации западных ценностей и, следовательно, как противник в риторике терроризма. В ответ на это представление о мегаполисе Рушди предполагает, что удары по Нью-Йорку, воображаемому как «светлая столица видимого», были ответственностью «сил-невидимок».

Проект романа по урбанистической диверсификации, разрушающий эксклюзивистские претензии западного мегаполиса на видимость, создает динамичную постколониальную топографию, которая расширяется и сужается в соответствии с нарративами мигрантов/мигрирующих. В этой меняющейся топографии городские пространственности и темпоральности претерпевают ряд разнонаправленных катоптрических процессов – отклонений, которые постоянно перерисовывают и переопределяют их. Таким образом, в «Сатанинских стихах» артикулируется цепь катоптрических ассоциаций, которые можно выстроить, согласно смысловой схеме романа, следующим образом. Во-первых, эти ассоциации обозначают действия, обозначающие переход или переход катоптрического качества, которые информируют о поездках между городами, таких как миграция, перемещение, метаморфоза, реинкарнация, возрождение и паломничество. Во-вторых, в романе представлены катоптрические паттерны, связывающие городские пространственности и темпоральности, которые проблематизируют эпистемологические иерархии, такие как сновидение, откровение/пророчество, кино и интертекстуальность. Наконец, катоптрические ассоциации включают в себя мотивы расщепления, удвоения и умножения, такие как расставание моря, Раздел, шизофрения и деление городов на те, в которых мечтаешь, и те, о которых мечтаешь. В Лондоне, например, Саладин слышит зловещий голос, предостерегающий его от возвращения в Бомбей: «Когда ты шагнул в зеркало, ты отступаешь на свой страх и риск. Зеркало может порезать вас в клочья».

Концептуализация постколониальной миграции и возвращения как путешествий, аналогичных зеркальному приключению Алисы в «Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, утверждает понимание Бомбей и Лондона как отрицательных близнецов друг друга в метафоре перевернутой городской темпоральности. Однако, как мы увидим, катоптрические границы, разделяющие города, разделяющие картографию и заключающие в тюрьму самость, призваны отражать через свои несоответствия, двойственность и теневые «я» их собственную прозрачность, иллюзорность и абсурдность. Двусоставная модель исходного и отраженного образа, того же и другого, которая формирует колониальный дискурс, заменяется в романе парадигмами перевернутого зеркала и зеркала, отраженного в другом зеркале, которые компрометируют концепции происхождения, телеологической направленности и культурной чистоты.

Сопоставление этих, казалось бы, противоположных маршрутов, Бомбей – Лондон и Лондон – Бомбей, выдвигает на первый план их катоптрические отношения, что проясняется через аллюзии текста на книги Льюиса Кэрролла об Алисе. Как установлено выше, путешествие в Лондон отражает падение Алисы в страну чудес, а путешествие в Бомбей – прохождение Алисы через зеркало. Эта катоптрическая бифуркация не предполагает наличия стабильной точки ориентации или происхождения и разрушает манихейскую оппозицию «тот же/другой» или «то же/зеркальный образ». Если «Алиса в стране чудес» дестабилизирует колониальное представление об антиподах, основанное на асимметричной географической бинарной системе «верх/низ», «Зазеркалье», прочитанное в его интертекстуальной связи с «Сатанинскими стихами», обнажает идентичность разделения Восток/Запад по аналогии с разделением на лево/право и неравные ценности, приписываемые каждой стороне зеркала в описании гегемонии.

Кроме того, интертексты Алисы полезны для подчеркивания двойственности путешественника-мигранта – катоптрических близнецов Саладина и Гибриля – и катоптрического расщепления собственной личности Гибриля, а также множества городов-мечт, к которым сейчас перейдет дискуссия.

Таким образом, «Сатанинские стихи» артикулируют ряд зеркальных маршрутов, которые информируют о политическом значении городских пространственностей и темпоральностей. В силу своей зеркальности эти разветвления приобретают смысл в своем сопоставлении, так что прозрачное присутствие проходит через все повествование.

Языковые средства репрезентации героя в творчестве Х. Курейши

Современная Британия – страна контрастов, и Ханиф Курейши использует их как метафоры постколониального противостояния: между богатыми и бедными, высшими и низшими классами, коренными британцами и группами иммигрантов, удовольствием и долгом, фундаменталистами и либералами, натуралами и геями, христианами и мусульманами. Противостояние отражено в выборе, который молодые британские азиатские герои Курейши призваны сделать в процессе, посредством которого они приходят к принятию текучего беспородного состояния Себя и английского общества, отвергая чистую догматическую религиозную веру (ислам) и ранее желаемую ассимиляцию в британское общество, определяемое как исключительно белое. Персонажи Х. Курейши деконструируют идею «Я» и «Другого», а также фиксированную, чистую и однородную совокупность ценностей. Он раскрывает эти ценности как «исторически сконструированные, исправимые образования», проецируя враждующие «я» в своих героях, которые не могут найти решение в единой однородной индивидуальности.

Ханиф Курейши шаг за шагом исследовал концепцию дома в своих произведениях, особенно в текстах, созданных между 1981 и 1997 годами, периодом, когда он наиболее активно рассматривает вопросы расы, этнической принадлежности, национальности и диаспоры. Критики творчества Курейши обычно изучали представления о доме и формировании идентичности в отношении его южно-азиатских британских персонажей во втором поколении, но редко уделяли постоянное внимание развитию таких идей через его фигуры в первом поколении. В исследованиях Х. Курейши в настоящее время отсутствует более полное обсуждение важной непреходящей роли, которую играет первое поколение в его творчестве, женщин-мигрантов и более проблематичных аспектов.

Для многих главных героев творчества Ханифа Курейши прошлое – это «чужая страна», а его британские персонажи часто оглядываются назад, на жизнь, начавшуюся на разных континентах, в Индии или Пакистане. В то время как эти физические расстояния разграничивают диаспорный мир таких южно-азиатских британских деятелей первого поколения, было бы ошибкой слишком тесно связывать идеи формирования иммигрантской идентичности с Индийским субконтинентом в произведениях Курейши. Действительно, как утверждал Шайджа Шарма, его тексты в такой же, если не в большей, степени связаны с жизнью в Британии и ее неопределенным статусом родины, как и с Южной Азией, и прошлое

Британии – тоже чужая страна. В своем эссе «Брэдфорд» (1986) Курейши утверждает, что британское общество изменилось настолько, что любые представления о нации зависят от традиционных институтов, на которые ссылались такие литературные предшественники, как Т.С. Элиот, необходимо радикально переоценить.

Возможно, неудивительно – учитывая продолжающееся взаимодействие с дискурсом меняющейся Британии – понятия дома и национальной идентичности на протяжении всего творчества Курейши перегружены и сложны, и он последовательно ставит их под сомнение.

В то время как многие критики обсуждали участие Курейши в поиске идентичности и, в частности, его изображения жизни британцев из Южной Азии во втором поколении, в сценариях «Моя прекрасная прачечная» (1985) и «Сэмми и Роза, развлекайтесь» (1987) и романах «Будда из пригорода» (1990) и «Черный альбом» (1995), немногие предпочли сосредоточиться в первую очередь на важной непреходящей роли, которую играют персонажи первого поколения за пределами этих четырех текстов или даже на протяжении всей его работы. Такие более старые фигуры, которые неизменно существуют в связи с диалектикой дома и возвращения, неизбежно имеют общие черты со вторым поколением, но также представляют собой значительный контрапункт им. Более того, хотя сложности самости второго поколения – часто также выражающиеся через отношение к дому – являются убедительным лейтмотивом Курейши, его настойчивость на опыте первого поколения в некотором смысле более интересна, потому что, демонстрируя непостоянство дома через реалии миграции, он может показать постоянно грубый и трудный характер иммигрантов, труд, умственный или физический, вместо чувства принадлежности к родине.

Курейши подробно описывает это явление в своих недавних мемуарах «My Ear at His Heart» (2004):

(10) «*if the absence of belonging is considered to be the immigrant's particular bugbear, dad was fascinated by another kind of belonging, which might be called a vocation*» [Kureishi, 2004, p. 149].

Однако рассматриваемые мужчины расходятся в своих отношениях с нацией предков: для низшего класса, который не смог добиться прогресса в Британии, с большей вероятностью сохраняется фантазия о возвращении в Южную Азию, в то время как у тех, кто либо только что прибыл (и фактически бесклассовые), а те, кто добился успеха в принимающей стране и, таким образом, пользуется некоторым чувством престижа, не питают большого желания вернуться.

Экономические, а не классовые факторы выдвигаются на передний план в «Брэдфорде», одном из самых ранних рассуждений Курейши первого поколения. Здесь финансовые мотивы привели волну временных фабричных рабочих из Пакистана в Великобританию, а затем резко ограничили их пространство для маневра. Он пишет, что они

(11) ... *came to Britain to make money and then go home... Many, once here, stayed for good; it was not possible to go back. Yet ... they ... missed the old country. They'd always thought of Britain as a kind of long stop-over rather than the final resting place it would turn out to be...* [Kureishi, 2002, p. 69–70].

Связь между разочарованием в профессиональной судьбе и смешанными чувствами по поводу дома и возвращения исследуется через Амджада, патриарха-иммигранта, в пьесе Курейши «Граница» (*Borderline*, 1981). После многих лет работы в низших эшелонах сферы услуг возвращение в Пакистан стало для него практически невозможным по состоянию здоровья. В то же время, несмотря на то, что он физически привязан к дому, он судорожно пересматривает идею возвращения домой в Пакистан. Амджад попал в ловушку своего рода постоянной культурной лиминальности, поскольку он не готов покинуть Британию: он слишком много времени, физических и эмоциональных инвестиций вложил в эту альтернативную родину – и он не готов смириться с в значительной степени неизбежными последствиями британской культуры, особенно все более англизированным поведением его дочери Амины. Он воплощает парадоксы, вытекающие из наблюдения Курейши в его эссе «*Something Given: Reflections on Writing*» (2002) о том, что иммигранты хотят новой жизни и материального прогресса, который с ней связан:

(12) ... *want a new life and the material advancement that goes with it. But having been ripped from one world and flung into another, what they also require ... is tradition, habitual ideas, stasis .... Life in the diaspora is often held in a strange suspension* [Kureishi, 2002, p. 3].

В своих исследованиях мужчин первого поколения формулировка Курейши дома как домашнего пространства также тесно связана с экономическими условиями. Когда, например, Амджад яростно защищает свое право остаться в Британии перед своей женой Бану, он делает это, цепляясь за безопасность своей материальной собственности:

(13) *You're ... thinking about Pakistan, your village, your blasted mother. I've bought this house.... Every foot of wood I sweated for in the bakery. Now every woodworm and insect in it I'll fight for with my last legs* [Kureishi, 2002, p. 45].

Этот взрыв объединяет бинарность дом/родина до такой степени, что четыре стены физического жилища Амджада стали метонимом дома как чувства национальной принадлежности.

Амджад считает свой дом, каким бы клаустрофобным и удручающим он ни был, своим главным достижением в Британии и самым близким приближением к ощущению дома, доступного ему перед неминуемой смертью. Это имеет решающее значение для его представления о себе.

Доктор Паша, представитель первого поколения на конференции Консервативной партии 1988 года, использует риторику принадлежности британской родине:

(14) *...this was the noble mother country they looked up to ... [and] being a Muslim didn't conflict with being British – in order to urge politicians to invoke «the law of blasphemy» over publication of The Satanic Verses* [Kureishi, 2002, p. 94].

Таким образом, представление Британии как родины имеет решающее значение для попыток доктора Паши поддержать южно-азиатский религиозный и культурный консерватизм. На первый взгляд это нелогично: он заявляет о своей верности Британии самым традиционно-патриотическим языком, какой только можно вообразить, чтобы сохранить относительно нетрадиционный образ жизни. Однако при ближайшем рассмотрении доктор Паша вспоминает одержимость Риаз определенным воображаемым сообществом. Основное различие между ними заключается в том, что в интересах политического и культурного жилья, которое предоставляет Британия, доктор Паша признает целесообразность патриотического языка и стойких колониальных тропов, поскольку Британия как «метрополия» вспоминает о своем прежнем статусе имперская метрополия.

Для Харуна в «Будде пригорода» (The Buddha of Suburbia) Индия остается главным психологическим референтом, и он признается, что чувствует притяжение того, что Рушди назвал *«imaginary homeland»*, говоря своему сыну:

(15) *«We old Indians come to like this England less and less and we return to an imagined India»* [Rushdie 199, p. 10].

Несомненно испытывая ностальгию, он объясняет:

(16) *...will never be anything but an Indian* [Rushdie 199, p. 10].

Ему комфортно жить на периферии, и у него мало реального желания вернуться к предполагаемому центру.

Когда первое поколение Курейши все-таки возвращается в Южную Азию, этот опыт труден и печален; подразумевается, что для пришельцев, ставших поселенцами, воображаемый центр теперь стал периферией.

Его исследование этой идеи в нескольких текстах неявно высмеивает правые политические призывы к «добровольной репатриации» иммигрантов, с которыми Курейши вырос в Британии 1960-х годов, и о которых он рассказывает в своем эссе 1986 года «Знак радуги». Возможно, даже больше, чем трудности дома, добровольная репатриация является эмоциональным, политическим и культурным противоречием, и Курейши предполагает, что для тех патриархов-иммигрантов, у которых есть средства для ответных визитов, каждое пребывание в стране приносит лишь утешение.

Женщины Курейши в первом поколении представлены как более деклассированные, чем их мужья, с гораздо более прямолинейными отношениями с домом: их трудности связаны с Великобританией (скорее всего, с периферией для них), а не с Индией или Пакистаном. Преисполненные решимости повторно мигрировать, они часто отчаянно цепляются за идеализированное представление о своей изначальной родине, которая остается источником их культурной и эмоциональной идентичности. Курейши подразумевает, что это связано с тем, что они многократно лишены прав и возможностей из-за эмиграции и своего подчиненного положения в южно-азиатских сообществах, которые остались традиционно патриархальными, несмотря на то, что были переселены в Великобританию. Как пишет Клиффорд: жизнь женщин в диаспоре может быть вдвойне болезненной – борьба материальными и духовными неурядицами изгнания, с требованиями семьи и работы, а также с требованиями старого и нового патриархата... Женщины в диаспоре остаются привязанными к «домашней» культуре и традициям и наделены ими.

Курейши несколько упрощенно разделяет эту идею, прямо заявляя, что *«immigration is often more isolating for women than it is for men»* (иммиграция чревата большей изоляцией для женщин, чем для мужчин). Кроме того, женщины-мигранты должны бороться с постоянной угрозой расизма.

Состоятельные очаровательные жены из Южной Азии – Черри в «Моей прекрасной прачечной» и Зульма в «Черном альбоме» – могут позволить себе высокомерное эмигрантское пренебрежение к Британии, но вместо этого Курейши в целом развивает взгляды пожилых женщин из рабочего класса, которые провели лучшую часть своей жизни в Британии. Тогда как в «Знаке радуги» он представляет теплую праздничность традиционных пакистанских мужчин, раскрывает через Мину в «Мой сын, фанатик» непреодолимое одиночество жизни женщины в первом поколении в Британии.

Глобализация сотворила чудеса для одних людей, но для других, живущих в нищете, она оказалась лишь проблемой. В постколониальной литературе предпринята попытка продемонстрировать различные аспекты жизни диаспор, например, людей, культуру и т. д. Однако человеческие отношения, которые развиваются между различными персонажами романа, носят некоторые универсальные черты. Он имеет дело с дружбой, предательством, грехом, искуплением и т. д., которые являются основными гуманными вещами по всему миру.

Познания страны через ее людей и культуру, представленные в литературе, – это эстетический способ глобальных переговоров между собой и другим.

Обмен культурами может привести нас к лучшему космополитическому будущему, в котором исчезнут такие вызовы, как ксенофобия. В то время как западный дискурс исламофобии доминирует в глобальном сознании, некоторые мусульманские писатели пытаются рассказать другие мелкие нарративы. Эти рассказы могут помочь аудитории избавиться от западной программы демонизации других ради победы в цивилизационной гонке; чтение историй из жизни других людей может помочь нам создать космополитический настрой.

Постколониальный роман наносит ощутимый удар по концепции культурного евроцентризма, расширяя сферу изображения литературы, привнося в произведения, ранее закрытые для европейского читателя, культурные нормы и традиции, а также давая им редкую возможность оценить себя со стороны.

В постколониальных произведениях изменяется не только общая идеологическая точка зрения – изменяются художественные средства создания литературного произведения.

Авторы постколониального направления активно пользуются ресурсами «новых английских языков», то есть языковых вариаций, возникших в колонизованных областях на базе нормативного английского языка. Языковая вариативность максимально широко используется и в произведениях авторов – выходцев из неевропейских стран, и в произведениях современных писателей З. Смит, Х. Курейши, С. Рушди, ставшая ярким маркером гибридной природы произведений.

Следует особо отметить, что европейские писатели восточного происхождения активно используют в своем творчестве европейскую литературную традицию, не разрушая, но обогащая западный литературный канон. Авторы постколониальной литературы З. Смит, Х. Курейши, С. Рушди используют вполне традиционные европейские формы.

Они также не разрушает языковые нормы, язык их произведений – прекрасный английский человека, тонко чувствующего малейшие языковые нюансы, яркого стилиста. Однако, как правило, в каждом произведении З. Смит, Х. Курейши, С. Рушди присутствует второй языковой слой – речь персонажей, – противопоставленный языку авторского повествования.

Наряду с лингвистическим разнообразием, в произведениях возникают новые культурные концепты, отличные от стандартных английских культурных норм. Британский национальный литературный канон становится более гибким, расширяясь за счет новых направлений, а литературные произведения, созданные авторами «культурного пограничья» З. Смит, Х. Курейши, С. Рушди, дают возможность господствующей нации и ее литературе осмыслить собственную идентичность на современном этапе. В контексте современности в литературе Великобритании жесткая бинарная оппозиция «свой–чужой» сглаживается, что проявляется в произведениях на разных уровнях текста.

Противостояние культур репрезентирует поколение «новых интернационалистов»; авторам удается выразить его искренне и объективно, не становясь ни на одну сторону, не прячась за модные формулы политкорректности. В силу своей объективности и многогранности постколониальная литература приобретает сегодня все более весомое значение, ее гибридный характер проявляется на всех уровнях идейно-эстетической системы произведения.

Источники примеров

1. *Kureishi H. Dreaming and Scheming: Reflections on Writing and Politics.* London: Faber, 2002.
2. *Kureishi H. My Ear at His Heart.* London: Faber, 2004.
3. *Rushdie S. The Satanic Verses.* London, 1991.
4. *Smith Z. White Teeth.* London: Faber, 2000.

РАЗДЕЛ 2. ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

ГЛАВА VI. DISRESPECT КАК ЦЕННОСТНЫЙ КОНЦЕПТ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Концепт представляет собой базовую единицу когнитивной деятельности, основная функция которой состоит в категоризации опыта. По определению Н.Н. Болдырева, концепт – это «оперативная содержательная единица мышления или квант структурированного знания» [Болдырев, 2014: 39]. В концептосфере любого языка можно выделить некие центральные для того или иного социума концепты, посредством которых мыслятся многие другие концепты. Такие центральные концепты имеют большое значение для понимания культурных ценностей данного социума, а языковые единицы, которые их номинируют, обычно входят в наиболее частотную лексику языка. Определение места концепта в концептосфере того или иного языка может быть установлено с помощью тезаурусных или идеографических словарей этого языка. В англоязычных словарях такого рода центральные концепты, как правило, определяются как «ключевые» (key concept), а слово, номинирующее концепт, как «ключевое слово» (key word) [LLA, 1996: F17; OLT, 2008: VI]. Анализ данных словаря Bloomsbury Thesaurus показывает, что к ключевым концептам концептосферы английского языка относятся концепт RESPECT и его отрицательный коррелят DISRESPECT [BT, 1993: XXI]. Концепты RESPECT и DISRESPECT являются ценностными, поскольку, очевидно, соотносятся с рядом параметров, по которым, по мнению, в частности, Г.В. Елизаровой, определяются ценностные ориентации конкретной культуры. Это, в частности, такие параметры, как отношение характеру общения, к личной свободе, к власти и статусу в обществе, а также отношение к природе человека [Елизарова, 2000: 25, 36–37].

Концепт DISRESPECT обладает сложной структурой, в которой можно выделить целый набор субконцептов-признаков, при этом анализируемый концепт входит одновременно в две когнитивные области, что

подтверждается, в частности, лексикографическими источниками. Словарные дефиниции указывают на то, что, с одной стороны, DISRESPECT мыслится как определенный тип поведения, то есть относится к когнитивной области, которую можно обозначить как HUMAN BEHAVIOUR. С другой стороны, встречаются определения, которые представляют DISRESPECT как определенное отношение к ситуации или другому человеку, то есть чувства или эмоции индивида, соответственно, концепт входит также в когнитивную область FEELING. Большинство словарей фиксируют, что DISRESPECT входит в одну из двух выделенных когнитивных областей. Однако несколько лексикографических источников указывают на соотнесение с обеими областями. Данные, полученные при анализе дефиниций, дополнительно подтверждаются другого рода данными, полученными из тезаурусных словарей. В частности, уже упоминавшийся словарь Bloomsbury Thesaurus относит как RESPECT, так и DISRESPECT к когнитивной области HUMAN EMOTIONS [BT, 1993: XVIII-XXI]. А словарь Oxford Learner's Thesaurus дает слово *disrespect* одновременно как синоним *contempt* в когнитивной области FEELING [OLT, 2008: 137] и как антоним *respect* в когнитивной области BEHAVIOUR [OLT, 2008: 650].

Составляющие концепт признаки распределяются по двум областям таким образом, что в большинстве своем относятся лишь к одной из этих областей. Всего было выделено девять субконцептов, относящихся к области HUMAN BEHAVIOUR, а именно IMPUDENCE, DERISION, RUDENESS, INCONSIDERATION, VIOLENCE, ARROGANCE, AUTHORITY, THREAT, CRITICISM, и семь субконцептов в области FEELING – CONTEMPT, ANGER, INDIGNATION, ANNOYANCE, HATRED, ARROGANCE, INCONSIDERATION. Из перечисленных субконцептов только два – ARROGANCE и INCONSIDERATION – могут входить в обе когнитивные области и актуализироваться в одной или другой в зависимости от контекста. Набор субконцептов был выделен в процессе лексикографического анализа, уточнен и дополнен при контекстуальном анализе и подтвержден при анализе результатов эксперимента.

При исследовании способов репрезентации концепта DISRESPECT в текстах были выявлены его важные особенности. Во-первых, данный концепт DISRESPECT может репрезентироваться на разных грамматических уровнях, а именно, на уровне слова, словосочетания (устойчивого или свободного), предложения или текста. Во-вторых, на основе анализа текстов можно говорить о том, что, с точки зрения типологии концептов, DISRESPECT представляет собой концепт-схему как «мыслительный

образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» [Болдырев, 2001: 36], или, говоря иначе, векторный концепт. Причем его векторная направленность может быть разной, и она нередко связана с частеречной принадлежностью репрезентирующей концепт единицы и грамматическим уровнем репрезентации. Было выделено два основных типа ситуаций. Первый тип можно обозначить как проявление DISRESPECT, а второй – как реакцию на DISRESPECT.

В ситуациях, обозначаемых нами как проявление DISRESPECT, данный концепт мыслится в рамках пространства, в котором присутствуют субъекты или субъект и объект/объекты, и при этом субъект проявляет определенный тип отношения к другому субъекту или объекту. Образно говоря, DISRESPECT направляется от одного субъекта к другому субъекту или, реже, неодушевленному объекту. Речь идет об определенном типе поведения, которое мотивируется или сопровождается наличием DISRESPECT у одного субъекта по отношению к другому. Такой тип DISRESPECT часто репрезентируется глаголами, а также свободными сочетаниями глагола с наречиями или глагола-связки *be* с прилагательным в предикативной позиции. Рассмотрим два примера:

(1) *She had ignored Caroline pointedly, persistently addressing the conversation to Amyas* [Chr1, 2007, p. 210].

В примере (1) говорится о том, как субъект (любовница мужа) совершенно явно и открыто игнорирует другого субъекта (законную жену своего возлюбленного), тем самым проявляя неуважение к ней.

(2) *No cherished opinion of Miss Dwarris was safe from satire; even her Evangelicism was laughed at...* [M3, 1987, p. 8].

Пример (2) описывает ситуацию, в которой субъект открыто проявляет неуважение к другому субъекту (своей старшей родственнице), высмеивая ее религиозные убеждения.

Второй тип ситуации можно описать как реакцию на DISRESPECT. В этом типе ситуации мы имеем дело с двумя или нередко тремя субъектами. Один субъект ведет себя определенным образом по отношению ко второму субъекту. Второй субъект или еще один третий субъект (которым может быть автор произведения) реагирует на это поведение, категоризируя его как неуважительное, хотя первый субъект при этом, возможно, так не считает и/или не имеет намерения проявить неуважение. В данном типе ситуации, в сущности, присутствуют два вектора: один направлен от первого субъекта ко второму, а второй (реакция) – от второго или третьего субъекта к первому. Что касается частеречной принадлежности средств репрезентации, то чаще всего в этом типе

ситуаций встречались либо существительные (нередко в составе сочетаний с глаголами широкой семантики типа *have*), либо прилагательные, а также наречия и свободные сочетания с ними. Рассмотрим примеры:

(3) *Miss Greer's manner had been unbearably insolent the last few days* [Chr1, 2007, p. 264].

Данный пример показывает реакцию гувернантки на поведение любовницы мужа хозяйки по отношению к хозяйке, которое она категоризирует как проявление неуважения. В мысленном пространстве присутствуют три субъекта.

(4) *From the moment when James had the impertinence to pry into his affairs – as he put it – old Jolyon no longer chose to credit this story about Bosinney* [Gals, 1933, p. 433].

В примере (4) речь идет о реакции одного брата на то, что другой вмешивается в его личные дела. В мысленном пространстве присутствуют два субъекта.

(5) *Don't be cheeky, Jack,» remonstrated the landlord, in a melancholy and pathetic way* [Dickens1, 2010, p. 1020].

В примере (5) мы наблюдаем реакцию хозяина харчевни, в которой остановились герои, на проявление неуважения со стороны своего работника, который вступает с ним в спор. Предшествующий контекст позволяет понять, что работник ведет себя довольно дерзко, учитывая, что спор происходит при посторонних. Таким образом, субъект категоризирует данное поведение как неуважительное.

Репрезентируя межличностные отношения членов социума, анализируемый концепт-схема неизбежно отражает ценности этого социума, выявляемые при анализе репрезентируемых ситуаций, в том числе изменение ценностей во времени. В ситуациях проявления DISRESPECT можно говорить о факторах, вызывающих неуважение у одного субъекта по отношению к другому, обозначаемых в исследовании как каузаторы DISRESPECT. Эти каузаторы и отражают существующие в социуме ценности. Исследование методом контекстуально-репрезентативного анализа позволило выявить набор каузаторов и проследить их изменение в XX веке в сравнении с серединой и второй половиной XIX века. Материалом для исследования послужили 1512 примеров из художественных произведений британских и американских авторов середины XIX – XXI веков. Как показывает анализ текстов второй половины XIX века, самый частотный каузатор – это разный социальный статус коммуникантов:

(6) *I felt that for two pins he would have joined in the conversation and I assumed a haughty demeanor* [M2, 1980, p. 54].

В описываемой ситуации автор крайне неодобрительно отнесся к незнакомцу, который пытался вступить с ним в диалог, так как более высокий социальный статус автора не позволяет ему таких фамильярностей. Даже не познакомившись со случайным попутчиком, автор отмечает, что не может уважительно общаться с людьми более низкого социального класса.

Далее. Встречается ряд примеров, когда герой становится объектом неуважения из-за своей национальной принадлежности. Субъект, проявляющий неуважение, априори считает себя лучше исключительно на основании принадлежности к той или иной нации. Интересно, что во всех примерах этим субъектом оказывается человек британской национальности, а объектом DISRESPECT люди разных национальностей или собирательный образ «иностранца»:

(7) *Poirot, reading the English mind correctly, knew that he had said to himself, «Only some damned foreigner»* [Chr2, 2007, p. 18].

В данном примере Эркюль Пуаро, будучи бельгийцем по национальности, ощущает на себе презрительное отношение англичан к иностранцам.

В целом ряде примеров каузатором DISRESPECT оказывается то или иное свойство объекта или субъекта. Можно выделить следующие свойства:

1. Высокомерное отношение субъекта к окружающим людям.

В ряде ситуаций субъект считает себя априори умнее или образованнее другого субъекта, что в картине мира первого субъекта дает право на моральное или физическое превосходство:

(8) *It was not likely that he was going to be drawn into an argument with an obstinate beggar like Swithin, pig-headed as a mule, who had never known a statue from a straw hat* [Gals, 1933, p. 139].

Герой мысленно рассуждает о своем брате и наделяет его неллицеприятными эпитетами, показывающими его неуважительное отношение к последнему по причине его меньшей образованности.

В отдельных примерах высокомерное отношение субъекта определяется по гендерному, а также по возрастному принципу, когда субъект – взрослый человек, а объект является ребенком.

2. Неуважительное отношение субъекта к представителям другой профессии:

(9) *The man spoke impudently, wishing to remind Jenny that she was there to carry out his orders* [M3, 1987, p. 60].

В примере (9) мы наблюдаем проявление грубого и неуважительного отношения к официантке в баре. Мужчина, проявивший к ней симпатию, получил отказ и перешел на грубый вызывающий тон, потребовав напиток.

3. Скупость субъекта, его интерес исключительно к материальной выгоде:

(10) *I should have thought anybody liked to have fresh air,» said June scornfully* [Gals, 1933, p. 128].

Героиня рассуждает о преимуществах жизни за городом и пытается доказать своему дядюшке, что ему надо уехать из Лондона. Он же не видит в этом никакой финансовой выгоды, что и вызывает презрение у девушки, равнодушной к деньгам.

4. Медлительность и нерешительность субъекта, а также излишняя мягкость его характера:

(11) *Why don't you go down and knock 'em every one downstairs? You would if you was a man* [Dickens2, 1835, 1176].

Данная реплика принадлежит хозяйке квартиры, которая возмущена бесцеремонным поведением своего жильца и его гостей посреди ночи. Она обращается к своему мужу, которому, по ее мнению, следовало бы спустить «этих негодяев» с лестницы. То, что сочетание *if you was a man* актуализирует чувства неуважения и презрения героини по отношению к мужу, становится ясно в результате анализа всего когнитивного контекста.

Наличие определенных религиозных или политических убеждений также может вызывать DISRESPECT, что показывает, в частности, пример (2) выше.

С другой стороны, каузатором DISRESPECT может служить не свойство объекта, а определенная модель его поведения, которая для субъекта считается проявлением неуважения либо лично к нему, либо к общественным нормам. Были выделены следующие модели:

1. Распутное или аморальное поведение субъекта с точки зрения общественных норм:

(12) *She challenged her, and Miss Greer had the impudence to say, before us all, that she was going to marry Mr Crale* [Chr1, 2007, p. 264].

В данном примере экономка рассказывает о том, как любовница главы семьи имела наглость заявить его законной жене, что собирается за него замуж. По мнению героини, это свидетельство крайнего неуважения ко всем правилам приличия.

2. Вмешательство субъекта в жизнь других людей, непоследовательность действий:

(13) *What business had his father to come and upset his wife like this?* [Gals, 1933, p. 223].

Герой раздражен и возмущен поведением своего отца, который, явно отрицательно относясь к его жене, будучи против их брака, приходит к ним в дом без приглашения. Герой считает, что его отец не имеет морального права вторгаться в его семейную жизнь, после того как тот на четырнадцать лет вычеркнул его из своей жизни.

3. Неуместные действия субъекта, не имеющего профессиональных знаний в определенной области:

(14) *The decorator had raised his supercilious eyebrows, but it was the only room in the house in which Julia felt completely at home* [M1, 2015, p. 9].

В примере (14) дизайнер, составивший проект отделки комнат, невербально показывает свое неодобрение тем, что героиня не доверила ему дизайн своей спальни и декорировала ее в соответствии со своими личными предпочтениями.

4. Несоблюдение субординации между начальником и подчиненным (пример (5) выше).

В целом можно говорить о том, что довольно большое количество примеров отражает, прежде всего, социальное расслоение викторианского общества, для представителей которого социальный статус имел очень важное значение. Гендерные роли, а также определенные модели поведения, связанные с ними, тоже играют существенную роль в социуме XIX века. Сфера личных отношений между мужчиной и женщиной регламентировалась общественными нормами, отступление от которых порицалось и часто также становилось каузатором DISRESPECT.

Анализ примеров из текстов XX – начала XXI века с точки зрения тех или иных факторов, вызывающих неуважение, показал, что, с одной стороны, некоторые из них остались неизменными с XIX века, а с другой – появились новые каузаторы DISRESPECT.

По-прежнему часто встречаются ситуации, в которых объектом насмешек или другого проявления неуважения становится национальный признак. Это может быть связано с традиционным противостоянием между англичанами и французами, хотя встречаются и примеры неуважительного отношения к людям другой национальности.

(15) *We Brits can insult ourselves, but if anyone else does it, we think they're a jumped-up, know-nothing foreigner* [Cl, 2006, p. 411].

Англичанин рассуждает о том, что британцы могут критиковать сами себя, но, если только это посмеет сделать представитель другой нации, его сразу обзовут зазнавшимся, ничего не понимающим иностранцем.

Второй частотный каузатор DISRESPECT – это по-прежнему разный социальный статус коммуникантов:

(16) *I saw or fancied that I saw, a look of contempt in the commissionaire's eye, so I put back the shilling I was going to give him into my pocket. (It was fortunate that I did; afterwards I found out that you never tip club servants.)* [Brn, 2005, p. 211].

Очевидно, что в XX веке классовое разделение продолжает существовать, и социальное неравенство также может провоцировать проявления неуважения как со стороны более высоких слоев общества к рабочему классу, так и наоборот.

При анализе текстов XX века были выделены как отдельные характеристики, так и модели поведения, которые провоцируют проявление DISRESPECT. Некоторые из них совпадают с ранее выделенными нами каузаторами, а именно:

1. Высокомерное отношение к окружающим людям (по гендерному принципу, по отношению к ребенку или на основании априорного чувства превосходства):

(17) «*Well, it's not going to take you that much longer, is it?» said Bunny crossly, craning over to see. «What's the big problem? Where'd you learn how to iron, anyway?»* [Tartt2, 1993, p. 227].

В описываемой ситуации молодой человек раздражен тем, что девушка медленно гладит его рубашку, и он отпускает недовольные комментарии в ее адрес. Анализ когнитивного контекста при этом показывает, что слова обращены к его однокласснице, с которой он якобы находится в приятельских отношениях, и она вовсе не обязана была ничего гладить, а просто пыталась помочь. Анализ еще более широкого контекста говорит нам о том, что молодой человек регулярно вел себя неуважительно по отношению к девушке.

2. Отношение к людям иной профессии или профессиональные разногласия:

(18) «*Disgraceful*», says Philip, over the shoulder, «*University teachers would never strike*». «*Only because no one would notice*», Matthew calls down the stairs [L, 1985, p. 111].

Для анализа данного примера необходимо учитывать предыдущий контекст, из которого ясно, что разговор происходит между сыном и отцом – университетским преподавателем. На вопрос, почему мальчик не в школе, тот говорит отцу, что школьные учителя объявили забастовку. Отец считает, что это возмутительно и говорит, что в университете преподаватели бы никогда себе такого не позволили. На это сын бросает реплику на ходу, что это только потому, что никто не заметил бы, что они вышли на забастовку, тем самым намекая на низкий статус профессии преподавателя университета в обществе.

3. Наличие разных религиозных убеждений и следующие модели поведения:

а) Распутный образ жизни, а также неприличное поведение:

(19) *I called her the worst names I could think of, repeating them again and again under my breath, but it didn't relieve my feelings very much* [Brn, 2005, p. 124].

В этом отрывке герой вспоминает свою бывшую любовницу, которую он отверг, обвинив в том, что когда-то она позировала одному художнику обнаженной. Эти воспоминания болезненны и трудны для молодого человека. Он настолько оскорблен и обижен, что про себя перебирает все самые плохие ругательства в адрес женщины.

б) Нетактичное поведение мужчины с женщиной. Интересно, что в примерах XX века появляется новый аспект сексизма, в частности, предметом неуважения может стать сексистские высказывания преподавателя на публичной лекции:

(20) *A claque of feminists, hired, he wouldn't be surprised to learn, by his ex-wife, heckled him as he developed his analogy between interpretation and striptease* [L, 1985, p. 235].

В данном примере описывается неприятный инцидент, случившийся во время выступления одного из профессоров на конференции. Группа воинственно настроенных феминисток, которых, как думает сам докладчик, наняла его бывшая жена, в какой-то момент начинает выкрикивать непристойные и оскорбительные комментарии.

в) Обман со стороны другого субъекта:

(21) *He said he was there when you were arranging it. «That's pretty rich, isn't it?» he said, scowling. «As if I'd have said a word in front of that little ponce... Sorry. No, he was listening outside the door. Must have been. I remember thinking I heard something»* [Am, 1961, p. 118].

Данный пример показывает реакцию главного героя на клевету в его адрес. Один недоброжелатель подслушал его телефонный разговор,

а потом заявил другим людям, что сам присутствовал при нем. Герой возмущен такой наглой ложью. Интересно, что его реакция на проявление неуважения репрезентируется высказыванием с прилагательным *rich*, значение которого вне контекста не связано с неуважением. Актуализация интересующего нас концепта происходит в широком когнитивном контексте.

г) Вынесение суждений человеком, не имеющим профессиональных знаний в определенной области:

(22) «*And one look at a tree-diagram makes my mind go blank*». «*Or blanker*», *said Dempsey with a sneer. An embarrassed silence ensued* [L, 1985, p. 23].

В примере показана язвительная и оскорбительная реплика собеседника в адрес одного из участников филологической конференции, который сказал, что не разбирается в синтаксической схеме предложения. Игра слов, которую использует его собеседник, намекает на то, что профессор вообще мало в чем разбирается.

При анализе текстов XX века в сравнении с XIX веком были добавлены такие свойства субъекта, вызывающие DISRESPECT, как:

1. Наглость и ее различные проявления с позиции субъекта:

(23) «*You could say I made you a feminist. I opened your eyes to the oppressed state of modern American women. Don't you think that, viewed in that light, I'm entitled to some consideration in the present circumstances?*» ... «*The nerve*,» *says Alice Kauffman, when Desiree recounts this new development on the transatlantic telephone* [L, 1985, p. 283].

Данный пример описывает реакцию женщины, подруга которой пересказывает ей по телефону разговор со своим бывшим мужем. Муж умоляет одолжить ему денег и в качестве аргумента приводит тот факт, что именно после развода с ним женщина стала известной феминисткой, писательницей и заработала много денег. Поэтому, по его мнению, он вправе рассчитывать на одолжение. Подруга героини, услышав эту историю, сочла такие аргументы оскорбительными и наглыми.

2. Определенные физические характеристики объекта, например, немощность, особенности телосложения, состояние здоровья:

(24) *Anne considered his proposition and Spiggy imagined making an entrance at the Working Men's Club with Princess Anne on his arm. That'd teach his mates to sneer about his size and shape* [Townes, 1999, p. 94].

В данном примере мужчина представляет, как появится в рабочем клубе под руку с бывшей принцессой. Он вспоминает, как его приятели

обычно издеваются над его ростом и телосложением, и предвкушает, как внимание такой роскошной женщины положит конец всем пренебрежительным насмешкам в его адрес.

3. Наркозависимость:

(25) ...*believe me, Narcan, very very violent experience, you feel bad enough when you come round without being in hospital, bright lights and everyone very disapproving and hostile, treating you like shit, «rug addict,» «overdose,» all these nasty looks, maybe not letting you go home when you want, psych ward maybe, social worker marching in...* [Tartt1, 2017, p. 316].

В данном примере герой рассуждает, как относятся врачи к наркоману, попавшему в больницу с передозировкой. Говорящий настроен скептически и убежден, что все заведомо настроены враждебно, и поэтому будут обращаться с таким пациентом крайне неуважительно и осуждающе.

4. Алкогольная зависимость:

(26) *Bunny made a show of fraudulent, infuriating concern, peppered with snide comments about drunkards and sots* [Tartt2, 1993, p. 243].

Данный пример описывает ситуацию, при которой один из героев намеренно отпускал язвительные и злобные комментарии про пьяниц и алкоголиков, пытаясь поддеть своего бывшего друга, намекая на его проблемы с алкоголем.

5. Нетрадиционная сексуальная ориентация:

(27) «*You're famous*», said Jackson. «*I'm not as it happens, and as it happens you don't resemble me. You are a liar. What are you up to? Are you queer?*» [Murd2, 1996, p. 136].

Разговор происходит на повышенных тонах между двумя мужчинами, один из которых выслеживал другого и представился его братом, чтобы попасть к нему в квартиру. Услышав эту очевидную ложь, герой приходит в негодование, пытается выяснить, в чем же дело, и презрительно спрашивает, не придерживается ли его собеседник нетрадиционной ориентации, раз преследует незнакомого мужчину. При этом используется соответствующее ругательство.

Также были зафиксированы новые модели поведения, связанные с реалиями, ставшими гораздо более актуальными именно в XX веке, а именно:

1. Вторжение на частную территорию и нарушение личного пространства:

(28) «*Nigel!*» *Nigel twisted and struggled and squirmed but Danby held him fast. «Nigel, you swine, you spy! You were there in that garden!»* [Murd1, 2017, p. 86].

Описываемые события происходят вследствие того, что герой обнаруживает, что за ним шпионит его собственный работник, Найджел, которого он нанял в качестве сиделки для своего тестя. Такое возмутительное поведение вызывает агрессивную реакцию мужчины.

2. Нарушение авторских прав:

(29) *HELEN: He took it out before he realized what it was. PHILIP: With his name on the jacket. HELEN: Yes. PHILIP: Was he angry? EDWARD (fiercely): The gall! The sheer gall of it! ... The fucking gall! ... It's mine! Mine only! I coined it! I never gave him permission to use it* [Shaff, 1993, p. 68–69].

Данный диалог происходит между вдовой известного драматурга и его непризнанным сыном. Женщина вспоминает, как ее покойный супруг получил по почте диссертацию своего сына и пришел в ярость, увидев, что тот подписывается фамилией своего известного отца.

3. Некачественное оказание услуги:

(30) *First, he had an altercation at Heathrow with a pert girl at the check-in desk who refused to accept his overnight case as a cabin baggage* [L, 1985, p. 162].

В данном примере герой вспоминает перепалку с сотрудницей авиакомпании на стойке регистрации в аэропорту. Девушка отказалась принимать его чемодан за ручную кладь, а мужчина счел ее поведение дерзким и неуважительным.

Таким образом, при анализе прослеживается корреляция между ценностными ориентирами общества и факторами, вызывающими неуважение людей. Если некоторые из указанных каузаторов, как и некоторые ценности, не меняются в диахронии, и можно предположить, что они по-прежнему являются актуальными, то другие каузаторы напрямую связаны с новыми понятиями и ценностями, появившимися в XX столетии.

Второй метод исследования – психолингвистический эксперимент с участием носителей современного английского языка – позволил уточнить перечень каузаторов применительно к началу XXI века, а также выявить, какие свойства и модели поведения современные носители английского языка склонны категоризировать как проявление неуважения.

Эксперимент проводился в 2017–2018 годах. Информантами выступали носители английского языка из Великобритании, США и Новой Зеландии. За основу был взят интересубъективный метод, введенный финским лингвистом Я. Раукко для когнитивно-семантических исследований [Raukko, 1999, 2003] и базирующийся на исследованиях Д. Сандра, С. Райс, Р. Гиббса и других ученых [Gibbs, Beitel, Harrington, Sanders, 1994; Sandra, Rice, 1995]. Данный метод подразумевает, что носители языка дают определение слову, номинирующему искомый концепт, приводят примеры контекстного употребления, а также перефразируют имеющиеся примеры, не используя слово, номинирующее концепт. Все это позволяет сделать выводы о структуре исследуемого концепта, а именно, в какие когнитивные области он входит и какие субконцепты содержит. В данном эксперименте участвовали 30 носителей английского языка, которым была предложена письменная анкета.

В первом задании респондентам было предложено определить слово *disrespect*, не используя противоположный коррелят *respect*. Результаты подтверждают вывод, сделанный нами еще на лексикографической стадии исследования, о том, что DISRESPECT входит как в когнитивную область FEELING, так и в область HUMAN BEHAVIOUR. 40% опрошенных привели определения, явно указывающие на область FEELING (*a lack of understanding; contempt; refusal or inability to acknowledge someone's position, knowledge or place, failure to recognize others' value* и другие), 50% – на область HUMAN BEHAVIOUR (*rude or dismissive behaviour; the absence of courtesy and kindness, treating a person or thing in a manner beneath its worth* и другие). Два респондента попытались выделить эту двойственность и указали на оба свойства, например, в определении *to be unfairly treated, misrepresented and to be undervalued*: первая часть явно указывает на когнитивную область HUMAN BEHAVIOUR, а глагол *undervalue* на область FEELING.

Еще в одном задании респондентам было предложено описать свойства и модели поведения, которые они ассоциируют с проявлением неуважения. При анализе ответов были получены следующие данные:

70% опрошенных отмечали в качестве примера проявления неуважения плохие манеры, в частности, когда люди перебивают или игнорируют собеседника;

25% – использование грубой, нецензурной лексики;

25% – неподчинение правилам или людям в соответствующей ситуации;

20% – проявление высокомерия, превосходства над другими людьми;

20% – неуважение к потребностям или ценностям других людей;

- 20% – проявление насилия;
- 20% – эгоизм как свойство субъекта;
- 20% – неблагодарность;
- 10% – проявление глупости;
- 10% – нарушение личного пространства;
- 10% – причинение вреда чужому имуществу;
- 10% – высмеивание других людей.

Несколько свойств и типов поведения упоминались один раз (что составляет 5%), а именно: незрелость субъекта; неуважение к старшим или к родителям в частности; наглость; хулиганство; загрязнение окружающей среды.

Такое разнообразие свойств и моделей поведения позволяет говорить о том, что в сознании носителей современного английского языка структура DISRESPECT включает в себя следующие субконцепты – RUDENESS, AUTHORITY, ARROGANCE, INCONSIDERATION, VIOLENCE, DERISION, IMPUDENCE. Несмотря на то, что большинство субконцептов относятся к когнитивной области HUMAN BEHAVIOUR (что предсказуемо, учитывая, что респондентов просили выделить, прежде всего, модели поведения), субконцепт INCONSIDERATION четко проявляет свою двойственную природу и соотносится в сознании носителей языка с двумя когнитивными областями. Такие формулировки, как *not taking into account how your behaviours affect others around you* и *disregarding the feelings of others*, позволяют отнести этот субконцепт к области FEELING, а *verbal disregard for a person's ideas or feelings* – к области HUMAN BEHAVIOUR.

Интересно также отметить, что большинство моделей и свойств, которые носители языка считают проявлением неуважения, совпадают с выделенными нами в художественной литературе каузаторами DISRESPECT. Среди таких общих моделей выделяются следующие: проявление высокомерия или невоспитанности, неподчинение правилам и несоблюдение субординации, эгоизм или глупость объекта, а также нарушение личного пространства.

С целью проверить, насколько остальные, выделенные нами в литературе, каузаторы до сих пор актуальны для современного носителя языка, к вышеперечисленным заданиям было добавлено еще одно, в котором респондентам предлагалось оценить 19 таких факторов по пятибалльной шкале, отражающей степень вероятности того, что то или иное поведение будет вызывать чувство неуважения. При этом было предложено разграничить, с одной стороны, лишь наличие определенных чувств

и эмоций, связанных с неуважением, а с другой – готовность открыто показать эти чувства, то есть выказать отсутствие уважения. Мы исходили из того, что, поскольку концепт DISRESPECT, как было установлено, может относиться как к когнитивной области FEELING, так и к области HUMAN BEHAVIOUR, субъект может испытывать неуважение, но не обязательно проявлять его. Наша гипотеза состояла в том, что и в XXI веке люди чаще испытывают неуважение, чем открыто проявляют его через определенные действия или поведение.

Результаты этой части исследования показывают, что такие каузаторы, как высокомерное или нетактичное отношение к людям, плохие манеры, проявление непрофессионализма, обман, скупость, а также распутное поведение, до сих пор вызывают у большинства носителей языка как чувство неуважения, так и его проявление (у 95–100% опрошенных). Глупость вызывает неуважение у 65% опрошенных, а физическое превосходство над объектом лишь у 35% (при этом, в малой степени), хотя оба этих фактора были выделены на основе анализа текстов XX века. Вместе с тем, несколько каузаторов, выделенных нами только в литературе XIX века, действительно уже не воспринимаются большинством информантов как повод испытывать неуважение, а именно – отсутствие опыта (только 40% отметили малую или среднюю степень) и таланта (отмечено у 30% респондентов). Также интересным результатом является то, что опрошенные носители языка в подавляющем большинстве не относят национальную принадлежность и разный социальный статус к факторам, вызывающим неуважение, в то время как при анализе текстов XX и начала XXI века оба этих фактора выделялись достаточно часто. Можно предположить, что, во-первых, в конце XX – начале XXI века в Европе и США активно развивались идеи политкорректности, толерантности и уважительного отношения ко всем людям в обществе, вне зависимости от их социального статуса и национальной принадлежности, и это не могло не повлиять на представителей социума и их образ мыслей. С другой стороны, на ответы информантов может влиять психологическая составляющая данных вопросов, так как подобное отношение к людям в любом обществе не является социальноодобряемым, и, вероятно, многие респонденты могут признать, что они, как минимум, чувствуют неуважение, в той или иной степени вызванное данными факторами.

Что касается нашей гипотезы о том, что в XXI веке люди чаще испытывают неуважение, чем открыто проявляют его, она подтвердилась. Только 30% респондентов отметили, что вероятность проявления ими неуважения в нескольких ситуациях будет выше вероятности возникновения

у них негативных чувств и эмоций по отношению к данной ситуации. При этом данный результат относится только к одной, двум или трем ситуациям из девятнадцати предложенных. Только один участник опроса указал, что проявление неуважения будет сильнее, чем его чувства и эмоции, связанные с той или иной ситуацией, в девяти категориях. Скорее всего, это связано с личностными особенностями конкретного человека. Отдельно были выделены случаи, когда респонденты отмечали готовность в одинаковой степени испытывать и показывать неуважение. Таких примеров 24% от общего числа, по сравнению с 42%, когда респонденты испытывают чувство неуважения, но не готовы показывать его.

В совокупности данные контекстуального анализа и результаты психолингвистического эксперимента позволили выявить, с одной стороны, какие типы поведения и личностные проявления категоризируются представителями англоязычного социума как проявление неуважения, а с другой – что вызывает чувство неуважения у самих представителей этого социума, и в какой степени они готовы показывать это открыто в своем поведении. Важным результатом исследования является выявление того, как менялись указанные представления в англоязычном социуме с середины XIX века по настоящее время. Было показано, что определенные модели поведения или качества субъектов уже не вызывают в современном обществе неуважительного отношения в той степени, в какой это происходило в XIX веке. С другой стороны, с изменением общества появляются новые каузаторы неуважения, которые не были отмечены ранее. Поскольку вопросы, касающиеся уважения или неуважения, непосредственно затрагивают отношения субъектов социума между собой и отражают их ценностные установки относительно того, как должны складываться взаимоотношения между людьми в рамках конкретной культуры и в конкретный исторический период, можно говорить о том, что в целом изменение каузаторов с середины XIX до начала XXI века показывает, как менялись ценности англоязычного социума в указанный период. Использование в качестве метода исследования психолингвистического эксперимента с участием современных носителей английского языка позволило получить новейшие данные по интересующей нас проблеме.

Источники примеров

1. Dickens I – Dickens Ch. Great Expectations. Public Domain, 2010.
URL: <https://itun.es/ru/kl2Kx.l> (дата обращения: 02.04.2016).

2. Dickens2 – Dickens Ch. The Pickwick Papers. Public Domain, 1835.
URL: <https://itun.es/ru/iEOYD.l> (дата обращения: 10.11.2016).
3. Gals – Galsworthy J. The Forsyte Saga. Vol.1. Public Domain, 1933.
URL: <https://itun.es/ru/qFBUD.l> (дата обращения: 19.07.2016).
4. M1 – Maugham W.S. Theatre. СПб: Изд-во Каро, 2015. 384 с.
5. M2 – Maugham W.S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard.
М.: Изд-во «Прогресс», 1980. 237 с.
6. M3 – Maugham W.S. The Merry-go-round. Harmondsworth, Middlesex,
England: Penguin Books, 1987. 341 p.
7. Chr1 – Christie A. Five little pigs. London: HarperCollins, 2007. 336 p.
8. Chr2 – Christie A. Murder on the Orient Express. London:
HarperCollins, 2007. 347 p.
9. Am – Amis K. Lucky Jim. London: Penguin Books Ltd, 1961. 251 p.
10. Brn – Braine J. Room at the top. Moscow: Jupiter-Inter, 2005. 245 p.
11. Cl – Clarke S. Merde actually. Reading: Black Swan, 2006. 447 p.
12. L – Lodge D. Small World. London: Penguin Books Ltd, 1985. 339 p.
13. Murd1 – Murdoch I. Bruno's Dream.
URL: https://royallib.com/book/Murdoch_Iris/Brunos_Dream.html
(дата обращения: 1.10.2017).
14. Murd2 – Murdoch I. Jackson's Dilemma. London: Penguin Books Ltd,
1996. 249 p.
15. Shaff – Shaffer P. The Gift of the Gorgon. London: Viking, Penguin
Books Ltd, 1993. 88 p.
16. Tartt1 – Tartt D. The Goldfinch.
URL: http://royallib.com/book/Tartt_Donna/the_goldfinch.html (дата
обращения: 22.08.2017).
17. Tartt2 – Tartt D. The Secret History. London: Penguin Books Ltd, 1993. 629 p.
18. Towns – Townsend S. The Queen and I. St. Petersburg: St. Petersburg
University Publishers, 1999. 163 p.

Список словарей

1. BT: Bloomsbury Thesaurus. – London: Bloomsbury Publishing Limited,
1993. – 1569 p.
2. LLA: Longman Language Activator. Longman Group UK Limited,
1996. – 1587 p.
3. OLT: Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms. – Oxford:
Oxford Univ. Press, 2008. – 1008 p.

ГЛАВА VII. KICK THE BUCKET: ИДИОМА В СЛОВАРЯХ И КОРПУСАХ – ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Отраковка идиомы как полностью переосмысленной и синтаксически нечленимой единицы имеет давнюю историю [Виноградов, 1947; Амосова, 1963; Кунин, 1970]. В последние десятилетия намечается более гибкий подход к определению сущности этих устойчивых словосочетаний. Так, важным шагом для понимания семантики идиом является исследование Джоффри Нанберга, Ивана Сага и Томаса Васова [Nunberg, Sag & Wasow, 1994], в рамках которого они выделяют семантически разложимые и неразложимые идиомы, в зависимости от того, распределено ли значение идиомы между ее составляющими.

Среди отечественных лингвистов большой вклад в развитие фразеологии внесли А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский. Представленный ими подход к фразеологии [Баранов, Добровольский, 2008] базируется на том, что фразеологизмы являются не исключительно языковым, но и когнитивным феноменом, и образная составляющая фразеологизма представляется частью плана содержания, даже если она прямо не влияет на актуальное значение языковой единицы.

Интересный подход используется Энди Иганом [Egan, 2008]. Иган выдвигает понятие игровой теории идиом (*pretense theory of idioms*), согласно которой части идиом сохраняют свои буквальные значения, но получающееся в результате предложение интерпретируется согласно условиям, которые собеседники договариваются считать истинными. Каноническая форма идиомы является самым ясным сигналом того, что используется игровой потенциал языка, а необоснованные отклонения от канонической формы мешают коммуникации, так как они ясно не сигнализируют об игровой природе высказывания.

Также за последние годы широкое распространение получило корпусное исследование ФЕ. Одним из сторонников корпусного исследования идиом является Кристиана Феллбаум [Fellbaum, 2015], которая утверждает, что, согласно данным корпуса, идиомы допускают более широкое разнообразие, чем обычно предполагалось. Феллбаум утверждает, что идиомы следует определять с точки зрения словосочетаний, как статистически частое и выделяющееся сочетание двух или более лексем. Вариации канонических форм идиом приемлемы, если совместное использование лексем способно вызвать в сознании слушателя значение идиомы.

Таким образом, за последние годы изучение фразеологии движется по пути отхождения от общепринятых аксиом о фиксированности

ФЕ, а также о полном переосмыслении и невыводимости их значения. Современные исследователи, имея в качестве основы труды лингвистов XX века, предпринимают попытки проводить более глубокий анализ природы идиом и их внутренней формы. Мы в своем исследовании также будем руководствоваться современными концепциями понимания идиомы при анализе употребления идиомы *kick the bucket*.

В ходе исследования был проведен критический анализ дефиниций и трактовок идиомы *kick the bucket* на материале словарных статей из 16 онлайн-источников [см. Источники примеров], а также более 10 теоретических статей по фразеологии.

Рассмотренные нами словарные статьи, посвященные идиоме *kick the bucket*, состоят из нескольких основных частей. Во-первых, это непосредственно дефиниция; во-вторых, различные стилистические пометы; в-третьих (что представлено исключительно в специализированных словарях), этимологическая справка. Разберем каждый из этих элементов.

Что касается дефиниций идиомы, то они не отличаются большим разнообразием: в 14 из 16 статей дефиниция ограничивается глаголом «*to die*». Безусловно, такая краткая дефиниция кажется нам неполной, так как, очевидно, словари никак не разграничивают семантику глагола *die* и идиомы *kick the bucket*, что, на наш взгляд, является неточностью. Кажется сомнительным, что единственная разница между глаголом и идиомой состоит в стилистических особенностях употребления, так как анализ корпуса показывает и контекстуальную разницу использования данных языковых единиц.

Однако даже словарные статьи с более развернутыми дефинициями не раскрывают полной семантики данной идиомы:

- 1) **a.** *to die; to pass away; to stop living* [www.theidioms.com]
- b.** 1. *To die.* 2. *To stop working completely; to break down.* [Farlex Dictionary of Idioms]

В дефиниции 1a мы наблюдаем простое перечисление синонимов, которое не прибавляет информационной нагрузки к описанию семантики. Более интересен пример 1b, в котором помимо основного значения предлагается метонимическое расширение, переносящее соотнесенность идиомы с живых существ на неодушевленные объекты. Данное расширение, хотя и не признается в некоторых теоретических работах [напр., Danglli, 2016, с. 81], подтверждается многочисленными контекстами. Однако все равно остаются неясными уникальная семантика идиомы и ее отличие от глаголов *die* и *break (down)*.

Стилистические пометы, приводимые в словарных статьях, можно разделить на несколько категорий, которые встречаются в словарях довольно непоследовательно и несистемно. К первой группе относятся функционально-стилистические пометы, выраженные в разных формах:

- 2) **a.** (*informal*) *to die* [Cambridge Dictionary]
- b.** (*slang*) *to die* [Collins Dictionary]

Помимо вариантов, приведенных в примере и являющихся самыми распространенными (8 из 16 статей), в отдельных словарях встречаются и другие пометы, такие как *colloquial* и *moderately impolite*. В общем смысле все эти пометы передают стилистически сниженный характер данной идиомы и ее нехарактерность для официальной речи.

Вторая категория помет передает эмоционально-оценочную составляющую идиомы и представлена лишь в пяти из рассмотренных словарей:

- 3) **a.** (*humorous*) *to die* [Macmillan Dictionary]
- b.** *to die. This expression is used to refer to someone's death in a light-hearted or humorous way* [Easy Learning Idioms Dictionary]

Оценочная составляющая имеет важное значение в семантике идиомы, поэтому нам кажется упущением такое скудное ее отражение в словарях. Кроме того, как показывают контексты, оценочный компонент *kick the bucket* несколько глубже, чем простой юмористический эффект, тем более что далеко не во всех контекстах присутствуют юмор или ирония.

Помимо этих основных категорий некоторые словари предлагают и другие пометы, обоснованность которых кажется спорной:

- 4) **a.** (*old-fashioned*) *to die – used humorously* [Longman Dictionary]
- b.** (*British English, informal or humorous*) *die* [Farlex Partner Idioms Dictionary]

Указанные особенности употребления не находят подтверждения при анализе контекстов. Так, характеристика *old-fashioned* опровергается большим количеством современных контекстов, в которых *kick the bucket* не выделяется как устаревший элемент речи. Приписывание идиомы к британскому варианту английского языка также вызывает вопросы, так как рассматриваемый в ходе исследования корпус американского английского предлагает множество контекстов употребления данного сочетания.

Наконец, во фразеологических словарях большое внимание уделяется этимологии идиомы. У исследователей не сложилось единого мнения

о происхождении данного выражения, и некоторые словари напрямую характеризуют этимологию идиомы как *disputed, uncertain, unclear*¹.

Рассмотренные нами источники предлагают три варианта происхождения идиомы. Первый из них, который некоторые словари отмечают в качестве наиболее вероятного, исторически связан с убийством скота:

- 5) *One [explanation] is that the bucket referred to is the East Anglian word for a beam on which a pig is hung by its feet to be slaughtered and which it kicks against in its death struggles [The Dictionary of Clichés by Christine Ammer]*

Согласно этой теории, *bucket* в составе идиомы не имеет ничего общего с современным значением лексемы. И, действительно, некоторые английские идиомы содержат в себе устаревшие значения слов, однако в приведенном случае нарушается связь между исходной ситуацией и значением идиомы. Описанная ситуация включает семантику мучений (*slaughtered, death struggles*), которая никак не связана с семантикой *kick the bucket* (достаточно вспомнить оценочную характеристику *humorous*). Поэтому нам кажется маловероятным, что данная идиома имеет отношение к подобному контексту.

Вторая распространенная теория происхождения идиомы связана с контекстом самоубийства через повешение:

- 6) *It may refer to someone committing suicide by standing on a bucket, tying a rope around their neck, then kicking the bucket away [Collins COBUILD Idioms Dictionary]*

Данное объяснение, на наш взгляд, имеет большую связь с предлагаемой нами трактовкой идиомы. Если обратиться к иносказательному потенциалу *bucket*, то в данном контексте этот предмет может восприниматься как символ: человек, совершающий самоубийство, теряет не только физическую опору под ногами, но и метафорическую опору, а именно весь накопленный жизненный опыт, от которого он отказывается, делая последний шаг к смерти. Таким образом, хотя этимология и не идентична семантике идиомы, можно проследить определенное связующее звено между исходным и иносказательным контекстами.

И, наконец, третий вариант происхождения, встречающийся только в одном источнике, имеет религиозные корни:

¹ Встречается в словарях The American Heritage® Dictionary of Idioms, Collins COBUILD Idioms Dictionary и на сайте www.theidioms.com

- 7) *A third theory refers to the Catholic practice of placing the holy water bucket at the feet of a person who has died, so that visitors could sprinkle the holy water on the body.* (www.theidioms.com)

Данная версия кажется нам довольно маловероятной, так как связь между исходной ситуацией и идиомой весьма условна. Конечно, в приведенном описании присутствуют контекст смерти и наличие некоего сосуда, связанного с этим процессом, однако в данном случае никак не задействован другой важный элемент идиомы – *kicking of the bucket*, поэтому вряд ли данное иносказательное переосмысление вообще возможно.

Таким образом, можно сделать вывод, что словари довольно ограничены в описании семантики идиомы *kick the bucket*. В рассмотренных статьях практически не указывается ни оценочная составляющая идиомы, ни ее мотивировка. Однако проблема трактовки идиомы характерна и для теоретических работ, которые описывают ее более подробно.

Идиома *kick the bucket* довольно часто является непосредственным объектом или используется как пример в различных исследованиях по фразеологии. Причина этого в том, что, согласно классической фразеологии, *kick the bucket* обладает наиболее выраженными «традиционными» признаками идиомы: неразложимость, неизменяемость, переосмысленное значение, отсутствие связи с исконной семантикой компонентов.

Касательно этих внутренних характеристик идиомы, мнения исследователей расходятся. Так, традиционный взгляд на идиому характерен для работ конца 20 века. Такие авторы, как Ф. Дж. Ньюмейер, Дж. Нанберг и др. [Newmeyer, 1974; Nunberg, Sag & Wasow, 1994], указывают в своих статьях *kick the bucket* как типичный пример неразложимой идиомы, значение которой не распределено между ее составляющими и находится в ином семантическом поле.

Другим регулярно указываемым признаком *kick the bucket* является устойчивость формы (неизменяемость). Помимо вышеупомянутых авторов, данной позиции придерживаются и некоторые современные исследователи. Так, А. Ланглотц [Langlotz, 2006], сторонник теории метафорического проецирования, не только указывает ряд факторов, блокирующих вариативность идиомы (среди которых неразложимость и неавтономность отдельных компонентов), но и приводит данную идиому как пример невозможности проецирования, в связи с размытой метафорической связью между буквальным и иносказательным значениями сочетания.

Несмотря на распространенность подобных трактовок, они кажутся нам несколько устаревшими. Более того, результаты проведенного исследования позволяют нам утверждать обратное: семантика идиомы *kick the bucket* сохраняет связь со своей внутренней формой и, как следствие, может подвергаться вариативным изменениям.

Однако в рассмотренных теоретических работах существуют и менее традиционные точки зрения. Некоторые исследователи все же признают в той или иной мере связь иносказательного значения идиомы с семантикой ее компонентов. Например, в работе Х.О. Андерсон [Anderson, 2018], посвященной анализу английских выражений, связанных со смертью, *kick the bucket* рассматривается как пример метонимии по модели «часть-часть» (*part-for-part metonymy*). Автор обращается к возможным вариантам этимологии идиомы, где определенный сценарий смерти является частью общего концепта «смерть», в то время как элемент *kick the bucket*, в свою очередь, представляет часть данного сценария. Однако в статье все же указывается, что метонимический смысл выражения утрачен в современном языке, и сочетание воспринимается как неразложимая идиома.

Рассматривается данная идиома и в статье С. Баргманна и М. Сайлера [Bargmann, Sailer, 2016] в качестве иллюстрации их теории общей семантической разложимости всех идиоматических сочетаний. Приписывая каждому элементу идиомы определенное значение, авторы обосновывают возможность синтаксической вариативности таких устойчивых идиом, как *kick the bucket*. Однако в статье не проводится связь между идиоматическим и неидиоматическим значением составляющих идиому компонентов: так, *kick*, *the* и *bucket* в составе идиомы авторы называют омонимами аналогичных единиц с нефигуральным значением, что, на наш взгляд, не является вполне обоснованным утверждением.

Кроме того, ряд исследователей, включая Баргманна и Сайлера, рассматривая роль компонентов идиомы, делают акцент на семантическом доминировании глагола *kick*, приписывая ему большую роль в формировании семантики идиомы. Например, в работе О.В. Доладовой об уровнях языковой иерархии [О.В. Доладова, 2016] элементу *bucket* приписывается всего лишь дистинктивная функция, сходная с функцией фонемы. Семантике *kick* внутри идиомы посвящена и статья Дж. Л. Хамблин и Р.У. Гиббса [Hamblin, Gibbs, 1999], в которой авторы обосновывают с помощью значения глагола *semy* быстрой и неожиданной смерти в общей семантике *kick the bucket*.

В нашем исследовании мы, напротив, более подробно рассматриваем роль элемента *bucket* в составе идиомы, так как нам кажется, что именно

иносказательный потенциал данной лексемы является мотивировкой семантики идиомы.

Помимо внутренних характеристик и особенностей семантики, ряд исследований посвящен стилистическим особенностям употребления идиомы *kick the bucket*. Так, в некоторых работах идиома приводится как пример эвфемизма смерти [Красикова, 2014; Петроченко, 2017; Anderson, 2018]. При этом Андерсон относит *kick the bucket* к категории неформальных эвфемизмов, а Л.А. Петроченко определяет идиому как «отрицательный эвфемизм» с оттенком преуменьшения значимости события или, в некоторых контекстах, даже как дисфемизм – намеренно грубое обозначение события.

Другие исследователи [напр., Чернышов, 2008] упоминают *kick the bucket* в контексте анализа средств выразительности с преобладанием эмоциональной составляющей. Об оценочном компоненте ФЕ, приводя в пример *kick the bucket*, подробно пишет О.А. Аракелян [Аракелян, 2006]. Автор утверждает, что фразеологизмы являются отражением специфики языкового мышления народа и особенностей его культуры, а также включают в семантику отношение субъекта речи к обозначаемому. Сравнивая глагол *die* и идиому *kick the bucket*, Аракелян отмечает: «... помимо того, что человек перестал жить („плохо“, „-“), сообщается еще и информация об отношении субъекта речи к этому событию, который имеет прагматическую значимость. Эта информация важна не для практической ориентации, а для выражения эмоциональной реакции субъекта на данное событие» [Аракелян, 2006, с. 12].

Данная трактовка, на наш взгляд, является одной из самых удачных, так как в ней отражена специфика идиоматического сочетания по сравнению с простым глаголом, что обеспечивает более точную основу для определения семантики идиомы.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство трактовок *kick the bucket* в теоретических работах исходит из традиционных представлений об идиомах, что ограничивает исследование семантики рассматриваемой идиомы, а также ее синтаксической вариативности. Однако современные исследователи все же предпринимают попытки анализа семантики *kick the bucket* и ее связи с семантикой компонентов идиомы. Кроме того, в ряде работ отмечаются важные стилистические особенности употребления сочетания, которые, на наш взгляд, также имеют отношение к его семантике.

В ходе корпусного анализа было рассмотрено около 150 контекстов употребления идиомы *kick the bucket* в трех электронных корпусах

[см. Источники примеров]. Рассмотренные контексты можно классифицировать по нескольким критериям.

По особенностям употребления сочетания самой большой группой являются контексты, в которых реализуется его идиоматическое значение. Однако в ходе анализа встретились 4 примера употребления словосочетания *kick the bucket* в буквальном значении, как, например, в следующем контексте:

- 8) *...This meant herding Jesse into a small pen, roping her cowboy-style, leading her by force to the milking stanchion, then tethering her back feet so she wouldn't **kick the bucket** over.* [COCA]

Все встретившиеся контексты связаны с бытовой деятельностью человека (например, доение коров в приведенном примере) и могут быть проанализированы в соответствии с семантикой лексемы *bucket* в ее иносказательном значении.

Отдельным случаем также является единичный пример металингвистического употребления идиомы, при котором она является маркированным языковым элементом, подвергающимся анализу:

- 9) *This evolves into an exchange of French and American expressions for dying. With uninventive phrases like «**kicked the bucket**», «bought the farm», and so forth, the Americans quickly run up something of a trade deficit...* [COCA]

В данном контексте идиома предстает не как элемент ситуации, в которой реализуется ее семантика, а лишь как обозначение определенной единицы языка, характеризующейся автором как «expression for dying».

Другим критерием классификации контекстов является сочетаемость идиомы с разными субъектами. Так, в подавляющем большинстве примеров (около 90%) субъектом смерти являются человек или группа людей. Тем не менее, среди контекстов встречаются и следующие:

- 10) *Mosquito Bits, a popular natural pest control product that kills mosquito larvae, has been approved by the Environmental Protection Agency for the control of fungus gnats... Fungus gnat larvae will feed on [it] and **kick the bucket.*** [COCA]
- 11) *During the holiday festivities, our garbage disposal **kicked the bucket...** and so did our dishwasher.* [COCA]
- 12) *America has been on its death bed for a while and finally **kicked the bucket** last week...* [COCA]

Как видно из указанных примеров, сочетаемость идиомы намного шире, чем принято считать согласно традиционным трактовкам. Субъектом идиомы может быть не только человек, но и животное / насекомое (8 контекстов), неживой объект – как правило, техника и оборудование (8 контекстов) или некие организации / объединения / институты (14 контекстов). Данные примеры подтверждают необходимость более глубокого анализа и более широкой трактовки семантики идиомы *kick the bucket*.

Наконец, важным критерием классификации является оценочная составляющая контекста. В предыдущем разделе мы уже упоминали, что оценочный компонент является ключевым элементом любой идиомы, и, безусловно, *kick the bucket* – не исключение. Несмотря на то, что словари указывают *humorous* как единственную эмоционально-оценочную характеристику идиомы, контексты показывают намного более широкий спектр оценок.

Так, первая группа контекстов связана с положительной оценкой накопленного опыта человека (12% примеров). Такие контексты, как правило, эксплицитно или имплицитно указывают на то, чего человек добился в жизни, что успел приобрести. При этом этап смерти воспринимается как естественное завершение жизненного пути, не вызывающее негативных эмоций:

- 13) *...once people have settled down a bit, moved out of their parent's homes, gotten jobs, maybe have kids in school but not yet college, they naturally start to think about how they will **kick the bucket***. [COCA]

Данный пример является довольно показательной иллюстрацией этой группы контекстов. Автор описывает то, что, по его мнению, считается универсальными жизненными достижениями, после которых человек спокойно и без трагизма может начать думать о смерти.

Вторая группа контекстов по оценке противоположна первой и связана с ситуациями, когда умерший не успел получить необходимый опыт в течение жизни (14% примеров). В таких случаях говорящий воспринимает смерть как безвременную и несправедливую, в связи с чем появляется оттенок сожаления:

- 14) *What's surreal and Orwellian is his piece declaring that he's decided that those between 15 and 40 should get first dibs at health care. ...to dwell on these things and come up with Draconian and twisted rationales for why the 8-year-old has to **kick the bucket** is nothing but sick*. [COCA]

Очевидно, что автор текста испытывает сочувствие к детям, которые по чужой воле сталкиваются с безвременной смертью. В данном случае идиома *kick the bucket*, в сочетании с такими эпитетами как *surreal*, *Orwellian*, *Draconian*, *twisted*, *sick*, носит довольно яркий оценочный характер, который не получилось бы передать нейтральным глаголом *die*.

Довольно обширную группу представляют контексты, содержащие иронию или сарказм (28% примеров). Предположительно, использование иронии является защитным механизмом человека перед лицом того, чего он подсознательно страшится – а именно умереть, не получив от жизни всего, чего хотелось. В таких случаях говорящему свойственно преуменьшать значимость смерти, описывая ее как нечто нелепое и смешное:

- 15) *I, Charlie, assign being of sound, mind and body... declare this to be my last will and testament. Well, **so I kicked the bucket**. See you later, Barbara, Nancy... Feel free to have me cremated. Just put me in a jar somewhere. [COCA]*

В данном примере юмор строится на резком переходе от торжественного и официального тона к разговорному и даже пренебрежительному. Говорящий, очевидно, находится на смертном одре и, чтобы представить ситуацию менее трагичной, пытается снять градус напряжения, иронизируя над происходящим и, в том числе, употребляя выразительную идиому.

В следующей, самой многочисленной группе контекстов (38% примеров) попытка избежать трагизма смерти приводит к открытому выражению пренебрежения или безразличия к ней. В таких контекстах смерть преподносится как нечто, не заслуживающее особого внимания и, как следствие, не вызывающее страха или грусти:

- 16) *Sooner or later it happens, and it doesn't matter how; anyway, it has to happen, and who knows how many of us here this evening, ladies and gentlemen, will be alive in a month's time... A year more or less doesn't matter much. I'm not sorry for those who **kick the bucket**, nor do I envy those who just carry on, and I'm not much interested in which group I belong to. [COCA]*

В данном примере говорящий высказывает свою позицию о неизбежности смерти. Так как это событие нельзя ни остановить, ни предсказать, автор выражает к нему полное безразличие, тем самым демонстрируя своего рода превосходство над смертью и над теми, кто ее боится.

И в этом случае идиома также служит маркером данной пренебрежительной оценки.

Наконец, последняя выделенная группа контекстов содержит оценочный компонент неодобрения или осуждения (8% примеров). В данных ситуациях говорящий, как правило, считает, что некий субъект заслуживает смерти по каким-либо причинам, в связи с чем оценка носит явно негативный характер:

- 17) *This aint your team and you dont make decisions so keep getting mad at the team for every fault you may see maybe you will get a heart attack and kick the bucket...* It seems you people personal happiness depends on a win or a lose by a college team. *That's pathetic.* [COCA]

Приведенный пример достаточно ярко иллюстрирует случай неодобрительной оценки. Автор критикует потенциального собеседника за позицию, которую он считает неприемлемой и жалкой, в связи с чем описывает его возможную смерть в таком эмоционально-выразительном ключе.

Таким образом, контексты показывают, насколько широко и разнообразно может быть употребление идиомы *kick the bucket*, что противоречит тем узким трактовкам, которые предлагают словари. Рассмотрев оценочный компонент идиомы, далее мы подробнее остановимся на ее семантике и иносказательном потенциале.

Вопреки традиционному подходу, отрицающему связь семантики идиомы с семантикой ее компонентов, корпусный анализ дает нам основание высказать противоположную точку зрения.

Анализируя лексему *bucket*, мы выделили ее достаточно распространенное иносказательное расширение: «*an imaginary container for storing important personal experience and ideas*». При сопоставлении контекстов употребления данного расширения и контекстов употребления идиомы *kick the bucket* были обнаружены некоторые сходства:

- 18) *Two men, both with terminal diseases, see how many dreams they can fulfill for themselves before they kick the bucket.* [COCA]
- 19) *It's not about the money for me. It's all about life experiences. And whenever I kick the bucket one day, I am going out with a casket full of life experiences.* [COCA]

Данные примеры показывают, что контексты, в которых встречается идиома, также связаны с накоплением жизненного опыта.

В течение жизни люди переживают этот ценный опыт, реализуют свои мечты и планы, собирая все это в некое мысленное хранилище (*bucket of life*).

Интересен в этом плане один более эксплицитный пример, встретившийся в корпусе *News on the Web*:

- 20) *The art of dying is to prepare ourselves in this lifetime to kick the bucket of the ego. God plus ego is man. Man minus ego is god.* [NOW]

В данном контексте можно наблюдать явно выраженную семантическую связь между идиомой *kick the bucket* и *BUCKET_{fig}* («*bucket of the ego*»). Таким образом, на основании анализа контекстов нам кажется, что именно данное значение *bucket* служит мотивировкой семантики идиомы.

Что же касается второго элемента – *kick*, то в данном случае семантическая связь еще прозрачнее. Если воспринимать жизнь как процесс накопления опыта и достижений, то легко представить, что в момент смерти человек теряет все накопленное, как бы отбрасывая или опрокидывая тот метафорический сосуд, в котором весь опыт хранился в течение жизни. При этом в зависимости от ситуации этот процесс может оцениваться по-разному:

- 21) *I also do not want to write a true bucket list, because I feel that will put pressure on me. And what if I actually kick the bucket before I complete that list, you all will be like, «Oh, poor Myndee. She never got to complete her bucket list.»* [COCA]
- 22) *I am a wealthy man. I kick the bucket and leave an inheritance. My heirs can either squander it or add to it.* [COCA]

Так, в примере 21 автор выражает довольно распространенный страх не наполнить свою жизнь достаточным количеством опыта. В такого рода контекстах «*kicking the bucket*» воспринимается не как логическое завершение жизненного пути, а как досадное и несвоевременное происшествие, помешавшее наполнению жизненного сосуда ценным содержимым.

Пример 22 иллюстрирует другой подход к трактовке данной ситуации. В данном случае акцент делается на том, что накопленные за жизнь опыт, достижения и материальные блага после смерти будут не просто потеряны, а переданы потомкам, в результате чего смогут принести пользу и после ухода человека из жизни. В таких случаях оценка ситуации становится более положительной.

Таким образом, на основе анализа контекстов можно говорить об образной составляющей семантики *kick the bucket*. Это не просто ситуация смерти, названная определенным способом, как традиционно считается, это вполне прослеживаемая метафора: «*during one's life, a person collects a bucket of personal experiences, and when dying, he/she stops the process of collecting by kicking that bucket*».

Еще один момент, который стоит отметить, это – контекстуальная разница между идиомой *kick the bucket* и глаголом *die*. Сложно согласиться со словарями в том, что эти две единицы являются семантическими аналогами, и на это есть несколько причин.

Во-первых, это отсутствие у глагола образно-оценочной составляющей. По своей семантике *die* имеет принципиально другой контекстный потенциал, при этом в наиболее частотных контекстах у глагола отсутствует иносказательная выразительность. В то же время, как показывают приведенные примеры, *kick the bucket* всегда является образно-выразительным элементом текста, связанным с оценкой описываемой ситуации.

Во-вторых, это непосредственно особенности семантики двух единиц. При рассмотрении контекстов употребления глагола *die* не наблюдается такого акцента на накопленном жизненном опыте. Смерть далеко не всегда рассматривается как результат, конечная точка, но представляется трагическим событием как таковым:

- 23) *Now, she says, «I'm really, really scared. You don't get it until you live in a small town and you see **people die every day**».* [COCA]
- 24) «**People kick the bucket every day**», he said. «There's no sense in getting all worked about it.» [NOW]

На примере данных двух контекстов четко видна разница между описанием смерти как страшного пугающего события (пример 23) и пренебрежительно-безразличным ее описанием (пример 24), которое снимает степень трагичности этого явления. Читая последний пример, мы не представляем страдания умирающих людей или их близких: смерть видится нам как досадное, но обыденное действие, не вызывающее чувства страха или скорби.

Таким образом, проведя анализ большого количества контекстов, можно сделать вывод, что идиома *kick the bucket* является не переосмысленной единицей с непрозрачной мотивировкой, а иносказательно-выразительным или же образно-оценочным элементом текста. Ее образность основана на иносказательном потенциале входящих в ее состав лексем, а также самой ситуации, описываемой идиомой.

Оценочный же компонент идиомы исходит из ее связи с жизненным опытом человека: в зависимости от того, как оценивается говорящим этот опыт, формируется оценочный потенциал самой идиомы, причем характер оценки может быть самым разным в различных контекстах.

Исходя из этого, мы сформулировали бы дефиницию идиомы *kick the bucket* следующим образом: «*to end one's life (timely or not), as if making a sharp move that frustrates one's ability to go on pursuing one's goals and collecting important life experience*».

Наконец, последнее, что мы хотели бы рассмотреть в рамках данного исследования, – это вариативность идиомы и ее игровой потенциал, что позволит нам опровергнуть постулаты о неизменяемости и неразложимости данного сочетания.

Различные вариации идиомы, безусловно, не так частотны, как случаи употребления ее канонической формы, однако в рассмотренных примерах из корпусов нам встретилось два типа такой вариативности.

К первому типу вариаций относятся факультативные прилагательные, определяющие *bucket*, например:

- 25) *If you were to draw up a list of things you want to do before you **kick the proverbial bucket**, how many experiences would you dream up?* [iWeb]
- 26) *Why all of the arguments in favour of vegetarianism, arguments with which I had long agreed, suddenly coalesced and inspired me to **kick the carnivorous bucket** – but, there we are, they did.* [iWeb]

Сочетание в примере 25 является достаточно распространенным (11 случаев в корпусе *iWeb*) и представляет собой металингвистический маркер, характеризующий идиому как определенную единицу языка. Напротив, *carnivorous* в примере 26 относится непосредственно к описываемой ситуации, в которой автор отказывается от мяса, как бы заканчивая один этап своей жизни, и начинает новую жизнь вегетарианца. Таким образом, значение идиомы расширяется, будучи связанным уже не с ситуацией смерти, а с избавлением от привычки.

Другой распространенный тип вариативности – это случаи пассивизации сочетания. Несмотря на то, что это противоречит традиционным трактовкам идиомы, такие примеры встречаются неоднократно (суммарно 6 примеров в 3 онлайн-корпусах):

- 27) *Sadly, Rivers died in September, aged 81. And **with her bucket kicked**, the world became that bit dimmer.* [iWeb]

- 28) *No matter what proof the White House provides that Osama bin Laden indeed **has had his bucket kicked** – and at this point even al-Qaeda admits he's dead – there still will be uncertainty.* [NOW]

Предположительно, подобное употребление идиомы характеризует процесс смерти как происходящий сам по себе или же по вине третьих лиц, при этом подчеркивается, что сам субъект является не активным участником происходящего, а лишь жертвой обстоятельств.

Таким образом, контексты показывают, что вариативность идиомы вполне возможна и достаточно распространена. Это еще раз подтверждает, что компоненты идиомы не полностью переосмыслены, а сохраняют автономность до некоторой степени.

Отдельного внимания заслуживают случаи игрового или стилистического употребления идиомы. Такие контексты могут строиться непосредственно на обыгрывании компонентов идиомы или на встраивании идиомы в ряд синонимичных ей сочетаний.

Что касается последней группы контекстов, то такое употребление синонимических рядов несет достаточно выраженный эмоциональный подтекст:

- 29) *OK, fine. Here's the truth. There used to be a Santa Claus, but he died six years ago. – Santa Claus isn't dead. – Yes, he is. He had a terrible accident with one of his reindeer. Blitzen fell on him. – He's really dead? – Kicked the bucket. Bought the dirt farm. Six feet under. Pushing up the daisies. Deader than a doornail. Stiff as a board. Cold as ice. Met his maker* (COCA)

В данном диалоге говорящий довольно эмоционально пытается убедить собеседника поверить его словам, для чего намеренно повторяет свою мысль несколько раз, используя яркие образные выражения. В подобных контекстах значение имеет не столько семантика сочетания, сколько его образно-выразительная составляющая, придающая текст эмоциональность.

Подобные ряды могут использоваться и для достижения юмористического эффекта, как, например, в знаменитом скетче Монти Пайтона про мертвого попугая:

- 30) *This parrot is no more! He has ceased to be! 'E's expired and gone to meet 'is maker! 'E's a stiff! Bereft of life, 'e rests in peace! If you hadn't nailed 'im to the perch 'e'd be pushing up the daisies! 'Is metabolic processes are now 'istory! 'E's off the twig! 'E's kicked the bucket, 'e's shuffled off 'is mortal coil, run down the curtain and joined the bleedin' choir invisible!! THIS IS AN EX-PARROT!!²*

² http://montypython.50webs.com/scripts/Series_1/53.htm (дата обращения: 17.05.2022).

Юмор сценки заключается в том, что продавец никак не хотел признавать смерть попугая, в связи с чем вышедший из себя покупатель использовал весь свой запас выражений, связанных со смертью, чтобы убедить продавца в очевидном факте. Кроме того, данный отрывок впоследствии неоднократно использовался и переделывался в других контекстах в качестве культурно-юмористической отсылки.

Наконец, более интересный случай представляют собой контексты, основанные на игре слов (найдено 6 примеров из 3 онлайн-корпусов). Игровой элемент заключается в сопоставлении идиоматического значения сочетания с неидиоматическими значениями отдельных его составляющих или всего сочетания в целом:

- 31) *Ongoing treatment in psychotherapy, rehab centers or 12-step groups encourages temporary runs of sobriety, but **it's easier to kick the bucket than to kick the habit.*** (COCA)
- 32) «*The idea of going to get the family a bucket of chicken from KFC is so 1950s*», says Paul. «*Sunday dinner with a bucket of KFC just doesn't work anymore*». *While KFC isn't **kicking the bucket**, it will certainly de-emphasize it.* (COCA)
- 33) *Even if the word «memoirs» alludes to something nearing its end, **this batshit-crazy man is very much alive. The only bucket he's kicking is the one flying toward your head.*** [iWeb]

Так, в примере 31 обыгрывается иносказательное и буквальное употребление глагола *kick*, что создает несколько иронический эффект при описании сложностей борьбы с зависимостями. В примере 32, напротив, игра слов основана на различном использовании существительного *bucket*, в результате чего появляется двусмысленность самого сочетания *kick the bucket*, которое в данном контексте теряет устоявшееся значение и означает лишь «отказаться от ведерок с курицей».

Несколько другой прием используется в примере 33. Здесь прямо противопоставляется иносказательное значение *kick the bucket* («умереть») и прямое значение этого же сочетания («швырнуть ведро»). Кроме того, сама идиома в данном предложении подвергается значительным модификациям благодаря использованию эмфатической конструкции.

Анализ примеров убедительно свидетельствует о том, что сочетание *kick the bucket* является довольно подвижным и имеет большой потенциал для синтаксических и игровых модификаций. Все это говорит о том, что в сознании носителей идиома не является застывшей в языке,

неразложимой единицей, а обладает живой структурой и характерной выразительностью.

Таким образом, сопоставительный анализ традиционных трактовок и реальных контекстов употребления идиомы *kick the bucket* позволяет обосновать иносказательно-выразительный характер использования этого сочетания. Результаты проведенного исследования также могут иметь значение для дальнейшего развития теоретического анализа природы идиоматических сочетаний и восполнения пробелов в трактовке их семантики, а также для совершенствования фразеографических подходов к данным языковым единицам. Схема анализа может использоваться как для изучения отдельных идиом, так и для формулировки общих тенденций в употреблении фразеологических единиц.

Источники примеров

Электронные корпуса текстов

1. Corpus of Contemporary American English (COCA)
URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 17.05.2022).
2. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus
URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 17.05.2022).
3. News on the Web (NOW)
URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 17.05.2022).

Словари

1. Cambridge Dictionary
URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.04.2022).
2. Collins COBUILD Idioms Dictionary
URL: <https://archive.org/details/collinscobuildid0000unse> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Collins Easy Learning Idioms Dictionary
URL: https://archive.org/details/collinseasylearn0000unse_s8s8 (дата обращения: 28.04.2022).
4. Collins English Dictionary
URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 28.04.2022).

5. Farlex Dictionary of Idioms
URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
6. Farlex Partner Idioms Dictionary
URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
7. Longman Dictionary of Contemporary English
URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
8. Macmillan Dictionary
URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
9. McGraw-Hill's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions
URL: https://archive.org/details/mcgrawhillsdicti0000spea_e0t3 (дата обращения: 28.04.2022).
10. Merriam-Webster Dictionary
URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
11. Oxford English Dictionary
URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
12. Oxford Dictionary of Idioms
URL: <https://archive.org/details/siefring-2004-oxford-dictionary-of-idioms> (дата обращения: 28.04.2022).
13. The American Heritage® Dictionary of Idioms by Christine Ammer. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2003
14. The American Heritage® Dictionary of the English Language
URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 28.04.2022).
15. The Dictionary of Clichés by Christine Ammer. Skyhorse Publishing, 2013
16. The Idioms. The Largest Idioms Dictionary.
URL: <https://www.theidioms.com/> (дата последнего обращения: 28.04.2022).

ГЛАВА VIII. A NATION OF SENSIBLE TEA DRINKERS: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АВТО-, МЕТА- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ ОБ АНГЛИЧАНАХ

Великобритания – поликультурное общество, где исторически сосуществуют разные нации, представители которых формируют стереотипы друг о друге. Эти стереотипы находят отражение в языковой картине мира и влияют на межгрупповое взаимодействие. Стереотипы об англичанах, шотландцах, валлийцах и ирландцах – неотъемлемая часть языковой картины мира современного британца, следовательно их изучение является крайне актуальной задачей. Способность идентифицировать и верно интерпретировать языковые репрезентации стереотипов, анализировать самопрезентационные стратегии, связанные с выражением идентичности говорящего, выявлять манипулятивные приемы конструирования стереотипов в публицистическом дискурсе – обязательная составляющая языковой и социокультурной компетенции филолога и культуролога. Особый интерес вызывает сравнительно-сопоставительный анализ стереотипов, поскольку он позволяет выявить различия и схожие черты в содержательном и эмоционально-оценочном аспектах стереотипного образа той или иной нации, населяющей Британские острова. Данная работа посвящена сравнительно-сопоставительному анализу авто-, мета- и гетеростереотипов об англичанах на материале современного публицистического дискурса с применением методов лексико-семантического, лингвокультурологического, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа.

Будучи сложным социокультурным и когнитивным феноменом, стереотипы играют большую роль в межкультурной и межэтнической коммуникации, позволяя представителям отдельных групп экономить усилия при восприятии членов другой группы и оперировать готовым, упрощенным образом «типичного/стереотипного» представителя той или иной социальной группы. Термин «стереотип» был введен американским социологом У. Липпманом в книге «Общественное мнение» в 1922 г. У. Липпман определяет стереотипы как упрощенные образы, которые помогают экономить усилия при восприятии объектов, и обращает внимание на то, что эти образы детерминированы воспринимающей культурой, защищают ее ценности и помогают поддерживать позитивную групповую идентичность [Lippmann, 1922]. Механизм стереотипизации, в основе которого лежит категоризация, является важной когнитивной функцией человеческого мышления. Одно из часто цитируемых определений стереотипа было предложено В.С. Агеевым, который определял стереотип как

«упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей» [Агеев, 1986: 95]. Среди основных функций стереотипов, отмечаемых исследователями, – систематизация и упрощение информации, экономия усилий при ее восприятии, регуляция поведения, передача и преобразование культурных доминант, а также поддержание позитивной групповой идентичности. Стереотипы помогают разграничить «свою» и «чужую» группы, формируют «мы-чувство», которое «фиксирует осознание особенностей своей собственной группы, отличие ее от других групп, упрощая образы других групп» [Lippmann, 1922; Tajfel, 1981: 134; Маслова, 2001: 110; Миньяр-Белоручева, Покровская, 2013: 56; Стефаненко, 1999: 242]. Категоризация позволяет ориентироваться в структуре общества, почувствовать себя частью группы, испытать чувство безопасности и комфорта за счет максимизации межгрупповых различий и минимизации внутригрупповых различий. Этот когнитивный механизм требует от человека меньше когнитивных ресурсов, помогает получать «максимум информации при минимальном когнитивном усилии» [Macrae, Milne, Bodenhausen, 1994; Горшунова, 2009: 36].

Среди социальных стереотипов, которые стереотипизируют какую-то социальную группу, отдельную группу составляют этнические стереотипы. Ряд ученых разделяет этнические стереотипы, объектом стереотипизации которых является нация в целом, и этнорегиональные, объектом стереотипизации которых служит только часть этноса [Моисеев, 2009: 165]. Так, например, в контексте поликультурной Великобритании – места пересечения множества идентичностей – можно выделить два уровня этнорегиональных стереотипов: стереотипы о шотландцах, ирландцах, валлийцах и англичанах как части британской нации, с одной стороны, и стереотипы о представителях отдельных регионов или городов Шотландии, Ирландии, Уэльса и Англии, где субъектом и объектом выступает один и тот же этнос – с другой. Основной функцией этнорегиональных стереотипов М.В. Моисеев считает эталонную: этнорегиональные стереотипы «закрепляют в сознании носителей языка устойчивые ассоциации того или иного свойства именно с жителями региона, которые выступают в качестве образцового группового носителя данного признака» [Моисеев, 2015: 31]. Отмечаются также такие черты этнорегиональных стереотипов, как устойчивость, эмоциональная окрашенность, соотнесенность с культурной традицией и ориентация в прошлое [Гладких, 1999; Миньяр-Белоручева, Покровская, 2013].

По критерию «свой–чужой» этностереотипы принято делить на автостереотипы, то есть представления этнической группы о самой себе, и гетеростереотипы, то есть представления о других группах. Отдельно выделяют метастереотипы, то есть представления человека о стереотипах другой группы относительно своей или, другими словами, предполагаемые гетеростереотипы чужой группы о своей группе. Авто- и гетеростереотипы целесообразно рассматривать как систему, в которой они взаимодействуют и влияют друг на друга: «автостереотип и гетеростереотип – не автономные единицы, а структурные взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания» [Солдатова, 1998: 70]. По различиям и сходствам между авто- и гетеростереотипами можно судить об уровне взаимопонимания между этносами и степени межэтнической напряженности.

Применительно к этностереотипам можно говорить об этноцентризме: «собственная группа является центром всего, а все другие общности, да и все окружающее в целом шкалируется и оценивается в сопоставлении с ней» [Крысько, 2002: 183]. Часто при стереотипизации наблюдается ингрупповой фаворитизм – приписывание «своим» преимущественно положительных характеристик, а «чужим» – негативных [Tajfel, 1982]. В речи это явление выражается в виде высказываний, которые создают обобщенный позитивный образ членов ингруппы и обобщенный негативный образ аутгруппы. Однако в межгрупповой коммуникации не всегда задействованы негативные стереотипы в отношении членов «чужой» группы, что продемонстрировано, например, в исследовании классовых стереотипов британского общества [Кованова, Щекина, 2019]. Представляют интерес также и «атрибуции-оборотни» – черты, тождественные по смыслу, но оценивающиеся по-разному в зависимости от того, приписывают их «своим» или «чужим», и, соответственно, выраженные семантически близкими, но эмоционально противоположными средствами языка (например, англичане считают себя сдержанными, а американцы рассматривают эту же черту как холодность, снобизм) [Стефаненко, 1999: 129; Солдатова, 1998]. Степень эмоциональной заряженности стереотипа зависит от истории межэтнических отношений и контактов. Напряженные отношения и конфликты между двумя этническими группами могут приводить к формированию негативных этнических стереотипов и образованию этнических ярлыков (также *ethnic slurs*, *ethnophaulisms*, *ethnic epithets*) [Горшунова, 2009].

Богатым источником стереотипных представлений о той или иной этнической группе служат анекдоты [Тер-Минасова, 2000], однако специфика данного жанра определяет набор определенных стереотипов.

Подавляющее большинство этностереотипов, эксплицированных в анекдотах, являются негативно заряженными, что, вероятно, объясняется юмористической природой данного жанра и особенностями механизма юмора: высмеивание негативных черт представителей «чужой» группы позволяет создать чувство превосходства у представителей «своей» группы и способствует формированию позитивной самоидентичности [Кованова, 2021]. Другим источником высказываний, содержащих этностереотипы (позитивные, негативные, нейтральные), могут служить публицистические тексты. С одной стороны, стереотипы, которые являются частью картины мира, включаются в дискурс как общая когнитивная база участников, с другой – публицистический дискурс как таковой является инструментом формирования определенной идеологии и стереотипов как ее части. Этнические стереотипы широко применяются в публицистическом дискурсе для формирования общественного мнения и влияния на аудиторию, чем и был обусловлен выбор данного типа дискурса.

Исследование собранного материала (112 статей из британских газет, как английских – для выделения авто- и метастереотипов, так и шотландских, валлийских, ирландских – для выделения гетеростереотипов) показало, что **автостереотипы** об англичанах сконцентрированы в рамках следующих тем: черты характера, чувство юмора, национальные символы, погода, любовь к сельской местности, футбол, политические взгляды и отношение к собственной нации. Образ англичанина в автостереотипах неоднозначен, некоторые качества являются почти взаимоисключающими. С одной стороны, англичане считают себя честными, справедливыми, прямолинейными, о чем свидетельствуют лексемы *justice*, *honesty*, *forthrightness* в следующих примерах:

(1) *England means **justice**... **Honesty** is the great strength of the Englishman. You get a true Englishman, and you've got an **honest** man* [1].

(2) *Part of the appeal of the Brexiteers is a certain kind of John Bull English **forthrightness*** [2].

В то же время англичане приписывают себе такие противоположные этим качества, как лицемерие (*hypocrisy*) и высокомерие (*arrogant*, *out-snoot*) в нижеприведенных примерах:

(3) *It's about whether this is yet another example of English **hypocrisy*** [3].

(4) *[I], as an Englishman, **can out-snoot them effortlessly*** [4].

(5) *... The English come across as **arrogant*** [20].

Последнее качество – высокомерие или снобизм – часто ассоциируется с другим значимым автостереотипом об одержимости англичан классовой иерархией:

(6) *The English obsession with class is in great shape...* [9].

(7) *In our supposedly classless, meritocratic society, snobbery has never been so common* [15].

Стереотип об интересе, который испытывают англичане к классовой иерархии, подтверждается наблюдениями антропологов и данными социологических опросов: так, К. Фокс пишет о характерном для англичан обостренном чувстве классовости их общества (*class consciousness*) и тревоге, которую англичане могут испытывать в связи со своим социальным положением (*class anxiety*) [Фокс, 2004: 73, 406].

Характерная черта типичного англичанина – сдержанность, способность не поддаваться эмоциям, на что указывает выражение *stiff upper lip* – *a quality of remaining calm and not letting other people see what you are really feeling in a difficult or unpleasant situation* (Macmillan Dictionary):

(8) *Perhaps it goes with the stiff upper lip – that peculiarly English sense that it is as well not to mention the elephant in the room, since the elephant will still be there* [5].

Эти черты в англичанах воспитывают с детства: они растут в «спартанских» условиях, редко слышат похвалу и не должны проявлять чувств. Еще одной чертой национального характера англичан является эксцентричность (*eccentricity*) – качество, которое большинство толковых словарей английского языка определяют как *the quality of being strange or unusual*:

(9) *Looked at now, Terry And June, which demonstrates that the core of Englishness is eccentricity, is very stoical, almost moving* [19].

Англичане полагают, что обладают особым чувством юмора, которое считают неотъемлемой частью своей идентичности. Кейт Фокс отмечает, что юмор занимает центральное место в английской культуре, англичане «генетически запрограммированы на юмор»: «почти никогда разговоры англичан не обходятся без подтрунивания, поддразнивания, иронии, уничижительных замечаний, шутливового самобичевания, насмешек или просто глупых высказываний» [Фокс, 2011: 34]. Для юмора англичан характерны ирония, сарказм, абсурд, остроумие, самоуничижение; англичане любят пошутить над собой:

(10) *The cold shower of English irony and self-deprecation* [7].

(11) *My brother would like to equip his son with the capacity for witty self-mockery* [7].

(12) *It was graveyard humour, typically English, typically black* [23].

Стереотипный англичанин всегда руководствуется разумом, обладает гибким умом и жаждет найти всему логическое объяснение, проверить все опытным путем:

(13) *in a robust, no-nonsense, thoroughly empirical manner (typically English, one might almost say)* [14].

Данный стереотип подтверждается наблюдениями антропологов: как пишет К. Фокс, «эмпиризм – это наша приземленность, прозаичность, наш прагматизм, наша циничная бесцеремонная практичность; наш негибачный реализм; наше неприятие всего искусственного и претенциозного» [Фокс, 2011: 430]. В то же время англичане могут быть поразительно слепы, когда им нужно оправдать свое поведение или поведение других англичан: они могут не замечать явных проявлений расизма и ксенофобии:

(14) *The educated English travelling boor may understand that racism is wrong. But intimidating people, smashing property for the sake of it and generally treating locals like un-people is also a public form of xenophobia. It is an offshoot of the same English blindness that says this behaviour is simply a low-level background hum, lads having too much beer* [8].

В публицистическом дискурсе часто упоминается ряд символов, ассоциируемых с английской нацией: флаг и крест Святого Георгия, национальный гимн. Примечательно, что всем этим символам в статьях противопоставляются либо «Юнион Джек» и «Боже, храни королеву» как значимые символы Великобритании, либо национальные флаги и гимны Шотландии и Северной Ирландии. Противопоставление и сравнение наций внутри Великобритании – как эксплицитное, так и имплицитное – встречается очень часто и является важным компонентом британской лингвокультуры. С одной стороны, это обусловлено тем, что Великобританию населяет несколько этносов, между которыми сложились непростые отношения, а с другой – существованием британской надэтнической идентичности. Как правило, в этих текстах упоминаются выход Великобритании из Евросоюза (Брексит) и деволюция – создание местных органов власти в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе и передача им части полномочий центральными правительственными органами. Эти события, с одной стороны, вызвали кризис английской идентичности, а с другой – подъем английского национализма как ответ на него. Отмечая, что многие англичане стыдятся своей национальной идентичности, авторы статей призывают читателей гордиться своей идентичностью и использовать английские национальные символы:

(15) *Nobody should feel embarrassed about being English* [16].

(16) *If we feel proud to be English, why do we not celebrate St George's Day or display the St George's cross?* [17]

Довольно часто в прессе встречается автостереотип о плохой погоде и привычке англичан ее обсуждать. Например, в статье о кризисе

английской идентичности (*The English identity crisis: who do you think you are?*) автор говорит о том, что не существует неизменных признаков «английскости», кроме плохой погоды и природных памятников, например, Белых скал Дувра – одной из визитных карточек Англии:

(17) *But after more than 300 years of asking the same question, many are now beginning to voice their suspicions that, bar the white cliffs and the bad weather, nothing is forever England* [10].

Еще один часто встречающийся в прессе образ – образ «Merry (Merrie) England» – утопическая концепция английского общества, основанная на идиллическом пасторальном образе жизни:

(18) *A merrie England, a feudal, bucolic past where wenches served mugs of porter* [13].

Обращение к образу «Merrie England» свидетельствует о ностальгии по прошлому Англии, а также о консерватизме англичан. Часто тоску по Англии прошлого приписывают сторонникам консервативной партии, в частности, Борису Джонсону:

(19) *Boris Johnson is Merrie England: he is the perfect leader for our summer of freedom* [18].

Этот стереотип перекликается со стереотипом о любви англичан к природе и жизни за городом. Типичный англичанин мечтает жить в сельской местности, для него природа ассоциируется с тишиной и покоем:

(20) *The «more English» are more likely to be found outside the major cities* [12].

Как отмечает К. Фокс, даже в городах «англичане попросту не станут жить в многоквартирных домах с общими дворами, как горожане других стран: каждый из нас должен иметь собственную коробочку и собственный озелененный участок» [Фокс, 2011: 84].

Многие автостереотипы, которые фигурируют в качественной прессе, совпадают с набором автостереотипов, фигурирующих в желтой прессе. Однако в таблоидах появляются и новые темы, такие как стереотип о большом интересе англичан к королевской семье, что можно объяснить как направленностью желтой прессы на освещение скандальных историй из жизни знаменитостей, так и неугасающим интересом англичан к жизни королевской семьи как одной из составляющих английской национальной идентичности:

(21) *But what could be more stereotypically English than a show with a doyenne of baking, the royal family, filthy innuendo and china tea cups?* [25]

Появляется стереотип о пристрастии англичан к пиву и привычке ходить в паб:

(22) *A love of pubs, tucking in to the Sunday roast and talking about the weather have topped a list of 50 things which make us typically English... Almost 75% of people believed enjoying a beer in a pub was typically English* [42].

Для англичан пабы – «один из главнейших элементов культуры и жизни», «особая среда, со своими собственными правилами и социальной динамикой» [Фокс, 2011: 52]. Более 75% англичан ходят в пабы, и многие из них делают это, потому что в пабах наступает «культурная ремиссия» – временная «приостановка обычного социального контроля, действия традиционных правил сдержанности и невмешательства в частную жизнь» [там же: 52–53]. Также часто эксплицируются такие распространенные стереотипы, как любовь к чаю, плохая погода и привычка ее обсуждать:

(23) *Have a truly English cuppa at the country's only tea plantation, Tregothnan, Cornwall* [26].

(24) *Unseasonal, typically English rain* [24].

Анализ высказываний, содержащих **гетеростереотипы** (т.е. представления об англичанах, репрезентированные в шотландских, ирландских и валлийских изданиях), показал, что в содержательном плане они сконцентрированы вокруг знакомых тем, таких как черты характера, юмор, национальные символы, любовь к сельской местности, ностальгия, любовь к чаю, политические взгляды, расизм и отношение к нации. Основным отличием выявленных гетеростереотипов от автостереотипов является то, что для гетеростереотипов о национальном характере англичан характерна негативная оценочность. Так, шотландцы и ирландцы считают англичан самоуверенными, самодовольными, высокомерными, что подтверждают лексемы *self-assurance*, *self-righteousness*, *self-confidence*, *arrogance*, часто в сочетании с негативно окрашенными эпитетами:

(25) *His narrow and very English self-assurance – self-righteousness indeed – is undercut by his companion* [27].

(26) *Since the four kingdoms were created, we have looked to England for irrepressible – often overweening – self-confidence* [28].

(27) *The negative depiction of England, particularly when it comes to sport, in Scotland would always involve arrogance* [29].

Даже положительные качества представляются другим нациям настолько доведенными до предела, что кажутся уже отрицательными. Например, в следующем высказывании шотландец говорит о том, что англичане чрезмерно вежливы, и эта вежливость мешает им быть искренними:

(28) «*Ye'll never mak an Englishman oot o' me*», *he would say blockheadedly, suggesting **Englishness was a matter of manners so effete that they merely exposed their speaker's insincerity*** [30].

Ностальгия, свойственная англичанам, тоже представляется негативной чертой, так как шотландцы считают, что именно тоска по великому прошлому Англии времен империи привела к чувству исключительности английской нации, ее превосходства над другими, к расизму, евроскептицизму и, соответственно, Брекситу. В следующем примере приводится цитата шотландского ученого Тома Нейрна, который в своих книгах называет Англию несостоявшимся государством – без «правильной» революции, интеллигенции и капитализма. Он считает, что именно имперский менталитет (который, помимо тоски по империи, включает в себя расизм и веру в исключительность английской нации) стал причиной популярности Брексита в Англии. Нейрн, обвиняя англичан в расизме, называет Англию «страной Стивена Лоренса» – 18-летнего подростка, убитого в Лондоне на почве расовой ненависти:

(29) *In one passage, Nairn describes England as one full of «**malign Euro-scepticism... (and) brutish prejudice or post-imperial exclusives**» – and also as «the country of Stephen Lawrence» – a casual slur to tar the English with **the violent racism*** [33].

Основной причиной Брексита шотландцам и ирландцам видится подъем националистического движения в Англии. Автор одной из статей, шотландец, приводит слова английского политика, бывшего лидера Партии Независимости Соединенного Королевства Найджела Фаража, который оставил свой пост в 2016 году, после того как состоялся референдум по выходу из Европейского союза. Автор соглашается со словами Фаража о том, что национализм англичан оказался основным движущим фактором Брексита:

(30) *Nigel Farage, however, was correct to describe **Euroscepticism as «our very English rebellion»**. For Brexit was largely driven by **English nationalism**, but on behalf of what Henderson and Wyn Jones label «Britain-as-Greater England»* [32].

При этом англичане, с точки зрения представителей других наций, могут отрицать свой национализм:

(31) *The English are exceptional in not being burdened with such «dubious claims,» although as Edgerton implies, **denying their own nationalism is itself a very English way of being nationalistic*** [43].

Автор следующего примера считает, что, в отличие от националистических движений в Шотландии, Уэльсе и Ирландии, английский национализм может оказаться разрушительным для судьбы всего королевства:

(32) *It slowly occurred to me that for four centuries the United Kingdom had survived Scottish, Welsh and even violent Irish nationalism, but may not survive the rise of English nationalism* [43].

Кроме того, шотландцев и ирландцев возмущает тот факт, что благодаря своей численности англичане могут решать вопросы так, как им захочется, при этом мнение других жителей страны вряд ли сможет на что-то повлиять. Так случилось и с выходом из Евросоюза: голоса англичан были решающими на референдуме, и, несмотря на то, что и Шотландия, и Северная Ирландия проголосовали против Брексита, он все же состоялся. В следующем примере автор приводит шаблонный этнический анекдот, в котором шотландцу и ирландцу пришлось покинуть бар из-за того, что так захотел англичанин, – так же, как им пришлось покинуть Евросоюз:

(33) *It was like an old joke. An Englishman, Scotsman and Irishman go to the pub. The Englishman wants to go home – so everyone has to leave* [43].

Так же, как и сами англичане, другие жители Великобритании приписывают им особое чувство юмора (язвительность, остроумие, иронию) и благоразумие, а также некоторую долю эксцентричности и любовь к чаю, что видно в следующем примере:

(34) *And now here's Chitty Chitty Bang, Ian Fleming's quintessentially English tale of how a nation of sensible tea drinkers and brilliant eccentrics defeats a bunch of comic fascist foreigners with the help of a flying car* [31].

Анализ материала показал, что в таблоидах, по сравнению с качественной прессой, оценочный компонент многих гетеростереотипов приобретает большую негативность. Так, в следующем примере, автор-ирландец использует экспрессивную лексику (*hate*), что подчеркивает напряженные отношения между двумя нациями:

(35) *Football hooliganism, Brexit and their arrogance are main reasons Irish people hate the English* [34].

Среди негативно окрашенных гетеростереотипов об англичанах также стереотипы о том, что англичане много пьют, обожают королевскую семью и мыльные оперы, много жалуются, одержимы футбольными победами, теннисом и крикетом:

(36) *As a nation, we also dislike their obsession with their 1966 World Cup win, their fondness for the Royal family and their binge drinking habits. Beer bellies, moaning, their fixation with soap operas and their «pomp» around tennis and cricket also fail to endear them to the Irish* [34].

Особенность **метастереотипов** об англичанах, репрезентированных в качественной прессе и таблоидах, в том, что они неоднородны по своему содержанию и часто описывают почти полярные качества. Тем самым

англичане хотят показать, что эти стереотипы несправедливы и не отражают их характера и привычек. Британский историк Пол Лэнгфорд рассуждает в своей книге о том, что в разные времена англичанам приписывали такие противоположные качества, как лень и трудолюбие, честность и лицемерие, вежливость и грубость, неразговорчивость и напыщенность:

(37) *In Englishness Identified, he admits that **stereotypes of the English have often contradicted each other**. The island race has been seen as **alternately lazy and industrious, honest and hypocritical, polite and uncouth, taciturn and bombastic** [14].*

Анализ статей из качественной прессы показал, что англичане знают о том, что другие нации обвиняют их в национализме, и видят националистические настроения как негативное явление, но пытаются опровергнуть этот стереотип и возможные обвинения в расизме:

(38) *I am fed up with **people knocking the English national**. Just because I am proud to be English **does not mean I am part of the Racist Scum Brigade** and I refuse to be ashamed of who I am [35].*

Авторы статей в желтой прессе говорят о том, что англичане знают о неприязни других наций к себе из-за Брексита, футбольного хулиганства и убеждения, что все люди в мире знают английский язык:

(39) *And it seems they're pretty self-aware, **correctly citing Brexit as one of the reasons they're disliked, as well as football hooliganism and their expectation that others will speak English** [34].*

Хотя в метастереотипах преобладают негативные стереотипы (стереотип об алкоголизме англичан, об их непристойном поведении на отдыхе и др.), встречаются и положительные характеристики. Как в качественной прессе, так и в таблоидах появляется метастереотипный образ англичанина-аристократа – благородного происхождения, сдержанного, с хорошими манерами – словом, персонажа из известного британского сериала «Аббатство Даунтон». В целом, англичане отмечают влияние фильмов и сериалов на формирование образа типичного англичанина:

(40) *Foreigners brought up on the films, novels and plays of the 1920s and 1930s could be forgiven for thinking **the average Englishman was like a character out of Downton Abbey** [21].*

В целом, в прессе – как в качественной, так и в таблоидах – прослеживается тенденция опровергать метастереотипы. Авторы обращают внимание на то, что эти стереотипы противоречат друг другу:

(41) *In Englishness Identified, he admits that **stereotypes of the English have often contradicted each other** [14], или указывают на несоответствие*

стереотипу (как в вышеприведенном примере 38). Кроме того, англичане часто говорят об этнорегиональных стереотипах другого уровня, то есть стереотипизируют представителей отдельных районов, графств, городов, отказываясь от стереотипизации нации в целом. В следующем примере автор приводит отрывок из памфлета Т. Берка, где сделан акцент на контрасте между северными и южными англичанами и взаимных предубеждениях: северяне – суровые, приземленные, прямолинейные, неотесанные (с точки зрения южан), а южане – полная им противоположность. Таким образом Берк – и автор статьи с помощью его цитаты – показывают, что английская нация неоднородна и не поддается стереотипизации:

(42) «*The North cultivates the elementary qualities, the sterner virtues; the South refines upon them and cultivates the graces of life. The people of the English North are blunt of speech and manner. They say what they mean, even if it offends, and they act without regard to the more fastidious courtesies. They call it honesty. The South calls it uncouth. The North retorts by calling the manners of the South so much fuss and nonsense*». [21]

Помимо указания на противоречивость стереотипов и их опровержения, характерна попытка охарактеризовать приписываемые англичанам негативные качества как положительные (т.н. «атрибуции-оборотни», когда одно качество может восприниматься по-разному в зависимости от субъекта стереотипизации):

(43) *What the stranger might view as rudeness is in fact shyness, he explains* [21].

Ниже приводится **сравнительная таблица авто-, гетеро- и метастереотипов** об англичанах в качественной прессе (К) и таблоидах (Т).

Таблица 1

Признак	Автостереотип		Гетеростереотип		Метастереотип	
	К	Т	К	Т	К	Т
Честность	+				+	
Сдержанность	+		+		+	
Скромность	+	+		+		
Невежество	+					
Лицемерие	+					
Самоуничижение	+					

Признак	Автостерео-тип		Гетеростерео-тип		Метастерео-тип	
	К	Т	К	Т	К	Т
Склонность преуменьшать	+	+				
Самоуверенность	+		+			
Высокомерие	+		+	+		
Хорошие манеры					+	
Эксцентричность	+	+	+	+	+	
Аристократичность			+		+	+
Снобизм	+	+	+			
Особое чувство юмора	+	+	+			
Ум, благоразумие	+		+			
Национальные символы	+	+				
Консерватизм		+			+	
Национализм			+	+	+	
Брексит	+	+		+		
Расизм	+		+		+	
Любовь к сельской местности	+	+	+			
Плохая погода	+	+				
Ностальгия	+		+			
Любовь к чаю	+	+	+			
Футбольное хулиганство	+			+		+
Королевская семья			+	+		
Пристрастие к пиву			+	+		

В целом, можно отметить, что в образе англичанина в гетеростереотипах как в качественной прессе (68% примеров), так и в таблоидах (77%) встречаются в основном негативные качества. Это можно объяснить тем, что одна из важных функций стереотипизации – межгрупповая дифференциация. Таким образом, гетеростереотипы позволяют автору и читателю «испытать чувство безопасности и психологического комфорта за счет максимизации межгрупповых различий и минимизации внутригрупповых различий, оформленных в виде стереотипов» [Кованова, Щекина, 2019: 198].

В автостереотипах, напротив, проявляется ингрупповой фаворитизм – приписывание «своей» группе более положительных характеристик, поэтому количество негативных стереотипов в качественной прессе значительно ниже – 17%. В желтой прессе процент негативных автостереотипов меньше, чем негативных гетеростереотипов, но выше, чем в качественной прессе (40%). При этом отметим следующие особенности. Во-первых, англичане приписывают себе некоторые негативные качества, которые не встречаются в гетеростереотипах (например, невежество и лицемерие). Во-вторых, нейтральные качества встречаются в таблоидах чаще, чем положительные; доля нейтральных автостереотипов в качественной прессе также высока. С одной стороны, это можно объяснить спецификой желтой прессы – ориентированностью на менее образованного читателя и публикацией сенсационно-скандальных материалов. С другой стороны, это отражает склонность англичан к самоуничижению: «у нас существуют строгие правила, предписывающие нам создавать видимость скромности, в том числе запрещающие хвастовство и важничанье в любой форме, и есть правила, обязывающие нас принижать свои достоинства и шутить над самими собой» [Фокс, 2011: 275].

Кроме того, британская и английская национальная идентичность тесно взаимосвязаны, так как в основе британской идентичности лежит идентичность «титულიной» нации – англичан [Федорова, 2009: 88]. Понятия English и British часто являются взаимозаменяемыми, используются как синонимы, и в целом многие стереотипы, которые встречаются в текстах про англичан, приписывают и британскому народу в целом. Кроме того, многие англичане обладают двойной идентичностью: относят себя и к англичанам, и к британцам. Однако такие факторы, как деволуция, референдум о независимости Шотландии и Брексит, привели к кризису национальной идентичности. Для некоторых английская нация стала ассоциироваться с негативными чертами:

расизмом, чувством исключительности, снобизмом и т.д. Такие люди предпочитают ассоциировать себя не с Англией, а с Британией. Другим же важно переосмыслить английскую идентичность: они указывают на негативные черты, ассоциируемые с английской нацией (как в авто-, так и в метастереотипах), и пытаются их оспорить.

Среди выявленных стереотипов можно выделить ядерные – те, которые встречаются чаще – как в авто-, так и в гетеростереотипах. К ним можно отнести сдержанность, скромность, высокомерие, эксцентричность, снобизм, особое чувство юмора, любовь к сельской местности, привычку пить чай и евроскептицизм.

Что касается **языковой актуализации стереотипов**, можно выделить некоторые общие для всех видов стереотипов способы репрезентации – как эксплицитные, так и имплицитные, которые выражаются на лексическом и синтаксическом уровнях. Наиболее частотны средства, которые указывают на регулярность факта, его распространенность и универсальность, такие как конструкции со сказуемым в Present Simple или Present Perfect, либо конструкции с модальным глаголом *will/would*, часто в сочетании с наречиями *often, always, never*:

(44) *English people often say they want one thing while doing something else entirely* [38].

На универсальность какого-то факта, его применимость ко всем представителям группы также указывают прилагательные *typical, stereotypical, quintessential* и образованные от них наречия:

(45) *I could see Bruce wanted to talk to me but, typical English, he was very shy* [41].

(46) ... «*silence is golden,*» *which I thought to be a quintessentially English proverb...* [14].

Для этой же цели могут использоваться прилагательные *true, proper* в сочетании с этнонимами:

(47) *Hewlett, with a true Englishman's irony and self-deprecation, understood that* [6].

Они семантически близки к прилагательным *typical, quintessential, traditional, stereotypical*, но обладают большей положительной оценочностью. К этой же группе средств относится использование конструкций с прилагательным-этнонимом и существительным, обозначающим стереотипную черту, часто в сочетании с определенным артиклем *the* и/или наречием *very*, указывающими на известность стереотипа:

(48) *The English sense of humour was deemed the best part of any pantomime performance* [22].

(49) *The very English wit of the Beatles* [37].

Они характерны для репрезентации гетеро- и метастереотипов и иногда встречаются в автостереотипах в таблоидах. На универсальность и известность явления могут указывать и такие синтаксические средства, как использование неограничительного определительного придаточного:

(50) *He was, it must immediately be acknowledged, an ironist, which all true Englishmen are* [30].

Кроме того, в тексты статей могут включаться прецедентные феномены: названия фильмов, книг, имена и т.д. Такие прецедентные имена (как имя Джона Булля в нижеприведенном примере) хорошо известны адресату и вызывают у него определенные ассоциации, которые он проецирует на стереотипизируемую группу:

(51) *No account of what makes John Bull tick would be complete without mention of our greatest preoccupation, the weather* [21].

В редких случаях для репрезентации стереотипа могут использовать графические средства, такие как архаичное написание:

(52) *Ye Olde Merrie England morphed into Industrial Revolution in a few moments of quite staggering stagecraft* [40].

Для выражения автостереотипов авторы используют средства, позволяющие идентифицировать себя с английской нацией, – личные и притяжательные местоимения первого лица:

(53) *Nevertheless, we English people don't really have a clue how to party, fiesta, or even to karamu* [39].

Для репрезентации гетеростереотипов, напротив, используют местоимения третьего лица, чтобы выделить стереотипизируемую группу как «чужую»:

(54) *They think they're the best at everything* [34].

Автостереотипы также могут быть репрезентированы с использованием местоимения третьего лица, что дает автору возможность дистанцироваться от стереотипизируемой группы и достичь большей объективности:

(55) *We may bemoan the English for their obsession with class* [9].

(56) *His dryness, his self-possession, his honesty, his caustic wit in the face of extinction. Damn it all – his sang-froid (as with most quintessential English characteristics, only a French tag will do it justice) made me for a wrenching, choking second or two, proud to be English* [9].

Для репрезентации гетеростереотипов в таблоидах, как правило, используется более экспрессивная лексика (пример 35).

Как в авто-, так и в гетеростереотипах англичан противопоставляют Великобритании или другим нациям в ее составе. Эксплицитное противопоставление стереотипизирующей и стереотипизируемой нации выражается с помощью сложносочиненных предложений с противительным союзом *but*, лексических повторов, параллелизма, сравнительной степени прилагательных и наречий, лексемы *same*:

(57) *England means more to me than Britain. England means justice. You don't even get the same justice in Wales* [1].

Для выражения метастереотипов используются средства, предполагающие наличие внешнего воспринимающего субъекта, в частности, на лексическом уровне причастие *so-called*, существительные: *assertion, image, depiction, view*, наречие *supposedly* и синонимичные им:

(58) *The supposedly reserved English, for example, tend to score highly on extraversion in personality questionnaires. The so-called English reserve is certainly far more complex and contextual than the crude stereotype would suggest – as is its opposite, English hooliganism* [17].

(59) *The traditional image of the English was of excess and exhibitionism* [14].

На синтаксическом уровне используются пассивные конструкции с глаголами восприятия, а также с глаголом *accuse*, который предполагает, что приписываемое англичанам качество не является таковым в действительности:

(60) *With his dapper military moustache and immaculate charcoal grey suit, John was seen by his federalist friends as a stereotypical Englishman* [11].

(61) *We often get accused of being arrogant as English people but I think that's completely wrong* [36].

То же самое предполагает и лексема *myth*, а также слова с негативной коннотацией, используемые по отношению к предполагаемому стереотипу:

(62) *On page 26 he takes an axe to the Downton myth of the stereotypical Englishman* [21].

Для опровержения метастереотипов используются также придаточные уступки, союз *although*, фраза *contrary to*:

(63) *...although, contrary to common assertions about racism and xenophobia...* [12].

На распространенность предполагаемых убеждений указывают лексемы: *tradition, traditional, common, commonly*:

(64) *He tends to begin a paragraph by paraphrasing some commonly held view of the English* [14].

Подводя итог, можно сказать, что комплексный анализ содержательных и оценочных аспектов стереотипов об англичанах невозможен без обращения к работам социологов, без анализа исторического прошлого страны, без учета сложных отношений между нациями и таких важных событий, как деволуция, референдум о независимости Шотландии и Брексит. Анализ стереотипов об англичанах неразрывно связан с вопросом о национальной идентичности англичан, с английскостью и британскостью, с дебатами о будущем Англии и Соединенного Королевства в целом. Попытка сравнить взгляд англичан на самих себя (автостереотипы), их предположения о том, какими они кажутся другим (метастереотипы), и взгляд представителей других наций на англичан (гетеростереотипы) позволили выявить существенные сходства и различия в образе типичного англичанина, а также ряд самопрезентационных стратегий. С одной стороны, анализ подтвердил существующие стереотипы и наблюдения социологов в отношении англичан (чувство юмора, самоуничижение, сдержанность, эмпиризм и др.), с другой – выделил новые неожиданные характеристики (невежество, эксцентричность). В работе также был сделан ряд интересных наблюдений о способах репрезентации разных видов стереотипов, а также разнице в представлении образа англичанина в качественной прессе и таблоидах.

Источники примеров

1. Billy Bragg. Let's celebrate what it means to be English.
URL: <https://www.theguardian.com/uk/2008/apr/23/britishidentity>
(дата обращения: 25.05.2022).
2. Timothy Garton Ash. England can be true to itself, if liberals reclaim patriotism.
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/apr/15/england-liberals-patriotism-nationalism-flag-st-george-right> (дата обращения: 25.05.2022).
3. Andy Bull. Pitch battle is a proxy for India and England's 150-year struggle for control.
URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2021/mar/03/cricket-pitch-battle-is-a-proxy-for-india-and-englands-150-year-struggle-for-control> (дата обращения: 25.05.2022).
4. Chris Leadbeater. The truth behind French stereotypes, from its surly waiters to its lousy music.
URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/>

- france/articles/the-truth-about-french-liches/ (дата обращения: 25.05.2022).
5. Chagos Islands: open secrets.
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/apr/18/chagos-islands-open-secrets> (дата обращения: 25.05.2022).
  6. The Observer view on Steve Hewlett.
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/26/observer-view-steve-hewlett> (дата обращения: 25.05.2022).
  7. Zoe Heller. Help! I'm turning into an American parent.
URL: <https://www.telegraph.co.uk/comment/4258335/Help-Im-turning-into-an-American-parent.html> (дата обращения: 25.05.2022).
  8. Barney Ronay. England right to call out racism but noisy minority is sending a different message.
URL: <https://www.theguardian.com/football/blog/2019/oct/14/england-racism-euro-qualifiers-barney-ronay> (дата обращения: 25.05.2022).
  9. Will Self. Will Self: The Valley of the Corn Dollies.
URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/jan/17/will-self-valley-corn-dollies> (дата обращения: 25.05.2022).
  10. Amelia Hill. The English identity crisis: who do you think you are?
URL: <https://www.theguardian.com/uk/2004/jun/13/britishidentity.ameliahill> (дата обращения: 25.05.2022).
  11. David Coombes. John Pinder obituary.
URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/apr/07/john-pinder-obituary> (дата обращения: 25.05.2022).
  12. John Denham, Lawrence McKay. England: the forgotten nation that remade the politics of the UK.
URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/england-the-forgotten-nation-that-remade-the-politics-of-the-uk> (дата обращения: 25.05.2022).
  13. Steven Morris. Lectures, laughs and liberation: Will Self leads walking tour of Bristol.
URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/19/lectures-laughs-and-liberation-will-self-leads-walking-tour-of-bristol> (дата обращения: 25.05.2022).
  14. A study in stereotypes: English identity under scrutiny.
URL: <https://www.theguardian.com/books/2000/dec/07/londonreviewofbooks> (дата обращения: 25.05.2022).

15. Lara Prendergast. Snobbery in the age of social media.
URL: <https://www.spectator.co.uk/article/snobbery-in-the-age-of-social-media> (дата обращения: 25.05.2022).
16. Allister Heath. Let's celebrate the new Englishness and become a nation of flag wavers.
URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/07/05/celebrate-new-englishness-become-nation-flag-wavers/> (дата обращения: 25.05.2022).
17. Kate Fox. No patriotism please, we're English.
URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2014/05/no-patriotism-please-we-re-english> (дата обращения: 25.05.2022).
18. Rachel Wolf. Tests for the delivery of levelling up, and levers with which to deliver it.
URL <https://www.conservativehome.com/platform/2021/05/rachel-wolf-tests-for-the-delivery-of-levelling-up-and-levers-with-which-deliver-it.html> (дата обращения: 25.05.2022).
19. Roger Lewis. She was the Queen of comedy who starred with absolutely everyone from the cast of EastEnders and Coronation Street to the Carry On films.
URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6540521/ROGER-LEWIS-pays-tribute-Dame-June-Whitfield-six-decades-showbiz-dying-aged-93.html> (дата обращения: 25.05.2022).
20. Danny Gallagher. Slaven Bilic thinks it's arrogant, Graeme Souness believes the song should be banned but Gary Lineker insists it's just the English sense of humour... so, who is right about 'Football's Coming Home'?
URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-5958037/Footballs-Coming-Home-Arrogant-English-sense-humour.html> (дата обращения: 25.05.2022).
21. Dominic Midgley. World War Two GI guide about 'the English' to be republished after 70 years.
URL: <https://www.express.co.uk/news/history/720495/WWII-GI-guide-English-republished-WWII> (дата обращения: 25.05.2022).
22. Andrew Young. Cinderella named as favourite panto in national poll – followed by Jack and the Beanstalk.
URL: <https://www.mirror.co.uk/lifestyle/going-out/cinderella-named-brits-favourite-panto-25579096> (дата обращения: 25.05.2022).
23. Sunday People. Liverpool 3-0 West Ham: Roy's Reds Av a laugh.
URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/liverpool-3-0-west-ham-roys-1694167> (дата обращения: 25.05.2022).

24. Byron Young. Australian GP: Jenson Button urging Brit fans to get up early to watch him race.
URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/formula-1/australian-gp-jenson-button-urging-384413> (дата обращения: 25.05.2022).
25. Sara Wallis. Mary Berry TV special with Wills and Kate was true Britishness as its very best.
URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/mary-berry-tv-special-wills-21141320> (дата обращения: 25.05.2022).
26. Melissa Thompson. St George's Day 2013: 101 things to try before you die without leaving England.
URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/st-georges-day-2013-101-1848785> (дата обращения: 25.05.2022).
27. Book review: Of Men and Angels by Michael Arditti.
URL: <https://www.scotsman.com/arts-and-culture/book-review-men-and-angels-michael-arditti-1431131> (дата обращения: 25.05.2022).
28. Rosemary Goring. Let's enjoy this surge of happiness while we can.
URL: <https://www.heraldscotland.com/opinion/16277265.rosemary-goring-enjoy-surge-happiness-can/> (дата обращения: 25.05.2022).
29. Ewan Murray. Scotland v England nowadays means much more north of the border.
URL: <https://www.theguardian.com/football/2017/jun/08/scotland-england-means-more-north-of-border> (дата обращения: 25.05.2022).
30. Ian Jack. What is a 'true Scot'? I've no idea, but the phrase belongs to another era.
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/sep/14/what-is-a-true-scot-ian-jack> (дата обращения: 25.05.2022).
31. Theatre review: Chitty Chitty Bang Bang.
URL: <https://www.scotsman.com/arts-and-culture/theatre-and-stage/theatre-review-chitty-chitty-bang-bang-1465447> (дата обращения: 25.05.2022).
32. Colin Kidd. The revolt of the English.
URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2021/06/englishness-aisla-henderson-richard-wyn-jones-gavin-esler-review> (дата обращения: 25.05.2022).
33. John Lloyd. The Scottish literary giants who stoked the fires of Anglophobia.
URL: <https://www.spectator.co.uk/article/>

- the-scottish-literary-giants-who-stoked-the-fires-of-anglophobia (дата обращения: 25.05.2022).
34. Aoife Finneran. Love To Hate. Football hooliganism, Brexit and their arrogance are main reasons Irish people hate the English new survey reveals.
URL: <https://www.thesun.ie/news/3285332/reasons-irish-dislike-english/> (дата обращения: 25.05.2022).
35. Are the English violent?
URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/talking_point/596717.stm (дата обращения: 25.05.2022).
36. Robert Kitson, Tom Jenkins. Chasing the chariot.
URL: <https://www.theguardian.com/sport/ng-interactive/2015/sep/04/chasing-the-chariot-in-search-of-the-soul-of-english-rugby> (дата обращения: 25.05.2022).
37. Jasper Rees. Gemma Arterton and Rupert Goold, star and director of musical Made in Dagenham, interview.
URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/theatre/11210509/Gemma-Arterton-Rupert-Goold-Made-in-Dagenham.html> (дата обращения: 25.05.2022).
38. Sean Ingle. Para scandal: call a doctor or British cheats will continue to prosper.
URL: <https://www.theguardian.com/sport/2017/nov/06/para-scandal-cheats-prosper-race-medals-money> (дата обращения: 25.05.2022).
39. Hot Chip. Glastonbury festival: rant and rave.
URL: <https://www.theguardian.com/music/musicblog/2007/jun/22/glastonburyfestivalrantandrave> (дата обращения: 25.05.2022).
40. Robert Hardman. In hi-tech, our island story – with notable omissions including Charles Dickens, the English language and television.
URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2180137/In-hi-tech-island-story-notable-omissions-including-Charles-Dickens-English-language-television.html> (дата обращения: 25.05.2022).
41. Alun Palmer. Latin beauty says bond with TV legend husband Sir Bruce Forsyth stronger than ever.
URL: <https://www.dailyrecord.co.uk/entertainment/celebrity/latin-beauty-says-bond-tv-1086063> (дата обращения: 25.05.2022).

42. From queuing to sarcasm: The 50 things that make us English.
URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/from-queuing-to-sarcasm-the-50-things-that-make-230724> (дата обращения: 25.05.2022).
43. Gavin Esler: English nationalism and the journey to the end of Britain.
URL: <https://www.thenational.scot/news/19106059.gavin-esler-journey-end-britain/> (дата обращения: 25.05.2022).

ГЛАВА IX. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 14 ВЕКА «СЭР ГАВЕЙН И ЗЕЛЕНЬЙ РЫЦАРЬ»

Ученые-историки могут с достаточной точностью установить период возникновения рыцарства на Британских островах, т.к. известно, что его принесли с материковой части Европы нормандцы во главе с Вильгельмом Завоевателем в XI в. Несмотря на различные изменения, которым подвергалось рыцарское сословие на протяжении истории, оно всегда занимало достаточно важное место в социальной иерархии средневековой Англии. Первоначально рыцарство представляло собой исключительно военную силу, а именно – тяжеловооруженную конницу; в первую очередь, рыцарь – это воин, сражающийся верхом [Saul, 2011, 7]. С другой стороны, рыцарство переросло в самостоятельное сословие, связанное с различными идеологическими доктринами, прежде всего христианскими, определенным самосознанием и духом коллективизма, а также вполне определенным высоким социальным статусом [Barber, 1995]. В период позднего средневековья изменения в английском обществе влекут за собой изменения в структуре рыцарства. Основная роль рыцаря уже не является исключительно военной, и, более того, воинская составляющая перестает быть определяющей. Начинается процесс трансформации рыцаря-воина в представителя «гражданской» аристократии, из которой, впоследствии, вырастает аристократия эпохи Возрождения. При этом меняется и культура, окружающая рыцарство, что находит отражение и в литературе, написанной о рыцарстве и для рыцарей. Настоящая работа посвящена исследованию текста позднесредневекового поэтического рыцарского романа «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Наше внимание привлек аксиологический аспект романа, а именно лингвистические средства, с помощью которых актуализируются ценностные характеристики рыцарского сословия, а также ценностные представления западноевропейского средневекового общества относительно образа рыцаря. Изучение ценностных характеристик, актуализирующихся в тексте поэмы, позволяет расширить представление о языковой картине мира средневекового человека, принадлежавшего к определенной социальной группе.

Понятие ценности, центральное для аксиологии, уже некоторое время входит сферу научного интереса лингвистов. В широком смысле, ценности представляют собой «любой предмет любого интереса»

[Ивин, 2010, 67]. В лингвистике, как и в философии, не существует общепринятого определения этого понятия. В рамках настоящего исследования мы принимаем точку зрения В.И. Карасика, который определяет ценности как «наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения» [Карасик, 1996, с. 1]. Ученый рассматривает ценности как составляющие т.н. ценностной картины мира, которая представляет собой аспект языковой картины мира, и предлагает принять разделение на персонально-обусловленные и социально-обусловленные ценности. Между этими категориями не существует четких границ, однако же они приблизительно совпадают с границами языкового коллектива. Кроме того, ученый отмечает возможность выделить ценности по типу цивилизации, приводя в пример ценности средневекового христианства или современного постиндустриального общества [там же]. Ученый при этом исходит из ряда положений, которые, помимо прочего, постулируют взаимосвязь языка с иными элементами культуры, в частности юридическими, религиозными и моральными нормами, «общепринятыми суждениями здравого смысла», фольклорными и литературными сюжетами [Карасик, 1996, с. 2], а также вводит понятие «ценностных доминант» – культурных смыслов, являющихся наиболее существенными для данной культуры. Предполагается, что совокупность ценностных доминант «образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [там же]. Изучение ценностных доминант требует разностороннего подхода и необходимости принять во внимание данные других гуманитарных дисциплин [Карасик, 1996, с. 3]. Другим важным для лингвоаксиологии понятием является оценка. А.А. Ивин считает оценку результатом ценностного отношения объекта к субъекту. Языковое выражение ценностного отношения, по мнению ученого, чаще всего актуализируется через имплицитное или эксплицитное «должно быть»: «ученый должен быть критичным», «металл должен быть ковким», формами «хорошо (плохо, безразлично), что это и то» или «должно быть». В явных сравнительных оценках используются наречия «лучше» («предпочтительнее»), «хуже» и «равноценно» [Ивин, 2010, 69].

Итак, представления о мире у человека современной эпохи естественным образом будут отличаться от представлений человека любой другой эпохи. При этом, Средние века зачастую ассоциируются у современного человека с упадком цивилизации и отсутствием культуры. Само понятие «средневековье» несет в себе некоторую негативную

оценку еще со времен его введения в употребление. Такое представление об этом периоде истории во многом объясняется тем, что современному человеку плохо понятна картина мира средневекового человека. А.Я. Гуревич в своей работе «Категории средневековой культуры» рассматривает различные аспекты человеческой жизни в средневековье на примере таких понятий, как право, время и др. Историк отмечает, что без понимания ценностных ориентаций, которым следовали люди того времени, невозможно понимание их поведения или культуры. Важнейшей характеристикой средневекового взгляда на мир была целостность, с которой средневековый человек воспринимал действительность, что отражается и в литературных трудах того времени: средневековые ученые стремились охватить в своих работах все мироздание, что являлось выражением обозримости и законченности мира, а в центре этого мира, как предполагалось, находится бог (в христианском понимании). Кроме того, литература во многом служила «руководством» для людей того времени, в ней воплощались различные идеалы и нравственные ориентиры, которым должно соответствовать общество [Гуревич, 1984].

Значительность роли литературы в средневековом обществе отмечает и историк-медиевист Р. Каупер, занимавшийся, в первую очередь, изучением вопросов истории рыцарства в средневековой Европе. Сами по себе рыцарские романы, как отмечает Р. Каупер, вряд ли являлись прямым отражением того, что рыцарство представляло собой в реальности. Чаще эти литературные произведения носили прескриптивный характер: они освещали идеалы, то, что рыцарство должно было представлять собой [Каупер, 1999, 33]. В то же время, рыцарские романы нельзя назвать лишеными описательности, т.к. авторы подобных произведений часто предлагают нам описание реальных явлений, характерных для своей эпохи. Р. Каупер высказывает предположение о том, что такое введение описания реальных явлений было либо сознательным, несущим в себе цель демонстрации отрицательных поведенческих практик, требующих изменения в лучшую сторону, либо же бессознательным, носящим фоновый характер, в то время как автор фокусирует внимание читателя на каких-либо других аспектах рыцарской жизни или поведения. При этом, как считает историк, реальность скрывается в тексте, несмотря на то, что является ли текст «дескриптивным» или «прескриптивным» [там же].

Следует отметить, что на протяжении всего периода средневековья ученые и авторы того времени проявляли интерес к проблемам

рыцарства и посвящали им труды, разнообразные по тематике и содержанию. Помимо рыцарских романов, известны многочисленные трактаты, содержавшие в себе советы, касающиеся военного мастерства и поведения на поле битвы. Среди них такие работы, как «Книга о рыцарском ордене» («*Libre de l'orde de cavalleria*») Раймонда Луллия и «Книга Рыцарства» («*Livre de chevalerie*») Жоффруа де Шарни. Одновременно с тем, популярны были и трактаты, освещавшие социальную сторону рыцарства, учтивость, придворные манеры, общение с дамами и т.д. Одним из таких трактатов был «*Stans Puer ad Mensam*», в котором, среди прочего, описывались столовый этикет и учтивая манера речи – вещи, необходимые для выстраивания социальных отношений. Второй тип трактатов зачастую полностью игнорировал воинский аспект рыцарства [Lindsay, 2012, 10]. Вместе с тем, существуют основания полагать, что рыцарские романы также играли значительную роль в формировании представлений о рыцарстве. Историки отмечают, что литература на рыцарскую тематику была очень востребована в аристократических кругах, чем и было обусловлено появление большого количества произведений с «артуровскими» сюжетами в период позднего средневековья [Saul, 2011, 308]. Рыцари и другие придворные-мужчины, наряду с придворными дамами, очевидно, охотно читали (или слушали) произведения этого жанра. К примеру, упомянутые выше Жоффруа де Шарни и Раймонд Луллий, сами являвшиеся рыцарями, были явно хорошо знакомы с сюжетами артуровского цикла и другими произведениями рыцарской прозы [Каеурер, 1999, 31].

Материалом настоящего исследования является поэма «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», которую, бесспорно, можно назвать одним из наиболее значимых произведений куртуазной среднеанглийской литературы. Это произведение принадлежит к так называемому периоду аллитерационного возрождения, а его сюжет относится к артуровскому циклу.

К сожалению, нам неизвестно, являлся ли сам автор Гавейна рыцарем, равно как нам неизвестны ни подробности его жизни, ни даже его имя. Он, очевидно, следуя традиции т.н. аллитерационного возрождения, пожелал остаться анонимным. С момента первой публикации поэмы в 1839 году ученые, изучающие эту поэму, традиционно уделяют некоторое внимание вопросу личности автора, вследствие чего на эту тему существует множество рассуждений. Однако, ввиду невозможности ни доказать, ни опровергнуть эти рассуждения, вопрос авторства остается открытым и по сей день.

Некоторые данные все же удается извлечь из текста поэмы. В первую очередь, это временные рамки, в которые, как предполагается, была написана поэма. Большинство экспертов, основываясь на палеографических данных, склонны полагать, что автор *Гавейна* жил и творил во времена правления Ричарда II (1377–1399 г.), т.е. он являлся современником таких авторов как, Дж. Гауэр, У. Ленгленд и Дж. Чосер (см. [Burrow, 1971], [Bennet, 1983], [Thomas, 2020], [A companion, 1999]). Кроме того, можно с уверенностью заявить, что автор *Гавейна* обладал глубокими познаниями о деталях придворной жизни и был в целом очень образованным человеком, хорошо знакомым с литературными сюжетами артуровского цикла, которые черпал как из англоязычных, так и франкоязычных источников [Foster, 1997, 403]. В центре сюжета – молодой рыцарь Гавейн, отправляющийся в путешествие с целью исполнения условий «рождественской игры», предложенной мистической фигурой, известной как Зеленый Рыцарь. Поэма включает в себя множество интересных мотивов, как типичных, так и не совсем типичных для рыцарского романа [Lindsay, 2012]. Интересно то, как автор комбинировал общеизвестные сюжеты, например, сюжет с игрой «в обезглавливание», встречающийся еще в легендах Уладского цикла, записанных около XI–XII вв. [A companion, 1999], а также мотив искушения героя, который не имеет какого-то одного определенного аналога. Дж. Винни предлагает в качестве возможного источника этого элемента валлийский цикл легенд *Мабиногион*, в одном из эпизодов которого герой Пуил в качестве испытания вынужден спать в одной постели с королевой, однако же здесь герой не подвергается искушению с ее стороны [Winny, 1992, XII]. Французский роман «*Chevalier à l'épée*», центральным героем которого также является Гавейн, имеет похожий сюжет, где дама активно соблазняет героя [Winny, 1992], [Волконская, 2012].

Долгое время было принято считать, что «*Сэр Гавейн*» был написан провинциальным автором, возможно, мелким лордом или рыцарем, что объяснило бы его познания о различных деталях рыцарской и придворной жизни, включающей такие детали, как описание церемоний, одежды, обмундирования и оружия, которые занимают значительное место в его произведениях. Предположение о локальном провинциальном характере поэмы «*Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь*» было основано на диалектологических данных, явно указывающих на то, что автор *Гавейна*, также как и писец, чьему перу

принадлежит единственная сохранившаяся копия поэмы, были носителями северо-западного Мидлендского диалекта английского языка [A companion, 1999, 240]. Однако же, некоторые исследователи полагают, что в этом вопросе нельзя основываться лишь на диалекте, т.к. автор *Гавейна* вполне мог писать свои произведения, живя вдали от своего родного графства [Bennet, 1983]. М. Дж. Беннет полагает, что в провинциальных английских графствах вряд ли бы нашлась подходящая для такого рода произведения публика. Такого же мнения придерживается и А. Томас, который считает работу автора *Гавейна* «изохронными творениями поэта-космополита, служившего при королевском дворе и ориентированного на лондонскую публику» [Thomas, 2020, 85]. По мнению ученых, автор *Гавейна* служил при королевском дворе, где не только имелась широкая образованная публика, но и существовали возможности для путешествий и сбора нового материала для поэмы, так как Ричард II, зачастую окруженный многочисленной свитой, состоявшей из представителей аристократии и духовенства, не раз отправлялся за пределы столицы и, путешествуя по стране, останавливался в таких городах, как Йорк, Личфилд, Честер и Дублин [Saul, 2011]. Во время таких «полевых экспедиций» поэт имел бы возможность услышать устные версии некоторых легендарных сюжетов, а затем использовать их в своем произведении; этим можно было бы объяснить, к примеру, очевидные параллели между «*Сэром Гавейном*» и ирландским эпосом Уладского цикла [A companion, 1999, 245].

Учеными-медиевистами неоднократно подчеркивалась неразрывная связь рыцарства и насилия (см. напр. [Каупер, 1999], [Keen, 1984], [Saul, 2011]), более того, последнее является основополагающим для первого. Р. Каупер подробно исследовал этот вопрос, а в особенности роль т.н. «рыцарского кодекса» в попытках регулирования и легитимизации насилия. В Средние века быть рыцарем считалось благородным занятием: проявление воинского мастерства приносило честь и признание. Автор отмечает, что средневековые ученые мужи стремились внести элемент критики в свои произведения, таким образом пытаясь сдерживать и «направлять» насилие, исходившее от целого класса обученных воинов, однако оно все также оставалось центральным элементом рыцарства [Каупер, 1999, 35]. Помимо «насильственного» или воинского аспекта, другими основополагающими аспектами рыцарства выступали благородство, или куртуазность, а также религиозность [Keen, 1984, 17].

С.Р. Линдси, изучив ряд рыцарских романов о Гавейне, отмечает наличие двух сложившихся точек зрения. С одной стороны, можно наблюдать принятие меняющейся роли и природы рыцарства; воинские качества, такие как доблесть и умение сражаться, отходят на второй план, уступая место социальным навыкам различного характера, а также религиозности. С другой стороны, польза от упомянутых социальных качеств часто ставится под сомнение (иногда в рамках одних и тех же литературных произведений), а также поднимается проблема рыцарства в отрыве от насилия, с которым оно всегда было связано исторически [Lindsay, 2012, 2], [Kaeuper, 1999]. При этом Гавейн как персонаж фольклора и литературы в целом имел относительную популярность в Англии на протяжении XIV–XV вв. Он фигурирует в многочисленных произведениях того периода, однако первые упоминания о нем в письменных источниках относятся еще к XI–XII вв. В английских рыцарских романах Гавейн нередко является главным действующим лицом и, судя по их количеству, самым популярным рыцарем Круглого стола; он также имеет вполне устоявшуюся репутацию галантного, куртуазного рыцаря, приверженца рыцарского кодекса чести [Lindsay, 2012]. При этом рыцарские качества, которыми наделяют Гавейна авторы различных произведений с его участием, часто разнятся. Гавейн представляет собой репрезентацию рыцарского идеала в широком смысле, на его примере можно увидеть разные вариации того, каким видели «идеального» рыцаря те или иные авторы, что особенно интересно в контексте трансформации социальной роли рыцаря в позднесредневековой Англии.

В рамках настоящего исследования нами был изучен текст поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Опираясь на изложенные выше теоретические материалы, мы рассмотрели различные ценностные категории, в общем вписывающиеся в определенные выше аспекты рыцарства, которые мы считаем соответствующими группам ценностных аспектов рыцарства (воинскому, религиозному, а также аспекту благородства). Кроме того, при исследовании каждого аспекта в отдельности были выделены некоторые аксиологические категории в рамках того или иного аспекта. При определении этих категорий мы ориентировались на следующие критерии: 1) репрезентация указанных ценностных категорий в тексте; 2) их соответствие исторически обусловленному контексту. Далее мы подробнее опишем некоторые из них.

Аспект благородства

Настоящий аспект оказался наиболее репрезентативным в тексте поэмы, вследствие чего представляется наиболее рациональным рассмотреть его в первую очередь. В рамках аспекта благородства были выделены следующие ценностные категории: социальный статус, манеры и речь, внешний вид, честность (верность слову). При этом интересно, что **внешнему виду рыцаря** уделяется значительное внимание в тексте. С современной точки зрения внешность воина едва ли важна – его основной функцией является умение сражаться. Однако же, в средневековой литературе дело обстоит несколько иначе. Нередко мы наблюдаем идею соответствия внешнего и внутреннего: рыцарь, сражающийся на стороне добра должен быть также прекрасен внешне, а злодей – страшен и уродлив. В поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» эта дихотомия соблюдается в некоторой степени [Мячинская, Гемужева, 2022], [Gemueva, 2022].

Прежде всего, стоит начать с описания Зеленого Рыцаря, антагониста поэмы:

(1) *Ther hailes in at the halle dor an aghlich mayster / On the most on the molde on mesure hyghe; / Fro the swyre to the swange so sware and so thik, / And his lyndes and his lymes so longe and so grete, / Half etayn in erde I hope that he were, / Bot mon most I algate mynn hym to bene, / And that the myriest in his muckel that myght ride; / For of his bak and his brest al were his bodi sturne, / Both his wombe and his wast were worthily smale, / And alle his fetures folyande, in forme that he hade, / ful clene; [136–46]³ // When there bursts in at the hall door a terrible figure, / In his stature the very tallest on earth / From the waist to the neck so thick-set and square, / And his loins and his limbs so massive and long, / In truth half a giant I believe he was, / But anyway of all men I judge him the largest, / And the most attractive of his size who could sit on a horse. / For while in back and chest his body was forbidding, / Both his belly and waist were becomingly trim, / And every part of his body equally in shape / elegant.⁴*

Его описание интересно тем, что в нем представлена комбинация элементов, призванная устрашать читателя – его физический облик – а также элементы, призванные вызывать восторг [Мячинская, 2022]. Физический облик рыцаря строится при помощи большого количества

³ Здесь и далее модернизированная орфография.

⁴ Здесь и далее перевод на современный английский Дж. Винни

эмотивно-насыщенной лексики, рассказчик описывает его словом *aglich* – «ужасный, страшный» [136], и тут же дает оценку его размерам, выражая ее в превосходной степени [137]. Рассказчик указывает на огромные размеры пришельца и говорит, что перед собравшимися «полувеликан» [140]. Следующие две строки, напротив, характеризуют героя положительно, что и создает контраст внутри строфы. Несмотря на пугающие размеры, великан привлекателен (с оговоркой на размер), статен, имеет хорошую физическую форму. Указание на размеры не случайно, т.к. размер свидетельствует о физической мощи; то же можно сказать и о «подтянутости» его фигуры. Привлекательность при этом никак не приумножает его физической силы, однако же на ней сделан заметный акцент.

Здесь же обратимся к описанию физической наружности протагониста – Гавейна. В отличие от Зеленого Рыцаря, в его внешности нет никакой двойственности: Гавейн *красив*, о чем и говорится в тексте, где его появление метафорически соотносится с приходом весны; присутствующие при этом думают, как нам сообщает рассказчик, что прекраснее рыцаря просто нет на свете:

(2) *The ver by his visage verayly hit semed / Welnegh to uche hathel, alle on hews; <...> a comloker knyght never Kryst made, hem thoght; [866–70] // Almost everyone truly supposed from his looks / That spring had arrived in all its colors; / <...> a handsomer knight God never made, it seemed.*

Описанию одеяний обоих персонажей выделяется значительное место в тексте. Зеленый рыцарь, при этом, несмотря на всю свою грозность, потрясающе одет. Он прибывает в Камелот верхом, не в доспехах, а в обычной одежде, в одной руке держа ветку остролиста (символ мира и праздника), а в другой – огромный топор. Подробнейше описываются предметы одежды и роскоши, составляющие наряд пришельца. В тексте называются отдельные предметы одежды, ценные материалы, из которых они изготовлены (шелк, горностаевый мех), украшения (золото, драгоценные камни, вышивка, эмблемы, колокольчики). В описании преобладают прилагательные: *blythe, bryght, clene, athel, fayre* и др., иногда усиленные частицей-интенсификатором *ful*. Неоднократно встречаются слова: *dere, ryche, rychely* со значением «дорогой, богатый» в отношении одеяния, глаголы со значением «сиять, сверкать»: *glemered, glent*. Все эти средства

служат для вынесения положительной оценки этому одеянию. По подобной модели строится и описание коня. О его сбруе рассказчик говорит следующее:

(3) *That were to tor for to telle of tryfles the halve / That were enbrauded abof...* [165–66] // *It would be hard to describe even half the fine work / That was embroidered upon [it].*

Такое замечание подразумевает особенно большое количество «украшений», что свидетельствует о дороговизне и красоте, присутствующей одежде не только самого Зеленого Рыцаря, но и его коня. Интересно также то, что, сделав это замечание, рассказчик игнорирует его и тут же продолжает описывать все изысканные украшения седла, тем самым привлекая внимание читателя. Внешность коня и внешность всадника описываются параллельно, переключаясь друг с другом. Конь является завершающим дополнением к образу рыцаря: различными способами показывается его соответствие наезднику, что выражается в схожести структуры их описания. Кроме того, в описание внешности антагониста, конечно же, встраивается и его мистическое начало: и конь, и всадник полностью зеленого цвета. Неестественность, потусторонность, которой его наделяет этот цвет, также внушает ужас присутствующим:

(4) *Ther watz loking on lenthe the lude to beholde, / For uch mon had mervayle quat hit mene might / That a hathel and a horse myght such a hwe lach.* [232–34] // *For everyone marveled what it could mean/ That a knight and a horse might take such a color.*

Так, в повествовании строится сложное многоаспектное описание внешности героя. Можно наблюдать контраст между его внешностью и богатым красивым одеянием, а также мистическим началом. Все это органично встраивается в тему двойственной природы Зеленого Рыцаря, которая возникает неоднократно на протяжении поэмы. Зеленый Рыцарь сам по себе воплощает две стороны рыцарского идеала: «воинственное» и «благородное», насилие и блистательность, что отражается и на описании его внешности. Важнейшим моментом является то, как присутствующие в зале, очевидно, по одной лишь внешности, признают в пришельце именно *рыцаря* [233], а не кого-то другого, а также то, что его образ в общем произвел на присутствующих глубокое впечатление [Gemueva, 2022]. Неоднократно подчеркивается и то, что одет он в обычную одежду, а не в доспех, т.е. соблюден «дресс-код». Зеленый Рыцарь приехал на пир с относительно мирными намерениями.

Описание облачения Гавейна во многом сходно с описанием одеяний Зеленого Рыцаря, с той разницей, что Гавейн одет в доспех. Эмотивно насыщенное описание облачения строится во многом при помощи использования тех же языковых средств; затем следует описание коня, который в данном случае имеет еще и имя – Гринголет. Помимо эстетики одеяния, в описание добавляется элемент функциональности. К примеру, множество прилагательных, описывающих красоту, дороговизну и блеск, дополняются прилагательными и наречиями *crafty*, *stifly* с семантическим значением «крепко, добротню»; Гавейн снаряжен «надежным» мечом: *Gurde wyth a bront ful sure (Girt with a trusty sword)* [588]. То же самое можно отметить и в другом описании внешности Гавейна, в эпизоде, где он покидает замок Бертилака. Заметен сдвиг фокуса описания на функциональность одеяния, при этом его красота также не остается без внимания:

(5) *And graythez me Sir Gawayn upon a grett wyse. / Fyrst he clad hym in his clothez the colde for to were, / And sythen his other harnays, that holdely watz keped, / Bothe his paunce and his platez, piked ful clene, / The ryngez rokked of the roust of his riche bruny; / And al watz fresch as upon fyrst, and he watz fayn thenne / to thonk. / He hade upon uche pece, / Wypped ful wel and wlonk; / The gayest unto Grece / The burne bede bryng his blonk [2014–24] // *And gets Gawain ready in splendid attire. / First he puts clothing on him to keep out the cold, / And then the rest of his gear, that had been well looked after, / His body-armor and his plate, all polished clean, / The rings of his fine mail-shirt rocked free of rust; / Everything unstained as at first, for which he gladly gave thanks. / Wearing each metal piece Rubbed clean of stain and spot, / The best-dressed man on earth / Ordered his horse be brought.**

В этом отрывке можно наблюдать повторное использование средств описания брони, таких как прилагательные: *grett*, *clene*, *riche*, *wypped*, в том числе усиленных превосходной степенью сравнения (*The gayest*), а также усилительной частицей *ful*. С другой стороны, первая же ремарка об одеянии указывает на его функцию – *the colde for to were* – защиту от холода (к этому моменту в повествовании Гавейн уже едва не погиб от холода). Отмечается, что его кольчуга была очищена от ржавчины, и все снаряжение было «*fresch as upon fyrst*», что также имеет значение для функциональности его облачения.

Помимо прочего, внешний вид также служит для обозначения **социального статуса героя**. Выше отмечалось то, как придворные

признали в Зеленом Рыцаре именно рыцаря, несмотря на то, что он не был одет в доспех. Гавейн также обладает высоким социальным статусом, не только как рыцарь, но и как племянник короля. В поэме в целом уделяется внимание различным иерархическим отношениям между персонажами, как главными, так и второстепенными, как, например, ремарки рассказчика о соответствии положения персонажей их почетному месту за столом [73; 109]. Наиболее иллюстративным примером, демонстрирующим важность социального статуса Гавейна и то, какое отношение он сам по себе вызывает у окружающих, можно назвать эпизод в замке Бертилака. В замке гостя встречают с почетом, еще не зная ничего о нем самом:

(6) *Thay let down the grete draught and derely out yeden, / And kneled down on her knes upon the colde erthe / To welcum this ilk wygh as worthy hom thocht; [817–19] // *They lowered the great drawbridge and graciously came out, / Kneeling down on their knees upon the cold ground / To welcome this knight in the way they thought fit.**

Здесь отношение рассказчика выражается через оценочное высказывание, выражающее соответствие тому, что, очевидно, считается нормой. Хозяин замка также спускается к гостю, чтобы встретить его «*wyth menske*» – с уважением, почтением.

Гавейн известен своей галантностью. Во второй и третьей «песнях» поэмы обитатели замка Бертилака рады находиться в компании Гавейна, и, узнав, кто перед ними, они ожидают проявления его благородных манер:

(7) *That alle prys and prowes and pured thewes / Apendes to hys persoun, and praysed is ever; [912–13] // *Of the man to whom all excellence and valor belongs, / Whose refined manners are everywhere praised;**

(8) «*Now schal we semlych se sleghtez of thewez / And the teccheles termes of talkyng noble, / Wich spede is in speche unspurd may we lerne...*» [916–18] // *Now we shall enjoy seeing displays of good manners, / And the irreproachable terms of noble speech; / The art of conversation we can learn...*

Эти строки иллюстрируют известность Гавейна, которую он приобрел не столько благодаря своим воинским умениям, сколько благодаря его изящным благородным манерам; жители замка особенно отмечают его безукоризненное умение «говорить благородно». Оценка этих качеств выражается семантически через прилагательные: *sleghtez*, *pured*, *teccheles*. Радость, которую они проявляют при этом (*alle the men...*

maden much joye / To apere in his presense; [910–11]), служит индикатором их положительного отношения к этому умению. Сам факт известности рыцаря также немаловажен, т.к. известность определенных качеств предполагает интерес, проявляемый к этим качествам со стороны общества. Благородство Гавейна отмечается и рассказчиком, например, когда он называет героя «*gentylest knyght of lote*» (*самый благородный из всех рыцарей, [639]*).

С точки зрения сюжета эта черта Гавейна, конечно же, играет важнейшую роль при его «противостоянии» хозяйке замка, леди Бертилак, которая прибегает ко всяческим манипуляциям, чтобы поставить собеседника в неловкое положение. К примеру, она играючи выражает сомнения, или прямо отрицает, что перед ней сам Гавейн, т.к. настоящему Гавейну не составило бы труда распознать ее желаний:

(9) *Bot that ye be Gawan, hit gotz in mynde; [1293] // But that you should be Gawain I very much doubt; / Sir, yif ye be Wawen, wonder me thynkkez... [1481]; // Sir, if you are Gawain, it astonishes me).*

В то же время она восхваляет его рыцарские качества, такие как благородство и учтивость, используя существительные: *debonerté, [blythe] semblaunt, cortaysye*, и др., обозначающие хорошие манеры, учтивость, т.е. по отношению к Гавейну существуют некие ожидания, репутация, которым он обязан соответствовать, и которые видятся другими персонажами как его положительные качества. Здесь, как и во многих других случаях, где речь идет о придворной жизни, этикете и благородном поведении, автор Гавейна целенаправленно и активно использует лексемы, заимствованные из французского языка. Данная тенденция отмечалась различными исследователями, и особенно явно она проявляется как раз в контекстах, связанных с проявлением манер. В строке 1116 автор даже прибегает к использованию словосочетания «*Frenkysch fare*» в значении «изысканные благородные манеры».

Манеры героев играют значительную роль в поэме не только при дворе, но и в моменты конфликта. Зеленый Рыцарь, к примеру, призывает Гавейна «не злиться», когда тот готовится напасть на него с мечом, так как «*никто не поступил с ним плохо, вразрез с хорошими манерами*»:

(10) *Bolde burne, on this bent be not so gryndel / No mon here unmanerly the mysboden habbez; [2338–39].*

Таким образом, антагонист взывает к рыцарскому этикету, который явно имеет силу не только в формальной обстановке, но и на поле битвы.

Еще одной важной ценностной категорией аспекта благородства является **честность**. На протяжении всей поэмы неоднократно возникает тема клятв и обещаний, данных Гавейном. Во-первых, он принимает на себя обязательства, соглашаясь на условия игры, предложенной Зеленым Рыцарем. То же самое происходит в замке Бертилака – там герой принимает игру «обмена трофеями». Честность при этом является не только рыцарской, но и общечеловеческой ценностью. В тексте поэмы одним из проявлений честности можно назвать многочисленные клятвы. Поклявшись отыскать Зеленого Рыцаря в Зеленой часовне, Гавейн позднее относится к этому делу со всей серьезностью, говоря, что предпочел бы скорее умереть, чем «провалить свое дело»:

(11) *And me als fayn to falle feye as fayly of myyn ernde; [1067] // And [I] would rather be struck dead than fail in my quest;*

Пример иллюстрирует отношение рыцаря, т.к. он готов поставить на кон свою жизнь, лишь бы суметь выполнить свое обещание. Ключевыми для сюжета можно назвать обещания, которые Гавейн дает Бертилаку в контексте обмена трофеями, ведь именно нарушив одно из них, Гавейн вызывает «гнев» Зеленого Рыцаря, за что и получает по заслугам в финале. На протяжении первых двух дней условия игры честно выполняются Гавейном; на третий день он утаивает от Бертилака один из своих трофеев – волшебный зеленый пояс, который ему подарила хозяйка замка. С точки зрения сюжета его поведение объясняется двумя причинами: во-первых, Гавейн верит, что волшебные свойства пояса уберегут его от верной гибели. Во-вторых, дарительница пояса просит его напрямую не упоминать пояс ее мужу. Таким образом, герой оказывается связан сразу двумя обещаниями: хозяйке и хозяину замка, которые идут вразрез друг другу. Будучи галантным рыцарем, герой не может отказать даме. Так, Гавейн, преследуя цель быть верным сразу нескольким рыцарским идеалам, а также боясь смерти, неизбежно предаст один из них, вследствие чего корит себя в конце поэмы:

(12) *...For care of thy knokke cowardyse me taght / To acorde me with covetyse, my kynde to forsake/ That is larges and lewté that longez to knyghtez. / Now am I fawty and falce... [2379–82] // (For fear of your blow taught me cowardice, / To give way to covetousness, be false to my*

nature, / The generosity and fidelity expected of knights. / Now I am false and unworthy;

Рыцарь обвиняет себя в трусости, а также в том, что «предал себя, щедрость и честность, присущую рыцарям», что тем самым делает его «недостойным и ложным [рыцарем]». Эти строки иллюстрируют то, как ошибка, пусть и небольшая, заставляет Гавейна поставить под сомнение свое право считаться «настоящим» рыцарем. Однако Зеленый Рыцарь не держит обиды на героя. Он признается в том, что подстроил испытание Гавейна. Антагонист оправдывает недостаток честности тем, что герой «хотел жить» и объявляет его «самым совершенным из всех мужей, что ступали по земле» (*On the faultlest freke that ever on fote yede*; [2363]). Превосходная степень прилагательного *faultles* выражает оценку Зеленого Рыцаря, которую можно интерпретировать как наивысшую похвалу молодому Гавейну, т.к. фактически он признан им воплощением рыцарского идеала. Кроме того, в этой строфе присутствует интересное сравнение:

(13) *As perle bi the quite pese is of prys more, / So is Gawayn, in god fayth, bi other gay knyghtez. [2364–65] // As pearls are more valuable than the white peas, So is Gawain, in all truth, before other fair knights;*

Здесь превосходство Гавейна над другими рыцарями сравнивается с превосходством жемчужины над горошинами, синтаксически оформленное параллельным использованием предлога *bi* в значении «в сравнении с» [MED]. Так, метафорически снова выражается идея о превосходстве героя и его соответствия статусу «идеально-го» рыцаря.

Воинский аспект

«Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», будучи рыцарским романом, мало внимания уделяет приключенческой, героической стороне сюжета. Рассказчик упоминает, что путешествие Гавейна полно опасностей, однако же читатель не видит этого. Герой не имеет возможности проявить свое воинское мастерство, за исключением разве что самого начала, когда он отрубает голову Зеленому Рыцарю. Вместо этого, **воинское мастерство** героев отодвигается на второй план, и время от времени рассказчик ссылается на его наличие, иногда в весьма неочевидных формулировках. К примеру, в самом начале поэмы отмечается, что каждый из рыцарей Круглого стола достоин своего места:

(14) *With mony luflych lorde, ledez of the best, / Rekenly of the Rounde Table alle tho rich brether [38–39] // (With many graciouslords, men of great worth, / Noble brothers-in-arms worthy of the Round Table);*

В другом примере рыцари называются «самыми известными» на свете:

(15) *The most kyd knyghtez under Krystes selven [50] // The most famous warriors in Christendom;*

Очевидно, чтобы прославиться и добиться высокого социального положения при дворе, рыцарю необходимо проявить себя как воина, т.е. здесь можно наблюдать оценку, имплицитно выраженную через *соответствие* определенным идеалам и ценностям. Этот мотив неоднократно повторяется на протяжении сюжета поэмы, таким образом имплицитно выражая идею мастерства рыцарей в своем деле.

Физические качества рыцаря упоминались нами выше при разборе описания внешности, куда они были также интегрированы. Это качество необходимо воину, однако же рассказчик не всегда говорит о нем эксплицитно, как это было с указанием на размеры Зеленого Рыцаря, которые мы интерпретируем как отсылку как раз на физическую силу.

Примером важности физической силы можно назвать момент знакомства Гавейна и Бертилака, глядя на которого, герой мысленно отмечает, что тот «*твердо стоит на крепких ногах*»: *Sturne, stif on the stryththe on stalworth schonkez [846]*. Причем для усиления выразительности автор одновременно употребляет слова: *stif, stalworth, stryththe*. Первые два слова могут являться синонимами, обозначающими сильный (причем, второе помечено в словаре именно как сильный физически). Для последнего слова дается следующая дефиниция: 1. (a) *A firm stance; to poise*, т.е. здесь также присутствует семантический компонент *сильный, крепкий*. Употребление этих слов в совокупности в качестве аллитерационного компонента строки указывает на их значимость. Кроме того, здесь же читатель видит, какое впечатление Бертилак производит на своего гостя:

(16) *And wel hym semed, for sothe, as the segge [Gawain] thught / To lede a lortschyp in lee of leudez ful gode. [848–849] // Who [Bertilak] truly seemed capable, it appeared to Gawain, / Of being master of a castle with outstanding knights;*

То есть Гавейн, вынеся оценку физическому состоянию Бертилака и оценив ее положительно (с точки зрения соответствия рыцарскому «идеалу»), приходит к выводу, что такой сильный лорд соответствует своему положению, является достойным быть во главе «*добрых рыцарей*»,

т.е. из этих размышлений героя можно сделать вывод, что физические качества рыцарей являлись отнюдь не последним критерием в вопросе их компетентности не только как воинов, но и как членов аристократии, лидеров.

Прямая корреляция между силой и размерами устанавливается в строках 2099–2102, в момент, когда провожатый Гавейна отговаривает его идти на встречу с Зеленым Рыцарем, аргументируя это следующим образом:

(17) *For he is stiffe and sturne, and to strike lovies, / And more he is then any mon upon myddelerde, / And his body bigger then the best fowre / That ar in Arthurez hous, Hestor, other other. [2099–102] // For he is powerful and grim, and loves dealing blows, / And is bigger than any other man upon earth:/ His body is mightier than the four strongest men / In Arthur's household, Hector or any other;*

Здесь в описании присутствуют прилагательные: *stiff*, *sturne*, неоднократно встречающиеся для описания физической силы рыцарей. При этом *sturne* в словаре среднеанглийского языка имеет следующую дефиницию: (a) *Of a man, a group of men: strong, powerful; of a body, statue: large-proportioned, massive; of someone's strength or physical powers: strong, mighty*; [MED], т.е. включает в себя как значение «сильный», так и «большой». Кроме того, этот момент важен с точки зрения сюжета – это своего рода последнее испытание героя, когда он еще может повернуть назад и таким образом сохранить себе жизнь, стоит ему только отказаться от своей миссии. Этот момент в повествовании, таким образом, может послужить иллюстрацией для другой ценностной характеристики, которую мы относим к воинскому аспекту, а именно **храбрость**. В ответ на предупреждение провожатого герой отказывается, при этом выражая недовольство:

(18) «*Grant merci*» *quoth Gawayn, and gruchyng he sayde...*» [2126] // «*Many thanks*», *replied Gawain, and grudgingly he spoke...*

По мнению Гавейна, свернув с пути, он станет «трусливым рыцарем», и «ему не будет оправдания» (*and I here passed, / Founded for ferde for to fle <...>/ I were a knyght kowarde, I myght not be excused*, [2129–31]). Из этих слов можно сделать вывод, что Гавейн считает, что, сбжав, он предаст ценности рыцарства, в первую очередь, отвагу, храбрость, т.к. сама мысль прослыть «трусливым рыцарем» кажется ему оскорбительной: он скорее рискнет своей жизнью, чем репутацией.

В тексте поэмы встречаются и другие варианты актуализации, храбрости как ценностной характеристики, в том числе и прямая номинация. К примеру, мы уже рассматривали строку 261, где Зеленый Рыцарь раскрывает причину своего появления при дворе:

(19) *The wyghtest and the worthyest of the worldes kynde* [261]

Здесь антагонист называет присутствующих «*храбрейшими*» (*wyghtest*), таким образом давая собственную оценку, заключающуюся в лексическом значении прилагательного, к тому же усиленную его грамматической формой (превосходной степенью). Интересным, на наш взгляд, также является и то, что, согласно Словарю Среднеанглийского языка, слово *wyght* может означать как *смелый/храбрый*, так и *сильный физически*, причем эти два контекста признаны словарем трудноразличимыми [MED], т.е. пример в очередной раз иллюстрирует тесную связь между различными элементами аксиологического комплекса через семантическое значение слов, при помощи которых они актуализируются в тексте.

Религиозный аспект

Религиозность Гавейна в поэме проявляется различными способами и, как и другие ценностные характеристики, органично вплетается в повествование. Гавейн религиозен априори: по сюжету он рыцарь круглого стола и племянник короля Артура, и, когда он отправляется в свое приключение, его снабжают подобающей экипировкой, которая отражает не только его высокий статус рыцаря, но и статус «чемпиона» веры, что отражено в описании его щита, украшенного золотой пятиконечной звездой на красном поле, а внутреннюю сторону щита украшает изображение Девы Марии. Рассказчик заостряет внимание читателя на этом атрибуте рыцарской экипировки, не только детально его описывая, но и посредством следующей ремарки:

(20) *And quy the pentangel apendez to that prynce noble / I am in tent yow to telle, thof tary hyt me schulde*, [623–4] // *And why the pentangle should befit that noble prince / I intend to explain, even should that delay me*.

Это отступление не только призвано привлечь внимание читателя, но также и «оправдать» то время, которое будет потрачено на разъяснение символизма, заключенного в этом щите. Пятиконечная звезда соответствует пяти достоинствам Гавейна, каждое из которых также

равно пяти. Рассказчик отмечает, что Гавейн «известен как достойный [рыцарь]» и сравнивает его с золотом – *as golde pured* [633]. Эта мысль продолжается в следующей строке: *Voyded of uche vylany, wyth vertuez ennourned*; [634]. Здесь видно противопоставление добродетелей, которыми Гавейн «наделен» (*wyth vertuez ennourned*), и плохих качеств, которые, напротив, у него отсутствуют. Такое противопоставление, вкупе с метафорическим сравнением с золотом, драгоценным металлом, в предыдущей строке формирует образ добродетельного, набожного рыцаря, что соответствует идеалу рыцарской культуры. В завершение рассказчик называет Гавейна честнейшим, благороднейшим, используя при этом превосходные степени прилагательных (*most trwe, gentylest*), то есть набожность, религиозность героя напрямую связываются с его добродетелью. Далее рассказчик разъясняет эту связь, открывая символизм пяти добродетелей, явно уходящих корнями в христианские традиции. Гавейн характеризуется не только как воин, способный сражаться, но и как рассудительный и верующий человек. Последнее выражается в его вере «в пять ран, от которых Христос страдал на кресте»:

(21) *And alle his afaunce upon folde watz in the fyve woundez That Cryst caught on the croys, as the crede tellez*; [642–3]

Кроме того, вера тесно связана в представлении рассказчика с воинскими способностями Гавейна, так как отмечается, что его сила духа в сражении исходит из веры в Деву Марию и ее радость, которую она «нашла в своем сыне»:

(22) *That alle his forsnes he feng at the fyve joyez / That the hende heven-quene had of hir chylde*; [644–7]

Таким образом, значимость его веры оказывается сопоставимой со значимостью его воинских умений, которые определяют его как рыцаря, т.к. умение проявить себя на поле битвы является прямой обязанностью рыцаря: в первую очередь, рыцарь является воином. В связи с этим, объясняется и изображение Девы Марии на обратной стороне щита Гавейна, т.к. предполагается, что, взглянув на него, он укрепит свою храбрость – другую важнейшую характеристику рыцаря-воина:

(23) *At this cause the knyght comlyche hade hir image depaynted, / That quen he blushed therto his belde never payred* [648–50]

Далее перечисляются пять качеств, очевидно, необходимые настоящему рыцарю: *fraunchyse, felaghschyp, clannes, cortaysye, pité*. В контексте религиозного ценностного аспекта наиболее интересно подробнее

рассмотреть слова *clannes* и *pité*. Первое из них обозначает духовную чистоту, безгрешность. В свою очередь, *pité* имеет сразу несколько дефиниций, в том числе следующие: (a) *A feeling of pity aroused by the suffering, distress, grief, etc., of another, sympathy, commiseration; Godliness, reverent and devout obedience to God, piety* [MED]. В имеющемся контексте это слово, на наш взгляд, может быть интерпретировано и как «сострадание», и как «набожность». Однако же, последнее более органично встраивается в ряд добродетелей, перечисляемых в этой строфе, так как они охватывают различные аспекты рыцарства и явно имеют тенденцию к включению религиозности в качестве одного из аспектов. Эти качества очевидно служат репрезентацией религиозных ценностей, а их присутствие в перечне характеристик «идеального» рыцаря – Гавейна – также свидетельствует об их значимости для ценностного комплекса, характеризующего рыцаря. Кроме того, рассказчик напрямую отмечает значение набожности, указывая на то, что она «превосходит все другие» качества (*pité, that passez alle poyntez; [654]*). Помимо данного эпизода, в поэме присутствует множество «обыденных» указаний на религиозность Гавейна, которые не имеют серьезной значимости сюжетно: это упоминания его регулярных походов на церковные службы, исповеди, упоминание многочисленных молитв (в том числе и таких известных католических молитв, как *Pater Noster, Ave Maria* и др.) и восклициания, упоминающие разнообразных католических святых (напр., св. Юлиана, Иоанна, Петра и др.). Однако, наиболее значительным моментом для поэмы является эпизод, где заблудившийся, замерзший и усталый Гавейн, не имея сил бороться с силами природы, спасается с помощью своей веры.

Суровая стихия является огромным препятствием для Гавейна, гораздо более серьезным и опасным, чем бандиты и чудовища, которых он встречает на пути (*For werre wrathed hym not so much that wynter nas wors; [726]*). У героя нет власти над погодой, которая в данном случае явно выступает в качестве божественной силы, поэтому ему не остается ничего, кроме молитвы. Действие происходит в канун Рождества, и более всего, кажется, Гавейн озабочен тем, что не сможет посетить рождественскую службу. Молясь, он просит приюта, где сможет послушать рождественскую мессу и помолиться:

(24) *And therfore sykyng he sayde, / «I beseche the, lorde, / And Mary, that is myldest moder so dere, / Of sum herber ther heghly I myght here masse, / And thy matynez to-morne, mekely I ask, / And therto prestly I pray my pater and ave and crede». [754–8] // And therefore sighing he prayed, / «I beg*

of you, Lord, / And Mary, who is gentlest mother so dear, / For some lodging where I might devoutly hear mass / And your matins tomorrow, humbly I ask; / And to this end promptly repeat my Pater and Ave and Creed».

Этот эпизод очень важен с точки зрения сюжета, так как именно благодаря молитве Гавейн находит путь в замок Бертилака. Гавейн проявляет себя как подобает христианину, понимающему, что он не может противиться природе, его спасение служит примером божьей воли. С начала поэмы на Гавейна возлагаются определенные ожидания, он выступает своего рода чемпионом короля и веры, и на протяжении поэмы он оправдывает этот статус, несмотря на то, что в конце поэмы сам Гавейн считает свою миссию «провалом». Однако же, ни антагонист, Зеленый Рыцарь, ни Артур с его рыцарями не разделяют его мнения. Гавейн возвращается в их глазах героем и «достоинейшим рыцарем». При этом его образ достойнейшего рыцаря был бы неполным без элемента религиозности, который, хотя и не является центральным мотивом поэмы, занимает в тексте значительное место, одновременно органично встраиваясь в повествование.

Таким образом, нами были выделены такие категории, как воинское мастерство, физические качества (сила), храбрость, социальный статус, манеры и речь, внешний вид, честность и верность слову, религиозность. Указанные ценностные характеристики не существуют в отдельности, а находятся в тесной взаимосвязи, в совокупности образуя аксиологический комплекс, характерный для данной поэмы. Тесная связь отдельных элементов комплекса иллюстрируется их проявлением в рамках отдельных узких контекстов, а также их выражением через многозначные лексемы, чье семантическое значение может относиться сразу к нескольким ценностным категориям. При этом такие основополагающие ценностные характеристики, как воинское мастерство или физическая сила, проявляются в тексте как нечто само собой разумеющееся, на них не заостряется внимание читателя, часто они выражены имплицитно. С другой стороны, внешность, манеры и благородство занимают значительное место в повествовании, также как и воинские характеристики, они являются обязательными, выражаются эксплицитно. Особое внимание, уделенное в поэме социальной стороне рыцарства (т.е. аспекту благородства), объясняется ее сюжетом, который, как было указано выше, ставит под сомнение роль воинского аспекта рыцарства в качестве основы рыцарских ценностей. Вместо этого автор Гавейна раскрывает не менее важный социальный аспект.

Это подкрепляется и наличием религиозной составляющей в поэме, которая также органично вплетается в повествование и является другой обязательной и априорной характеристикой персонажей поэмы. Таким образом, аксиологические характеристики, входящие в состав комплекса поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», взаимодействуя друг с другом, служат для формирования и образа рыцаря, и общего сюжета поэмы.

Список словарей

- 1 The Electronic Middle English Dictionary based on Middle English Dictionary by H. Kurath, Sh. Kuhn. University of Michigan, 2001.
URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 10.05.2022). [= MED].

ГЛАВА X. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ О МЕНТАЛЬНОМ ДИСКОМФОРТЕ

В последнее время в социальных сетях заметна тенденция к публикации автобиографических нарративов, содержащих истории о столкновении с проблемными жизненными ситуациями [Анохина, Булаева, Щурина, Anderson]. Предположительно, интернет-тексты, написанные в форме автобиографических нарративов с драматическим сюжетом, позволяют адресантам вовлекать широкую аудиторию в обсуждение актуальных социальных проблем [Сысоев, 2010]. Рассматриваемые автобиографические нарративы – последовательные рассказы авторов о событиях своей жизни [Дивисенко, 2013, с. 98], содержат в себе высказывания прагматической направленности, призванные оказать эффективное воздействие на массовый адресат.

В анализируемых текстах авторы говорят о собственных чувствах и переживаниях, заявляют о состоянии у них ментального дискомфорта, вызванного внешними факторами. Под ментальным дискомфортом понимается неприятное внутреннее состояние или ощущение, являющееся результатом беспокойства, неудовлетворенности, самокритики или неуверенности в себе [Кабейн, 2021, с. 42]. В данных текстах состояние ментального дискомфорта не является диагностированным заболеванием, но часто рассматривается в контексте проблем ментального здоровья. Авторы текстов формируют собственный микродискурс, объединенный проблемами психологического или психоэмоционального характера.

В исследуемых интернет-текстах были выделены типы использованных прагматических высказываний: репрезентативы, экспрессивы, директивы, коммисивы и квестивы. Под прагматическими высказываниями понимаются речевые акты, несущие в себе определенные коммуникативные интенции. Выделение прагматических типов высказываний в интернет-текстах позволяет лучше понять целеустановки адресанта, учитывая одновременно особенности речевой ситуации и интенции участников коммуникации.

Лингвистический и дискурсивный анализ интернет-текстов с применением методического инструментария теории речевых актов позволяет обратить внимание на механизмы воздействия, осуществляемые адресантами, в условиях интернет-коммуникации. Вслед за отечественными исследователями [Красина, Сысоев, Синельникова, Чернышова] авторы данной статьи рассматривают теорию речевых актов через призму

дискурсивного метода, где адресант и адресат определяются как «смежная пара» [Синельникова, 2019, с. 191–192]. Данный подход представляется успешным в связи с коммуникативной природой интернет-среды в целом и ее симультанным характером.

Выбор постов обусловлен тематикой материалов и проводился методом заданной выборки. В качестве материала исследования были отобраны англоязычные посты в социальных сетях, опубликованные в период с апреля 2019 до февраля 2022 г. В исследуемых интернет-текстах наличие ментального дискомфорта заявляется авторами и подкрепляется тематическими хэштегами. Для анализа были выбраны 58 текстов, в которых авторы говорят о проблемах психологического или психоэмоционального характера, с которыми, по их утверждению, они столкнулись. Посты отбирались в соответствии с наличием у них одного или нескольких из следующих хэштегов: #mentalhealth #mentalhealthawareness #mentalhealthissues #depression #anxiety #anxietyawareness #mentalhealthmatters #mentalhealthawarenessweek #eatingdisorderawareness #breakstigma #postyourpill.

Диалогичная направленность интернет-коммуникации позволяет предположить, что любое высказывание, опубликованное в социальных сетях, подразумевает наличие ответной реакции. Под ответной реакцией здесь понимаются комментарии, личные сообщения, ответные посты, «лайки», «дизлайки» и другие выражения отношения пользователей к размещенному контенту. Отсутствие ответной реакции часто говорит о неэффективной коммуникации.

Обратимся к примеру текста, представляющего собой ответ на сообщение. Данный текст является постом с отсроченной обратной связью. Для такого типа обратной связи характерно предоставление большого числа подготовленных аргументов, выражающих согласие или несогласие со сказанным ранее. Таким образом, содержание поста носит продуманный характер.

POST YOUR PILL. Yesterday I received a message saying that because I was a doctor who needs support and treatment for their mental health, that I am not fit to do my job. Here are my thoughts.

- *Everyone has mental health and many of us will experience struggles at some point.*
- *Recognising that you need help and getting the support you need ultimately makes you stronger.*
- *Why should getting treatment for mental health be any different to physical illness? Would you prevent a doctor working after cancer?*

- *Not getting the treatment may mean the problem gets worse and if no one knows about it, you might not be getting the support you need. Getting help results in the opposite.*

Having insight into what it's like to have mental illness only improves your ability to empathise with your patients.

What a stupid comment. Swallowing my pill anyway.

I could go on and on. But these are some of my thoughts. If you can, please join me and post your pill to END MEDICATION STIGMA. We do this on the first of the month. Every month #PostYourPill [7].

Речевое поведение автора рассмотренного поста характеризуется интенциональностью, эмоциональностью, экспрессивностью и аргументированностью, проявляющихся в использовании:

- Заглавных букв при написании ключевых фраз: POST YOUR PILL; END MEDICATION STIGMA;

- Ряд аргументов о неправомерности социальной стигматизации в отношении врачей. Например: Everyone has mental health and many of us will experience struggles at some point;

- Риторических вопросов: Why should getting treatment for mental health be any different to physical illness? Would you prevent a doctor working after cancer?

- Директивов в форме призыва POST YOUR PILL и просьбы if you can, please join me and post your pill...

- Эмотиконов и символов как средств привлечения внимания и невербального общения;

- Запоминающихся хэштегов для распространения информации и привлечения внимания.

В данном случае можно говорить об успешной коммуникации, сам ответный пост является доказательством этого. Выделенные характеристики помогают автору оказать воздействие на адресата, заключающиеся в борьбе с социальной стигматизацией лиц с ментальными расстройствами и заболеваниями, в частности врачей. Также выделяется эффект драматизма: размещая данный пост, автор бросает вызов обществу.

Сильную диалогичную интенцию имеют ритуализированные речевые акты. К ним относится речевой акт благодарности, присутствующий в ряде исследуемых текстов. Анализируя использование благодарности адресантами, мы обращаемся к понятию перформативности – «суждению, равному действию в присутствии адресата». Ритуализированные речевые акты перформативны [Синельникова,

2019, с. 194–195]. Перформативность обеспечивает взаимодействие адресанта и адресата, координацию их речевых действий, реализует адресованность [Россолова, 2008].

Обратимся к фрагменту текста, где присутствуют несколько речевых актов благодарности:

This account has pushed me to be more vulnerable and open with others and I am so thankful for that. Through this process I was able to find that talking about mental health openly and honestly can make so much of a difference.

There is no shame in struggling with your mental health. My experience with mental health has been one hell of a journey. It's been really really really hard sometimes. Dear my anxiety has given me an outlet to express my journey and a community who teaches me things every single day. Thanks for being here with me [3].

Речевое поведение автора данного поста характеризуется использованием:

- Повторов: *really really really*;
- Эмоциональной и экспрессивной лексики и выражений: *to be more vulnerable and open, no shame in struggling, one hell of a journey, really hard; openly and honestly*;
- Усиливающих наречий: *really, so*;
- Усиливающих детерминативов: *every, this, much, no*;
- Однокоренных слов в рядом стоящих предложениях: *open – openly*.

Данные характеристики придают тексту выраженную эмоциональность и экспрессивность: автор нагнетает обстановку, подчеркивая важность своего сообщения.

В рассматриваемом фрагменте представлено два речевых акта благодарности. Иллокутивная цель речевого акта «*I am so thankful for that*» заключается в выражении собственной благодарности автора к себе за отказ от анонимности и открытое выражение своих чувств и мыслей, одобрение своих собственных действий. Перлокутивный эффект данного речевого акта заключается в дальнейшей коммуникации – получении обратной связи от читателей посредством комментариев. Иллокутивная цель речевого акта благодарности «*Thanks for being here with me*» заключается в выражении чувства признательности адресанта к адресату. Согласно классификации Дж. Серля благодарность относится к экспрессивам, для которых характерна искренность. Выражая благодарность, автор оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию. Перформативное употребление восклицания «*thanks*» в высказывании «*Thanks for being here with me*» можно определить, как «благодарю вас, что вы рядом, и прошу и дальше оставаться со мной». В рассмотренном примере можно заметить совмещение манипуляции,

закрывающейся в получении автором сочувствия и поддержки как реакции от прочитанного со стороны аудитории, и благодарности, выражаемой автором. Это не обычная ритуализированная благодарность как знак вежливости, а скрытая манипуляция на эмоциях и чувствах аудитории. Структурная организация речевого акта благодарности диалогична, что подразумевает ответные комментарии и сообщения от подписчиков.

Авторам анализируемых текстов наиболее свойственно использовать репрезентативы, экспрессивы, директивы и комиссивы. В исследуемых текстах представлены речевые акты просьбы, утверждения, предсказания, объяснения, описания, констатации, признания, осуждения, совета, запрета, инструкции, призыва, благодарности, извинения, сожаления, чувства вины, стыда, радости, одобрения, неодобрения, ответа на вопрос, гарантирования, обещания, приветствия, пожелания.

Рассмотрим анализ информативных повествовательных высказываний – репрезентативов в текстах на тему лекарственной зависимости и борьбы со стигматизацией лиц с ментальными заболеваниями и расстройствами. В данных текстах было выявлено использование репрезентативов в виде речевых актов утверждения, объяснения, признания и констатации.

Таблица 1. Репрезентативы

Вид речевого акта	Высказывания
Утверждение	<p><i>And no matter how much kale I eat, meditating I do, medication is a part of my self-care [1]</i></p> <p><i>I know there is a lot of fuss about the world being over medicated – I am a firm believer that when it's used properly and monitored, it is life saving [1]</i></p> <p><i>Medication is nothing to be ashamed of [1]</i></p> <p><i>Talking about mental health is cool! And more importantly: absolutely NECESSARY [2]</i></p> <p><i>Talking about my mental health on this account has changed my life in many ways [2]</i></p> <p><i>When I was a kid, we didn't talk about mental health – when my parents were kids, they DEFINITELY didn't talk about mental health [2]</i></p> <p><i>We can change things [4]</i></p> <p><i>I believe it's my duty to break that cycle and talk about it, care for it, and normalize getting help for it [2]</i></p>

Вид речевого акта	Высказывания
	<p><i>The most incredible way it has done this is by creating a community and making people feel SAFE enough to talk about their experiences [2]</i></p> <p><i>I know there's still a lot of stigma surrounding mental illness + many people who still don't feel safe or comfortable opening up about it [2]</i></p> <p><i>Everyone has mental health and many of us will experience struggles at some point [7]</i></p> <p><i>Recognising that you need help and getting the support you need ultimately makes you stronger [7]</i></p> <p><i>Not getting the treatment may mean the problem gets worse and if no one knows about it, you might not be getting the support you need. Getting help results in the opposite [7]</i></p> <p><i>Having insight into what it's like to have mental illness only improves your ability to empathise with your patients [7]</i></p>
Объяснение	<p><i>This pushes me to talk about my own journey more [2]</i></p> <p><i>Yesterday I received a message saying that because I was a doctor who needs support and treatment for their mental health, that I am not fit to do my job [7]</i></p> <p><i>I have been thinking quite hard about whether to post this, but I feel it's the right thing to do. So many people live with medication stigma everyday, a fear that they will be judged as being weak or discriminated against, simply for taking a pill to help with their mental health [8]</i></p> <p><i>This post is not about saying medication is the 'answer' for everyone, rather to say that for those who need it should have access without barriers or shame [8]</i></p> <p><i>But the fact that mental illness is being spoken about a lot more, does not mean the stigma has gone, I still face it a lot, people not understanding, or thinking I'm weak or a 'snowflake' as a lot of the baby boomer generation seem to think [9]</i></p>

Вид речевого акта	Высказывания
	<i>I've been inspired by @dralexgeorge #PostYourPill movement over the past month or so as see an influencer that works so hard for the greater good is inspiring, especially considering the suicide rates of men in the UK [9]</i>
Констанция	<i>While medication does help your brain chemistry work to manage these complex layers, i remind myself that it can't soothe your soul [1] The other day I did a pole on my stories and 75% of you have faced medication stigma [8] I really needed this treatment but for years I didn't access it [8]</i>
Признание	<i>I take medication, alongside therapy and self care, to help with my anxiety [8] It took me time to re-train my brain to think differently but with persistence, it worked [4]</i>

Перлокутивный эффект рассмотренных речевых актов заключается в воздействии на аудиторию с целью повышения осведомленности о проблемах ментального здоровья и борьбе с социальной стигматизацией. В ходе анализа данных примеров были выявлены следующие особенности:

- В 74% случаев использовался прямой порядок слов; в 26% – инверсия;
- В 40% из представленных примеров были использованы отрицательные лексические единицы и конструкции;
- Авторам свойственно использование языковых единиц, усиливающих эмоциональность письменной речи: *how much; over; more importantly; absolutely necessary; in many ways; definitely; the most incredible; a lot of stigma; many people; still; everyone; many of us; ultimately; worse; no one; only; to push; more; hard; so many people; everyday; to be discriminated; a lot of; so hard; greater good; medication does help; really;*
- В 28% случаев было выявлено, что рассматриваемые иллокутивные акты можно отнести к смешанному типу: высказывания в них содержали элементы разных видов и типов речевых актов.

Элементами экспрессивов в рассматриваемых репрезентативах являются следующие высказывания: (1) *The most incredible way* – в данном примере представлена положительная оценка, характерная для экспрессивов; (2) *I feel it's the right thing to do* – одобрение собственного поступка.

Элементами директивов в рассматриваемых репрезентативах является высказывание с хэштегом *#PostYourPill*, несущее в себе призыв.

Репрезентативы, соединившие в себе особенности речевого акта утверждения и предсказания, содержатся в следующих высказываниях: (1) *Everyone has mental health and many of us will experience struggles at some point. Recognising that you need help and getting the support you need ultimately makes you stronger*; (2) *Not getting the treatment may mean the problem gets worse and if no one knows about it, you might not be getting the support you need. Getting help results in the opposite*.

Репрезентативы, соединившие в себе особенности речевого акта констатации и утверждения, содержатся в высказывании: *While medication does help your brain chemistry work to manage these complex layers, I remind myself that it can't soothe your soul*.

В анализируемых текстах было также выявлено использование разных видов вопросительных высказываний – квестивов. В ряде случаев в них был заложен риторический вопрос. Например, *Because if I can help a social media community of people, I should be able help myself, right* [10]? или *I guess being aware is step 1 of the process* [6]? В других квестивах используется тактика открытого вопроса, несущая в себе призыв к дальнейшей коммуникации за счет ответов адресатов. Например: *How are rape victims and survivors treated where you live* [5]? или *Does this sound familiar to you* [11]? Также можно выделить автоквестивы – вопросы авторов к самим себе. Например: *Will I become addicted* [1]? Автоквестивы могут также носить риторический характер.

Можно заметить, что квестивы всегда имеют коммуникативную интенцию. Риторические вопросы, обычно не подразумевающие ответа, несут в себе призыв продолжить обсуждение в комментариях, задуматься над заявленной проблемой. Например, риторический вопрос – *Would you prevent a doctor working after cancer* [7]? – подталкивает подписчиков к обсуждению темы в комментариях или публикации собственного поста с общим хэштегом.

Квестивы помогают адресантам произвести речевое, эмоциональное и информационное воздействие на массовый адресат, несут в себе коммуникативную интенцию, а также способствуют созданию эффекта интерактивности контента и в некоторых случаях драматичности.

Например, характерный эффект драматизма, привлекающий внимание аудитории, присутствует в следующем высказывании: *How can I trust the process and believe success is still possible for me, and that me, my work and our community does deserve it?* [6].

Можно заключить, что авторам рассматриваемых интернет-текстов наиболее характерно использовать следующие типы прагматических высказываний: репрезентативы, экспрессивы, директивы, коммисивы и квестивы. В анализируемых текстах были представлены речевые акты просьбы, утверждения, предсказания, объяснения, описания, констатации, признания, осуждения, совета, запрета, инструкции, призыва, благодарности, извинения, сожаления, чувства вины, стыда, радости, одобрения, неодобрения, ответа на вопрос, гарантирования, обещания, приветствия, пожелания. Некоторые высказывания носят смешанный характер и соединяют в себе несколько видов или типов речевых актов.

Речевое поведение авторов рассмотренных постов характеризуется эмоциональностью, интенциональностью, субъективностью, открытостью, экспрессивностью, аргументированностью, перформативностью, манипулятивностью и стремлением к диалогичности. В интернет-текстах выделяется использование ритуализованных речевых актов, призванных оказать манипулятивное эмоциональное воздействие на аудиторию.

Риторический аспект диалогической коммуникации в рамках рассматриваемого дискурса направлен на повышение уровня общественной осведомленности по актуальной теме или проблеме. Коммуникация здесь носит интенциональный, манипулятивный характер, адресант и адресат рассматриваются как «смежная пара». Возможность комментирования и система хэштегов позволяют подписчикам быть причастными к нарративу, делиться своими личными историями и повышают вовлеченность читателей, что также является целью адресанта.

Источники примеров

1. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CUF0lG5LrxJ/> (дата обращения: 26.09.2021).
2. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CZ2WRIDPPWK/> (дата обращения: 13.02.2022).
3. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CSc4jS0MITn/> (дата обращения: 15.08.2021).

4. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CUUWiO6ghtz/> (дата обращения: 05.10.2021).
5. Instagram // URL: https://www.instagram.com/p/CQJbam_AUCQ/ (дата обращения: 10.07.2021).
6. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CVOL6E4ArPt/> (дата обращения: 04.11.2021).
7. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CZbV59itBA0/> (дата обращения: 03.02.2022).
8. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CWxjxHQNvDK/> (дата обращения: 03.02.2022).
9. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CZmIwn1N9jS/> (дата обращения: 08.02.2022).
10. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CaiPJ0Vvqim/> (дата обращения: 28.02.2022).
11. Instagram // URL: <https://www.instagram.com/p/CT7nk7CFGql/> (дата обращения: 29.09.2021).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович И.М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношение к ним фразеологического словаря // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина. М. —Л.: Наука, 1964. – С. 213–220.

Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. – С. 95–101. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1986/861/861095.htm> (дата обращения: 18.02.2022).

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.

Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий – трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. – 28 с.

Аракелян О.А. Фразеологические единицы в системе языка как фактор идиоматизации иноязычной речи студентов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, №1(18), 2006, стр. 9–13.

Бажалкина Н.С. Афористичность как средство языкового воздействия в политическом дискурсе: на материале выступлений американских, британских и российских политиков: дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 2012. – 221с.

Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) / А.Н. Баранов. – Москва, 1998. – 64 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. – Т. 1. М.: Искусство, 1949. – С. 175.

Бобков И.М. Постколониальные исследования. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом «Университет»; Интерпрессервис, 2003.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2014. 236 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.

Булатова А.П. Искусствоведческий дискурс конца 90-х годов и тенденции его развития // *Формула круга. Сб. статей к юбилею профессора О.Г. Ревзиной.* М., 1999. С. 59–64.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т.И. Вендина. – Москва: Индрик, 2002. – 336 с.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография.* М., 1977, стр. 140–161.

Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // *Язык. Дискурс. Политика.* Волгоград, 1998. – С. 22–46.

Волконская М.А. Язык среднеанглийской поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»: традиционные поэтизмы и заимствования в их функциональном взаимодействии. Дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2012. 346 с.

Володина Н.А., Алехин Э.В. Советский плакат в системе большевистской пропаганды: образ будущего (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс] URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/21/history/volodina-alekhin.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // *Вестник Московского университета.* 1997. № 3. С. 87–95.

Гладких С.В. Этнические стереотипы и проблемы межкультурного общения // *Этнические проблемы современности: Сборник статей.* № 5. – Ставрополь, 1999. – С. 57–65.

Горшунова Е.Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.Ю. Горшунова. – Бирск, 2009. – 207 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. – 350 с.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования.* № 3. – М., 2002. – С. 32–43.

Дивисенко К.С. Опыт структурно-семантического анализа автобиографического нарратива // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М).* 2013. № 36. С. 94–112.

Доладова О.В. Проблема уровней языковой иерархии. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* Т. 22, №4, 2016, С. 105–112.

Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии под ред. А.Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25–40.

Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 54. – С. 167–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-chuzhoy-drugoy-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 04.02.2021).

Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика. СПб.: Бельведер, 2000. – 140 с.

Ерохина А.Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса: на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 184 с.

Жаркова У.А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе / У.А. Жаркова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 49–52.

Засорина Л.Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1977. – 935 с.

Иванова Е.И. Новые и старые культурные герои. Человек в мире культуры // Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 81–86.

Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А.А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1 (4). – С. 66–78.

Илиополова К.С. Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: автореф. дисс. ...канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 23 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

Кабейн О.Ф. Харизма. Как влиять, убеждать и вдохновлять. – М.: Альпина Паблшер, 2021. – 311 с.

Казакова Е.А. Теоретические подходы рассмотрения дуальности «свое–чужое» // Вестник Челябинского гос. ун-та. Илиополова К.С. Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной. – 2014. – № 11 (340). – С. 120–125. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-rassmotreniya-dualnosti-svoyo-chuzhoe/viewer> (дата обращения 14.05.2021).

Камалова С.Д. Дихотомия «свой–чужие» в дискурсе палестино-израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на

материале романов Линн Рейд Бэнкс «Broken Bridge» и Глории Дубов Микловитц «The Enemy Has a Face» // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 72–84. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8c2/72-> (дата обращения: 18.08.2021).

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. С. 12–18.

Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 65–67.

Кованова Е.А. Анекдот как источник этнорегиональных стереотипов в межкультурной и межэтнической коммуникации // Материалы X Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». 19–20 апреля 2021 г. – СПб., 2021 – С. 247–253.

Кованова Е.А., Щекина Д.Б. Стереотипы об аристократах и их языковая актуализация в британском публицистическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – № 7. – С. 196–203.

Козырев Г.И. Враг, образ врага. URL: <http://kozyrev-gi.ru/pages/vrag-obraz-vraga/> (дата обращения 10.10.2021).

Константинова А.А. Окказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348 (июль). – С. 24–28.

Красикова О.В. Эвфемизмы в современном английском разговорном и художественном дискурсе как выражение политкорректности // Вестник МГЛУ. Выпуск 17 (703), 2014, С. 60–65.

Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций. – М.: Издательство «Экзамен», 2002. – 448 с.

Крячкова А.П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе Германии / А.П. Крячкова // Мировая политика. – Москва, 2010. С. 157–161.

Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. – М., 2000.

Кулькова М.А. Гетерогенные явления в паремиологической системе немецкого языка: системно-функциональный аспект изучения // Филология и культура. Казань: изд-во Казанского университета, 2013. № 1 (31). С. 71–75.

Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970.

Майков А.В. Патриотизм и национализм в системе «свой–чужой» // Русский журнал. 26.01.2006. URL: <http://2005.russ.ru/comments/108781226> (дата обращения 27.11.2021).

Мальцева В.В. Полидискурсивность как преодоление линейности текста (на материале романа Е.Г. Водолазкина «Лавр») // Русская филология. 2017. № 1. С. 28–33.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Матвеева Т.В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилетика. Риторика: [Более 900 понятий и терминов] – М.: Флинта: Наука, 2003. – 431 с.

Милетова Е.В. К проблеме двойственной природы современного англоязычного искусствоведческого дискурса / Е.В. Милетова // Перспективные вопросы мировой науки: материалы VIII научно-практической конференции (17-25 декабря 2012 г., Болгария). – София, 2012. – С. 40–46.

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского университета. № 1. 2013. – С. 52–65.

Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса / Н.Н. Миронова. – Москва, 1998. – 355 с.

Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 24 с.

Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия – М.: Либроком, 2009. – 252 с.

Моисеев М.В. Сопоставительная лингвокультурология английского и русского языков: учеб. пособие / М.В. Моисеев, Н.Г. Гичева. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. – 186 с.

Моисеев М.В. Этнорегиональные языковые и дискурсивные стереотипы в английской лингвокультуре // ОНВ. 2015. № 5 (142). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/etnoregionalnye-yazykovye-i-diskursivnye-stereotipy-v-angliyskoy-lingvokulture> (дата обращения: 10.04.2022).

Молодыхенко Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960–2008 гг.). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 24 с.

Мячинская Э.И., Гемуева Т.Р. Описание внешности как элемент комплексной аксиологической характеристики средневекового рыцаря в среднеанглийских поэтических текстах // Тезисы докладов 50-й Международной Филологической Конференции им. Людмилы Алексеевны Вербицкой (15–23 марта 2022). СПб.: СПбГУ, 2022. С. 366

Никифоров О.Ю. Виртуальный дискурс: интеграция и дифференциация [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. URL: <http://www.human.snauka.ru/2012/11/1930> (дата обращения: 08.11.2021).

Олянич А.В. Потребности. Дискурс. Коммуникация / А.В. Олянич. – Волгоград, 2014. – 216 с.

Ошева Е.А. Паремнологическое пространство: дискуссионные вопросы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2013. № 1 (1). – С. 75–88.

Петроченко Л.А. Функционально-семантическое поле death как эвфемистический феномен // Вестник ТГПУ, № 6 (183), 2017, с. 76–79.

Попова Т.Г., Бокова Ю.С. Категория ЦЕННОСТЬ как сущностная характеристика языка / Вестник ЮУрГУ, № 2 (261), серия Лингвистика, выпуск 14. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 17–22.

Потапова Н.А. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике // Мир науки, культуры, образования, 2016. Т. 61. № 6. – С. 358–361.

Потехина М.С. Проблема ключевых слов в филологии. URL: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/2017/10/06_potehina-36-39.pdf (дата обращения: 12.01 2022).

Россолова О.А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. [Текст] – Петропавловск-Камчатский, 2008. – 194 с.

Савенкова Л.Б. Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 240 с.

Садохин А.П. «Свой–чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии, 2007. – № 3. С. 15– 19.

Саид Э. Ориентализм. – М., 2006 (1989).

Серебрянникова Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 49–76.

Синельникова Л.Н. Речевой акт: от обязательного минимума к дискурсивному максимуму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-ot-obyazatel'nogo-minimuma-k-diskursivnomu-maksimumu> (дата обращения: 08.04.2022).

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 989 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, 1999. URL: http://ipkfr.nspu.ru/file.php/1/Stefanenko_ENtnopsikhologija.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. – С. 217–218.

Сысоев В.А. Особенности фреймовой структуры речевых актов в художественном дискурсе // Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Т. 1. – Тюмень, 2010. – С. 268–271.

Телия В.Н. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические перепахты) // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 266–278.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения [Текст] / К. Фокс [пер. с англ. И.П. Новоселецкой]. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 264 с.

Фуко М. Дискурс и истина. М.: Логос. 2008 – 94 с.

Хомякова Е.Г. Об организации ценностного пространства англоязычного дискурса // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных статей. 2018. С.120-122

Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Эстетическая эмпатия и категория знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2018, вып. XXXII. – С. 418–426.

Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фридлендера. Сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

Чернышов С.В. Фразеология как средство выразительности речи. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Специальный выпуск, 2008, с. 283–286

Чернышова Т.В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. № XV.

Шапинская Е.И. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-v-tekstah-kultury-politika-reprezentatsii-nachalo> (дата обращения: 22.04.2022).

Шапинская Е.И. Проблема Другого в современной культуре и культурологии. [Электронный ресурс] URL: https://intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheskie-issledovaniya-cheloveka/orientiry_3/8446-problema-drugogo-v-sovremennoj-kulture-i-kulturologii.html (дата обращения: 11.03.2022).

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 440 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. – М.; Волгоград: Перемена, 2000. – 477 с.

Шмелева Т.В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики / Т.В. Шмелева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2012. – № 18 (137) – С. 157–163.

Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента. URL <https://burago.com.ua/t-shmeleva-klyuchevye-slova-tekushhego-m/> (дата обращения: 09.04.2022).

Эпштейн М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. URL: <https://iknigi.net/avtor-mihail-epshteyn/134102-ot-znaniya-k-tvorchestvu-kak-gumanitarnye-nauki-mogut-izmenyat-mir-mihail-epshteyn/read/page-12.html> (дата обращения: 22.04.2022).

Яшин В.Н. Архетипические ключевые слова отечественной политической речи (советский и постсоветский периоды). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2010. – 33 с.

Adams J.T. The Epic of America. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.262385/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 09.12.2022)

Anderson D. Storytelling Manipulation of the Audience – Learn How to Skyrocket Your Personal Brand and Online Business Using the Power

of Social Media Marketing, Including Instagram, Facebook and YouTube. 2019. – P. 109.

Anderson, Heidi Orava. Kick the Bucket or Cash in One's Chips. An analysis of some English slang expressions for dying. Umea University, 2018.

Barber, R.W. The Knight and Chivalry. Revised ed. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1995.

Bargmann, Sascha and Manfred Sailer. The syntactic flexibility of non-decomposable idioms // Multiword Expressions: Insights from a Multilingual Perspective. Language Science Press, Berlin, 2016, p. 1–29.

Bennett M.J. Community, Class and Careerism, Cheshire and Lancashire Society in the Age of Sir Gawain and the Green Knight. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Bhabha, Homi K. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.

Brewer D.S. A Companion to the Gawain-poet. United Kingdom, 1997.

Burrow J.A. Ricardian poetry: Chaucer, Gower, Langland and the 'Gawain' poet, [by] J. A. Burrow Routledge and K. Paul London, 1971.

Danglli Leonard. Restrictions of synonym use // Вестник Таганрогского института управления и экономики, № 1, 2016, с. 80-82.

Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis; Amsterdam-1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourses.org/download/articles/> (Дата обращения: 01.09.2022 – 10.09.2022).

Eemeren F.H. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: extending the pragma-dialectical theory of argumentation. Amsterdam: John Benjamins. 2010. – 308 p.

Egan Andy. Pretense for the complete idiom // *Nous*, No 42(3), 2008, p. 381–409.

Fellbaum Christiane. Is there a grammar of idioms? // Paper presented at 8th Brussels Conference on Generative Linguistics, 2015.

Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – London: Hodder & Stoughton, 2004. – 424 p.

Gemueva T.R. The representation of courtesy in the 14th century chivalric romance Sir Gawain and the Green Knight // *Philology*. 2022. № 4 (40). С. 38–42.

Gibbs R.W. Jr., Beitel D.A., Harrington M., Sanders P.E. Taking a Stand on the Meanings of Stand: Bodily Experience as Motivation for Polysemy // *Journal of Semantics*, 1994. Volume 11. № 4. P. 231–251.

Hamblin, Jennifer L., Raymond W. Gibbs, Jr. Why You Can't Kick the Bucket as You Slowly Die: Verbs in Idiom Comprehension. // *Journal of Psycholinguistic Research*. Vol. 28. No. 1, 1999, p. 25–39.

- Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. London; New York: Routledge, 2002.
- Kaeuper R.* Chivalry and Violence in Medieval Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Keen M.* Chivalry. New Haven: Yale University Press, 1984.
- Langlotz Andreas.* Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006.
- Levinson S.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press. 1983. – 420 p. Lincoln, House Divided Speech (1858). URL: <https://housedivided.dickinson.edu/sites/teagle/texts/lincoln-house-divided-speech-1858/> (дата обращения: 09.12.2022).
- Lindsay S.R.* Questioning chivalry in the Middle English Gawain romances, 2012 <https://doi.org/10.17615/waz4-yr03>
- Lippmann W.* Public Opinion. – N. Y.: Macmillan, 1922. – 427 p.
- Macrae C.N., Milne A.B., Bodenhausen G.V.* Stereotypes as Energy-Saving Devices: A Peek Inside the Cognitive Toolbox // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 66(1). – 1994. – P. 37–47.
- Mieder W.* Proverbs are the best policy: Folk wisdom and American politics. URL: <https://archive.org/details/proverbsarebestp0000mied> (дата обращения: 10.10.2022).
- Newmeyer, Frederic J.* The regularity of idiom behavior // Lingua, No 34, 1974, p. 327–342.
- Nunberg, Geoffrey, Ivan Sag and Thomas Wasow.* Idioms // Language, No 70, 1994, p. 491–538
- Raukko J.* An «Intersubjective» Method for Cognitive-Semantic Research on Polysemy: the case of get // Cultural, Psychological and Typological Issues in Cognitive Linguistics. Current Issues in Linguistic Theory, 152, 1999. P. 87–105.
- Raukko J.* Polysemy as Flexible Meaning: Experiments with English get and Finnish pitää // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language, 2003. P. 161–193.
- Sandra D., Rice S.* Network Analysis of Prepositional Meaning: Narrowing Whose Mind – the Linguists' or the Language User's? // Cognitive Linguistics, 1995. Vol. 6. № 1. P. 89–130.
- Saul N.* Chivalry in Medieval England. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011.
- Searle John R.* Intentionality. New York: Cambridge University Press / Online Edition // 2012. 278 p.
- Spivak G.Ch.* In Other Words. Essays in Cultural Politics. New York: Methuen, 1987.

Tajfel H. (Ed.) Social identity and intergroup relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 143–162.

Tannen D. Agonism in Academic discourse // Journal of Pragmatics. Vol. 34. Issues 10-11., October-November 2002. – P. 1651-1669/[https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00079-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00079-6)

Thomas, A. The Court of Richard II and Bohemian Culture: Literature and Art in the Age of Chaucer and the Gawain Poet. Cambridge: D.S. Brewer, 2020.

Wierzbicka A. Precision in Vagueness: The Semantics of English «Approximatives» // Journal of Pragmatics 10. 1986. – P. 597–614.

Winny J. Sir Gawain and the Green Knight. Peterborough, Ont: Broadview Press, 1992.

Young R. The Ambivalence of Bhabha. In White Mythologies: Writing History and the West. London; New York: Routledge, 1990.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИСТИКА:
ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ

Под общей редакцией Е.Г. Хомяковой

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № ??? . Подписано в печать от ??? . Бумага офсетная.

Формат 60x84¹/₁₆. Объем ??? п.л. Тираж ??? экз.

СПб., 191015, а/я 83, тел (812) 685-73-00, 970-35-70

asterion@asterion.ru